К 09
К 7369

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

М. Т. АЙТБАЕВ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КИРГИЗСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

(По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР)

Фрунзе — 1937

Архивный экземпляр

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К 09
А 369

М. Т. АЙТБАЕВ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КИРГИЗСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

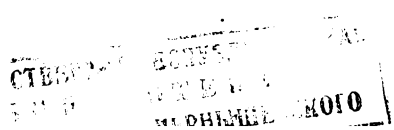
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КИРГИЗСКОЙ ССР)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН КИРГИЗСКОЙ ССР
Фрунзе—1957

ИРБИС

Печатается по постановлению
редакционно-издательского Совета
Академии наук Киргизской ССР

944889



ВВЕДЕНИЕ

Настоящий историко-этнографический очерк в основном посвящен выяснению русско-киргизских связей и их влиянию на развитие хозяйства и культуры киргизов до Великой Октябрьской социалистической революции. Он составлен на материалах Иссык-Кульской области Киргизской ССР, собранных автором в 1953—1954 гг.

Ограничение рамок настоящей темы только Иссык-Кульской областью объясняется тем, что автор не имел возможности в относительно короткий срок собрать и осмыслить огромный историко-этнографический материал, относящийся ко всему киргизскому народу. Выбор же материала по Иссык-Кульской области продиктован был в известной мере и тем, что племя Бугу, обитавшее по берегам Иссык-Куля, раньше других киргизских племен добровольно изъявило желание принять подданство и покровительство Российской империи и вошло в ее состав, навеки связав свою судьбу с великим русским народом. В результате этого бугинцы первыми почувствовали прогрессивное влияние со стороны русского народа, русских крестьян, что не могло не способствовать более быстрому их политическому, культурному и экономическому развитию. Поэтому в настоящей работе под словом киргизы следует иметь в виду только иссык-кульских киргизов.

Необходимо подчеркнуть также и то, что предлагаемая работа отнюдь не претендует на полное и всестороннее освещение культурно-экономического влияния русского народа на киргизов Иссык-Кульской области с момента его возникновения и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Эта задача во всем ее объеме потребует для ее решения еще немало усилий и времени.

Культурное влияние русского народа на киргизский народ до сего времени не было предметом научного изучения. И это является, конечно, существенным пробелом в нашей историко-этнографической литературе.

Сопоставляя культуру и быт киргизов Иссык-Кульской области до присоединения к России с их культурой и бытом в предреволюционный и особенно в современный периоды, нельзя не заметить большого прогресса экономической, хозяйственной, культурной и политической жизни киргизов, который связан с влиянием русской культуры.

Культурное влияние русского народа на развитие многочисленных народов и народностей дореволюционной России часто понимали неправильно. Исследователи-этнографы и историки не проводили обычно четкой границы между целями и приемами колониальной политики царизма, с одной стороны, и цивилизирующей ролью русского народа, способствовавшего преодолению отсталости таких народов, как киргизский, с другой. Это объясняется тем, что „историки не поняли динамику этого процесса и вкладывают в термин „прогрессивность" скорее моральное содержание, чем историко-экономическое."[1]

После Великой Октябрьской социалистической революции киргизский народ под руководством Коммунистической партии и Советского правительства и при братской помощи русского народа в кратчайший срок прошел колоссальный путь развития, сделав гигантский скачок от отсталой угнетенной страны к передовой по своему общественному и государственному строю индустриально-колхозной социалистической республике. Киргизский народ, угнетенный в прошлом, находившийся на ступени патриархально-феодальных отношений, проделал еще невиданный в истории путь развития к социализму, минуя мучительный этап капитализма.

Социалистические пятилетние планы в корне преобразовали былую окраину царской России—Киргизию. В процессе социалистического строительства отсталый киргизский народ, стоявший ранее перед угрозой вымирания, сформировался в социалистическую нацию. Под руководством Коммунистической партии и при помощи Советского государства прежние кочевники-киргизы перешли от старого экстенсивного кочевого скотоводства к новому социалистическому типу сельского хозяйства. В условиях коллективного хозяйства колхозное отгонно-пастбищное животноводство сочетается теперь с оседлым бытом и с развитым земледелием. Таким образом, в настоящее время уничтожена исконная противоположность между скотоводческим хозяйством кочевника-киргиза и оседлого земледельца. Забота партии и правительства о социалистическом переустройстве народного хозяйства, о его техническом перевооружении, о внедрении нового культурного быта создали киргизам все возможности для самого широкого заимствования новых трудовых навыков. Теперь в районе одной и той же сельскохозяйственной специализации между киргизским и русским хозяйством уже не наблюдается значительной разницы. Бывшие кочевники-киргизы с таким же умением и мастерством выращивают новые для них сельскохозяйственные культуры, с каким это делают давние и опытные русские земледельцы. Киргизское крупное коллективное хозяйство строит свою работу на коллективном труде и современной технике.

Прежде чем приступить к изложению нашей темы, необходимо коснуться кратко вопроса о степени изученности этнографии и истории киргизов.

Изучение этнографии и истории киргизского народа связано с деятельностью русских ученых и исследователей. В некоторых их трудах отмечены, хотя и частично, культурно-экономические и политические связи киргизского народа с русским.

---

[1] Вопросы истории, № 10, 1952 г., стр. 7.

Начиная с середины XIX в., когда Киргизия была присоединена к России, стала издаваться различного рода литература, содержащая важные сведения о Киргизии и киргизах. Правда, специального монографического труда о киргизах Иссык-Кульской области не было, как и не существовало его и до настоящего времени.

Сведения по истории и этнографии киргизов дореволюционного периода разбросаны в различных трудах, главным образом посвященных Средней Азии. Отсутствие монографической литературы, посвященной Киргизии и киргизам, объясняется, возможно, тем, что Киргизия после присоединения к России не составляла самостоятельной административной единицы, части ее территории вплоть до Великой Октябрьской революции входили в различные области и уезды Туркестанского генерал-губернаторства.

Мы, разумеется, старались использовать все статьи и заметки, которые в какой-то степени прямо или косвенно имеют отношение к нашей работе. С этой целью, наряду с этнографической литературой, мы изучали также литературу исторического, географического, литературного и даже мемуарного характера.

Обращаясь к краткому обзору литературы по этнографии и истории киргизов, отметим прежде всего книгу знаменитого русского путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского „Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг."[1]

Семенов-Тян-Шанский лишь частично описывает жизнь и быт киргизского народа того времени. Он показывает, что разорение и обнищание народных масс и опустошение их хозяйств происходило в результате борьбы между киргизскими племенами Бугу и Сарыбагыш, спровоцированной родоначальниками в целях захвата власти и лучших пастбищных угодий. Семенов-Тян-Шанский основное внимание уделил географическому изучению Центрального Тянь-Шаня, т. е. гор Кунгей и Терскей Ала-Тоо. Поэтому он мало исследовал культуру и быт киргизов Иссык-Куля, хотя с ним находился известный художник Кошаров, сделавший много зарисовок. Тем не менее, несмотря на отрывочность сведений, работа Семенова-Тян-Шанского до настоящего времени не потеряла своего значения, как одна из ранних работ, дающих некоторый материал для этнографического изучения киргизского народа. К ранним работам, сообщающим данные о материальной культуре и экономике киргизов, нужно отнести „Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири", опубликованные в Записках Географического общества в 1851 г. Некоторое значение для исследуемых нами вопросов имеют материалы Ч. Ч. Валиханова. В работе „Очерки Джунгарии" он отметил, например, давнее происхождение земледельческой культуры на землях киргизов Иссык-Куля. Он пишет „полуобнаженные буруты (т. е. киргизы,—М. А.) работали на нивах"[2]. В другом месте он упоминает, что „на реке Джеты-Огуз нашли своего старого

---

[1] П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг., М., 1947. Наиболее полный перечень литературы по этнографии и антропологии киргизов дан в труде «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Среднеазиатских республик», составленном Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским, Ленинград, 1927 г.

[2] Валиханов Ч. Очерки Джунгарии. Записки Русского Географического общества, 1861 г.

приятеля Турсука, который со своими кыдыками прикочевал сюда для сбора хлеба". Валиханов, к сожалению, не указывает ни размеров запашки, ни видов возделываемых культур, ни техники хлебопашества. Валиханов изучал на берегах Иссык-Куля нравы, обычаи и песенное творчество киргизов, собирал материалы о составе киргизских племен и их родов и исторические сведения о киргизах, об отношениях между племенами. Весной 1856 г. он выезжал на Иссык-Куль с экспедицией полковника Хоментовского, где наблюдал жизнь бугинцев, впервые записал на русском языке героический эпос киргизского народа „Манас", собрал большую коллекцию предметов домашнего обихода, одежды, оружия и др. Валиханов характеризует экономику бугинцев и подчеркивает, что скотоводство является главным источником развития экономики иссык-кульских киргизов. Его этнографические материалы не потеряли своей ценности и теперь. По сравнению с другими исследователями Валиханов, изучая быт бугинцев, был более наблюдательным, так как он хорошо знал жизнь казахских кочевников-скотоводов и в совершенстве владел казахским языком, что облегчало ему работу среди киргизов.

Кое-какие сведения по быту киргизов и их хозяйству (земледелие, скотоводство) мы находим в работе М. Венюкова.[1] Он отметил, что хлебопашество составляет общее занятие дикокаменных киргизов, что лучшие и многочисленные посевы находятся на восточном конце Иссык-Куля по Тюпу и Джергалану, по Зауке. Говоря о растениях, возделываемых киргизами, Венюков пишет: „Сеют кара-киргизы преимущественно просо, пшеницу, ячмень, последний якобы для кормления лошадей".

В публикациях Бардашева под названием „Сведения о дикокаменных киргизах", напечатанных в 70-х годах в „Туркестанских ведомостях" и в Ежегоднике „Материалы для статистики Туркестанского края", содержатся ценные материалы по хозяйственному быту киргизов. К этому же времени относится и ценный этнографический очерк Г. Загряжского „Кара-киргизы", напечатанный в „Туркестанских ведомостях".

Довольно разностороннюю этнографическую характеристику киргизов и казахов дает в своих работах Н. Зеланд. Для нашей темы имеет значение то, что он в некоторых очерках, посвященных Киргизии, упоминает о земледелии у киргизов, сообщает краткие сведения о пахотных орудиях и т. п. Но у Зеланда мы также не найдем никаких данных о прогрессе в киргизском земледелии, достигнутом под влиянием русского крестьянства. Зеланд даже не ставит этого вопроса.[2] Вскоре после публикаций Зеланда появился солидный труд Н. И. Гродекова „Киргизы и Кара-киргизы Сыр-Дарьинской области" (Ташкент, 1889 г.,), в котором рассмотрен „юридический быт" этих народностей.

Весьма серьезным трудом, в котором рассматриваются некоторые важные вопросы этнографии и истории киргизов, являются известные работы Н. А. Аристова.[3] Здесь специально исследуются вопросы о

[1] Венюков М. П. Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868 г.

[2] Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк. Записки Зап. Сиб. Отд. РГО, т. VII, вып. 2, 1885 г.; Его же. «Кашгария и перевалы Тянь-Шаня» (путевые записки). Зап. Сиб. Отд. РГО, т. IX, 1887 г.

[3] Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов. «Живая старина». 1894, в. III—IV; Его же. «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей». «Живая старина», 1896, вып. III—IV.

родоплеменном составе киргизов. В этих работах встречаются и некоторые материалы о хозяйстве и быте киргизов. Представляет для нас некоторый интерес и книга В. И. Васильева „Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины".[1] Автор кратко останавливается на географическо-этнографической характеристике Чуйской долины и на основании различных материалов, собранных им, показывает состояние торговли, поливного земледелия, использования водных ресурсов р. Чу и озера Иссык-Куля.

Ценные сведения заключены в „Материалах по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранных и разработанных П. П. Румянцевым" (т. VII, Петроград, 1916).

Много фактических данных о землепользовании у киргизов и о стремлении киргизской бедноты к оседлому образу жизни содержит также работа В. Воронкова.[2] Автор показывает, как манапы и баи всячески пытались сохранить полукочевой образ жизни, служивший оплотом патриархально-феодальных отношений. Отрывочные данные о занятии киргизов земледелием имеются и в других работах. У Н. Дингельштедта „Опыт изучения ирригации Туркестанского края (1893 г.)", например, мы находим сообщение, что „Каракиргизы в большинстве занимаются земледелием", но у него, как и у других авторов, не выясняется и даже не ставится вопрос о влиянии на киргизское земледелие русского крестьянства.

В некоторых работах, напротив, наблюдается явное извращение действительности. Примером может служить статья врача В. Вышпольского, в которой автор, противореча фактам, пишет: „Кара-киргизы стоят на весьма низкой ступени умственного и нравственного развития, несмотря на сравнительно долгое сожительство их с русским населением, они от последнего почти ничему не научились".[3] В. Вышпольский не смог заметить, какие большие прогрессивные новшества в хозяйстве и быту появились у киргизов с приходом русских.

Кроме указанных, имеются еще многие, обычно небольшие по своему объему работы, носящие характер кратких общих этнографических очерков. В числе их встречаются материалы и описания, непосредственно относящиеся и к изучаемому нами вопросу.

Среди литературы, вышедшей на иностранных языках, заслуживает серьезного внимания труд Паркера, в котором содержатся (в одной из глав) сведения о быте киргизов, их общественных отношениях и взаимоотношениях с другими народами.[4] В. Радлов опубликовал также ценные и интересные материалы о жизни киргизов в ряде своих работ.[5] Правда, в некоторых трудах иностранных ученых совершенно извращается характеристика культуры и быта киргизов, а

---

[1] Васильев В. И. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Петроград, 1915 г.

[2] Воронков В. К вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области, Верный, 1908 г.

[3] Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского (Пржевальского) уезда Семиреченской области с описанием преобладающих болезней в зависимости от почвы, климата и бытовых условий среди населения уезда за время с 1870—1899 гг. «Военно-Медицинский журнал», 1895, книга 10, стр. 258.

[4] Parker E. H. A thousand years of Tartars, London, 1895.

[5] Aus Sibirien, том 1, Leipzig, 1884; Proben den Volksliteratur der nordlichen türkischen Stämme. V. Dialect der Karakirgisen, St. Pet. 2885.

сами киргизы нередко описываются как люди ленивые, неряшливые, излишне любопытные и т. д. Например, Huntington писал: „Русские нисколько не влияют на киргизов, наоборот, плохо повлияла оседлость киргизов, они стали нечистоплотными, у них (русских и киргизов,—М. А.) отношения портятся".[1] Такого рода домыслы, не имеющие ничего общего с исторической правдой, конечно, нельзя считать научными.

Ознакомление с дореволюционной литературой, принадлежащей русским путешественникам и ученым, убеждает нас в том, что русские исследователи, несмотря на отсутствие специальных больших монографий о киргизах, внесли большой вклад в дело изучения быта киргизского народа, его нравов, обычаев, хозяйства, экономики, общественного строя и исторического прошлого. Как ни разбросаны и ни отрывочны эти сведения, они все же позволяют многое узнать об истории и культуре Киргизии.

В советский период, когда были созданы особенно благоприятные условия для изучения истории и этнографии киргизов, исследователи добились больших успехов во всестороннем освещении быта и культуры киргизского народа. В работах ряда советских ученых: Б. Д. Джамгырчинова, С. М. Абрамзона, С. И. Ильясова, Н. П. Дыренковой, А. Н. Бернштама и др.—приводятся ценные сведения и характеристики по культуре и быту киргизского народа. Правда, отдельные этнографы и историки Киргизии в своих работах допускали ошибки, например, односторонне освещали колониальную политику царизма, прогрессивную роль присоединения Киргизии к России освещали только в общих словах, а благотворное влияние передовой русской культуры на хозяйственное и культурное развитие киргизов вообще не рассматривали. Эти недостатки присущи, например, статье А. Хасанова „Завоевание Киргизии русским царизмом"[2]. Среди работ, изданных в советский период, большое значение имеет труд академика В. В. Бартольда под названием „Киргизы".[3] В этом небольшом по объему исследовании автор обобщил сведения по истории киргизского народа. Из семи глав этой книги последняя глава—„Тянь-шаньские киргизы в XVIII и XIX веках"—содержит некоторые сведения о быте киргизского народа и его отношениях с русским народом. Однако здесь указано, что связи киргизов с Россией начинаются лишь с 1814 года, когда было отправлено к Западно-Сибирскому генерал-губернатору посольство племени Бугу. Фактически же первые связи киргизов с Россией относятся еще к концу XVIII в., когда посольство бия Атаке было принято Екатериной II в 1786 г.[4]

Неизученность вопроса о прогрессивном влиянии русской культуры на развитие народов бывших окраин, особенно кочевых народов, во 2-й половине XIX и начале XX века, приводила к умалению положительного значения присоединения к России остальных народов Средней Азии, к отрицанию прогрессивных изменений, происходивших в жизни этих народов под экономическим, культурным и политическим влиянием России.

---

[1] Huntington. The pulse of Asie. N-Iork, 1908, стр. 127.

[2] Газета «Советская Киргизия» от 11/IV 1941 г., «Кызыл-Кыргызстан» от 13/IV 1941 г., «Ленинчил-Джаш» от 14/III 1941 г.

[3] Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1927.

[4] Фонд Отд. общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 23.

Осветить с правильных научных позиций этот вопрос было тем более необходимо, что некоторые ученые, особенно буржуазные, не только отрицали зарождение и развитие, например, капиталистических отношений под влиянием развития капитализма в России у кочевых народов, но, как правило, рассматривали кочевые народы в состоянии вечного застоя. В отношении таких народов утверждалось, что они вплоть до Октябрьской революции пребывали на уровне первобытного общинного строя, что у них не было частной собственности на землю, антагонистических классов и классовой борьбы, что культура их находилась в первобытном состоянии. Этим пользовались буржуазные националисты, которые, поддерживая эту „теорию", старались скрыть классовую борьбу в киргизском обществе, выпячивали пережитки патриархально-родовых отношений в быту, пытались представить реакционные движения народными движениями, реакционную феодально-буржуазную идеологию, враждебную русскому народу, выдать за народную идеологию, а ее носителей изображали прогрессивными представителями киргизского народа.

Вооруженные передовой марксистско-ленинской теорией, советские ученые не только сумели отвергнуть лженаучную „теорию" буржуазных ученых о „вечном застое" у кочевых народов, но и своими исследованиями экономики и общественных отношений кочевых народов Советского Союза доказали на фактах, что объективные законы развития классового, в частности феодального общества, свойственны и кочевым народам.

Однако по ряду вопросов у советских ученых оказались серьезные расхождения. Известно, например, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции у кочевых народов Средней Азии господствовали патриархально-феодальные отношения. Однако до самого последнего времени у отдельных историков и этнографов не было ясности в понимании термина „патриархально-феодальные отношения". Теперь, после специального совещания по этому вопросу историков в январе 1954 г. в Ташкенте, эта ясность внесена.[1]

Ошибочность ряда положений в вопросах характеристики общественного строя и взаимоотношений киргизов с русским народом была установлена в некоторых работах А. Н. Бернштама.[2] Однако ряд его работ, например крупные археологические, являются ценными и важными для выяснения истории и культуры киргизского народа. Отметим еще ценность работ П. Погорельского, В. Батракова[3] и А. Г. Зимма[4], в которых, хотя мало уделено внимания и места культуре и быту киргизов, но зато собран интересный и важный материал по общественно-экономическим отношениям киргизов, характерным для периода кануна Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, едва ли можно согласиться с некоторыми наиболее существенными выводами этих исследователей.

---

[1] Потапов Л. П. «К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов Ср. Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954 г., № 6.

[2] См. об этом рецензию: Ким М. П. Об ошибках в научных работах по истории Киргизии. Вестник Акад. наук СССР, 1952, № 5, стр. 43—51.

[3] Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. Ташкент, 1931.

[4] Зимма А. Г. Киргизия в период Великой Октябрьской социалистической революции. Изв. КиргизФАН СССР, 1947 г., вып. VII, стр. 11.

В частности, следует обратить внимание на то, как характеризует хозяйство киргизов конца XIX и начала XX вв. А. Г. Зимма. Она пишет: „Натуральному хозяйству соответствовали такие же отсталые формы общественных отношений. Значительные пережитки патриархально-родового строя переплетались с феодальными отношениями". Таким образом, А. Г. Зимма рассматривает хозяйство киргизов указанного периода как чисто натуральное, тем самым игнорируя развитие капиталистических отношений у киргизов. В действительности капиталистические отношения у киргизов уже проникли в сельское хозяйство.

Заслуживают внимания и положительной оценки этнографические публикации Ф. А. Фиельструпа и Н. П. Дыренковой. Ф. А. Фиельструп посетил побережье оз. Иссык-Куль, где он собрал большую коллекцию, характеризующую материальную культуру киргизов племени Бугу: одежду, пищу, жилище, свадьбу, охоту и др.[1]

Н. П. Дыренкова опубликовала интересные материалы о семейных отношениях киргизов.[2]

Необходимо отметить, что имеется ряд докторских и кандидатских диссертаций, которые непосредственно относятся и к разрабатываемому нами вопросу. В докторской диссертации Б. Д. Джамгырчинова „Присоединение Северной Киргизии к России" правильно охарактеризована причина принятия северокиргизскими племенами русского подданства. Б. Д. Джамгырчинов правильно отметил трудность политического и экономического положения киргизов до вхождения их в состав русского государства, когда они были под игом джунгарских завоевателей и маньчжуро-китайских феодалов. В этой работе ясно обрисовано тяжелое положение трудящихся масс киргизов, которые в результате межфеодальной войны, спровоцированной родоначальниками, терпели разорение, нищету, голод и т. п.

Б. Д. Джамгырчинов показал, что после присоединения киргизов к России прекратились межфеодальные войны, начала подниматься экономика киргизов, постепенно стали возникать очаги культуры. Хотя в этой работе недостаточно полно освещен интересующий нас вопрос о хозяйстве и быте киргизов (она преследовала другие цели), мы считаем ее лучшей работой, освещающей вопрос о значении присоединения Киргизии к России.

Таков далеко не полный перечень трудов, которые необходимо учитывать при этнографическом изучении киргизов.

При написании настоящей работы автор руководствовался важнейшими теоретическими трудами классиков марксизма-ленинизма.

Вместе с тем при собирании и изучении фактов из жизни киргизов учитывалась как дореволюционная, так и современная историко-этнографическая литература. Значительное место в настоящей работе занимает и полевой этнографический материал. Автором за время экспедиции[3] был записан от историков, знающих генеологию киргизов, их родоплеменной состав, а также собраны материалы, характеризующие быт, культуру, хозяйство киргизов. От пожилых женщин были записаны сведения о домашнем быте.

---

[1] Фиельструп Ф. А. Исследование среди кара-киргизов, Этнографические экспедиции 1924—1925 гг. Л., 1926 г.

[2] Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сб. этнографических материалов № 2, Ленинград, 1928 г.

[3] Отчет о проделанной работе во время экспедиции и собранные полевые материалы автором были представлены в Институт этнографии АН СССР.

Мы считали методически более правильным осветить интересующие нас вопросы путем перекрестных расспросов сведущих людей как киргизов, так и русских. Перекрестный опрос, по нашему мнению, является более достоверным и правильным, чем любые записи со слов населения, не проверенные таким путем. Русские переселенцы, поселившиеся в Иссык-Кульской котловине, были, между прочим, замечательными наблюдателями киргизского народного быта и культуры киргизов. А киргизы, в свою очередь, весьма интересовались жизнью русских переселенцев и также были очень наблюдательны.

Необходимо отметить некоторых местных жителей, которые оказали большую помощь при исследовании интересующего нас вопроса. Таков, например, Зыков Петр Васильевич, 1870 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Тюпского сельсовета, того же района. Он подробно знает взаимоотношения русских и киргизов и хорошо представляет, какое влияние оказала русская культура на развитие культуры киргизов. П. В. Зыков до революции работал среди киргизского населения мельником, и ему известны также киргизские обычаи, нравы и быт. Затем отметим Тюрина Аркадия Селиверстовича, 1861 г. рождения, колхозника сельхозартели „Большевик", Тюпского сельсовета, того же района. А. С. Тюрин является одним из основателей села Преображенского (ныне с. Тюп). Он знает историю основания других русских сел на Иссык-Куле и подробно рассказывал нам о тех трудностях и лишениях, которые испытывали русские крестьяне при переселении из Сибири на Иссык-Куль.

Местный житель Шайбыров Осконбай, 1869 г. рождения, колхозник колхоза им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района довольно подробно рассказал нам о бытовой стороне земледелия и животноводства киргизов в XIX в. Ясно и хорошо он обрисовал технику, приемы и методы киргизского хозяйства в области земледелия и скотоводства.

Другой представитель киргизского народа—Чоткараев Усубалы—1884 г. рождения, колхозник колхоза им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района оказал нам особенно большую помощь. Тов. У. Чоткараев—опытный животновод, он с 12 лет до настоящего времени выращивает овец. До Великой Октябрьской социалистической революции был пастухом у баев, а после революции—чабаном колхоза. С исчерпывающей полнотой Чаткараев рассказал нам о методе выращивания и содержания молодняка. Ему известно много народных киргизских легенд, обычаев, пословиц и поговорок, связанных со скотоводческим бытом, он хорошо распознает болезни у скота и знает приемы и методы лечения их. У. Чоткараев прекрасно знает народный быт киргизов, связанный со скотоводческим образом жизни.

Скажем еще о Шартаеве Жумаше, 1881 г. рождения, колхознике сельхозартели имени Сталина, Ак-Булунского сельсовета Ново-Вознесеновского района. Он подробно осветил такие вопросы киргизского быта, как например, названия годов по 12-летнему животному циклу, определение возраста человека по подсчетам „мучо", деление солнечного дня на различные периоды, деление зимы по периодам морозов и т. д. Он хорошо знает киргизский народный календарь и народные наблюдения за растениями, за поведением животных и птиц, за временем наступления весны, зимы и т. д.

Нельзя не упомянуть здесь также имени Арботоевой Кульсунбубу (Кулагина Анастасия Дмитриевна) 1890 года рождения, село Тал-

ды-Су того же района. Русская по национальности, она в 1914 году вышла замуж за киргиза и поэтому хорошо разбирается в семейных отношениях киргизов и русских. Она сообщила нам данные о влиянии, которое оказал быт русских крестьян на одежду, пищу и на семейные отношения киргизов. Ее сведения для нас были особенно ценными, потому что она прекрасно разбирается в нравах и обычаях как киргизов, так и русских. Мы не имеем возможности перечислить здесь других лиц, оказавших нам содействие при изучении настоящего вопроса.

Кроме полевого материала, следует сослаться на архивные материалы. К сожалению, мы не имели возможности использовать широко архивные данные. В республиканском архиве МВД Киргизской ССР имеются данные, относящиеся к датам возникновения русских селений, их экономической и хозяйственной жизни, но эти материалы весьма незначительны. Представляют значительную ценность и материалы из рукописных фондов отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, которые непосредственно относятся к этнографии киргизов (описания родословных делений, скотоводческих и земледельческих обрядов, записи эпоса „Манас", шаманских заклинаний и т. д.). Эти материалы также просмотрены и приняты во внимание.

I ГЛАВА

ЗАРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ИССЫК-КУЛЬСКИХ КИРГИЗОВ С РУССКИМ НАРОДОМ И ВЛИЯНИЕ ИХ НА КИРГИЗСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Вхождение иссык-кульских киргизов в состав Русского государства

Прежде чем осветить вопрос об исторической связи русского народа с киргизами Иссык-Кульской котловины, нам необходимо кратко охарактеризовать положение киргизского населения на Иссык-Куле до принятия ими подданства и покровительства Российской империи.

Территория современной Иссык-Кульской области в течение XVII и XVIII веков находилась под властью Джунгарского государства. Уцелевшее киргизское население частью было покорено, частью вытеснено за пределы своей страны, бежало к киргизам, проживающим в Ферганской долине. В 1755 г. Джунгария потерпела поражение от Китайской империи, после чего она не смогла восстановиться как самостоятельное государство. После поражения Джунгарского государства киргизы Иссык-Кульской котловины стали возвращаться на свою родину и заниматься восстановлением своего разрушенного, разграбленного захватчиками хозяйства.

До принятия русского подданства положение киргизов было тяжелым. Они находились в окружении отсталых феодальных государств. Этими государствами были: на востоке—Китайская империя, на юго-западе—Кокандское ханство. Кроме них на севере киргизы соприкасались с казахскими феодальными жузами, которые угрожали киргизам завоеванием.

В 1760 г. манчьжуро-китайские феодалы подчинили иссык-кульских киргизов и стали получать с них дань. Однако киргизы, использовав внутренние противоречия маньчжуро-китайских феодалов, вышли из зависимости и прекратили платить дань.[1]

В 1770 г. хан Среднего жуза Аблай предпринял ряд набегов на киргизов, подверг их территорию разорению, угнал множество скота и забрал в плен людей.[2]

Иссык-кульские киргизы в своем большинстве терпели разорение и нищету не только от внешних завоевателей, но и от предста-

---

[1] Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1943 г., стр. 66.

[2] Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Спб., 1904 г., стр. 5, Коллективная статья „Из истории военных отношений киргизов в конце XVIII века", опубликованная в сб. „Академику К. И. Скрябину", Фрунзе, 1945 г.

вителей своей феодально-родовой верхушки. Последняя, возглавляя роды и племена, совершала постоянные нападения друг на друга с целью захвата лучших пастбищ, скота, имущества и др. В ходе этой борьбы „обиженные" представители киргизской феодально-родовой верхушки обращались за помощью к вышеуказанным феодальным государствам. Китайские, кокандские феодалы и правители казахских жузов старались воспользоваться этим в своих корыстных целях для порабощения и эксплуатации киргизов. В этих бесконечных междоусобицах растрачивалась народная сила киргизов.

Доктор исторических наук Б. Джамгырчинов правильно охарактеризовал положение киргизов в начале XIX века. Он отметил, что такое трудное международное положение в начале XIX века заставило представителей некоторых киргизских племен искать покровительства у более сильного государства, могущего обеспечить им более свободное существование и обезопасить от агрессии со стороны отсталых феодальных деспотий. По существу киргизы оказались тогда перед необходимостью выбора—либо попасть под власть отсталого феодального Китая или более отсталого и еще более слабого Кокандского ханства, или же присоединиться к России, имевшей более развитую экономику и более передовую культуру, а в военном отношении—несравненно более сильной, чем два первых государства. Внешняя ориентация киргизов в этот период оказалась правильной, так как они решили связать свою судьбу с судьбой русского народа.[1]

Начало исторических связей племени Бугу с русским народом относится к периоду, предшествовавшему установлению политических отношений. Еще до обращения бугинцев к русскому государству о принятии их в подданство русские купцы бывали на Иссык-Куле, проходя с торговыми караванами в Китай, Индию и другие государства Востока.

Как известно, в 1814 году киргизы-бугинцы направили своих послов во главе с бием Качыбеком Шералиевым к генерал-губернатору Западной Сибири Глазенапу с просьбой о принятии племени Бугу под покровительство Российского государства.[2] Бугинские послы были благосклонно приняты.

За содействие торговле русских купцов с местным населением и проходу их каравана через Иссык-Кульскую котловину киргизским послам были присвоены воинские звания и вручены ценные подарки. В ходе переговоров представители Русского государства дали обещание о согласии в скором времени принять бугинцев под свое покровительство.

Торговые и политические связи киргизов-бугинцев с Россией, осуществляемые через купцов и послов, во многом способствовали изучению территории русскими и ознакомлению их с киргизским населением Иссык-Куля. Такое изучение, правда, носило эпизодический характер, часто совершалось по инициативе отдельных лиц и, конечно, было далеко не совершенным. В качестве примера можно сослаться на то, что в отряде хорунжего Нюхалова был лекарь Зиббер-

---

[1] Джамгырчинов Б. Д. Докторская диссертация „Присоединение Северной Киргизии к России".

[2] Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе. 1943, стр. 67.

штейн, оставивший подробную запись о маршруте отряда и ценные сведения о бугинцах, кочевья которых он посетил.

В 1824 году бугинцы вторично направляют в г. Омск своих послов, состоящих из „трех биев за-каменных киргиз, кочующих при озере Иссык-Куль“:[1] Алымбека, Акылбека и Алгазы из родов Желден, Арыктукум и Белек—„признать себя русскими подданными“. Просьба бугинцев на этот раз была исполнена, и для заключения акта о вхождении бугинцев в состав русского государства на Иссык-Куль был снаряжен специальный русский (казачий) отряд. Киргизских послов от г. Семипалатинска до Каратала (Казахстан) сопровождал отряд полковника Шубина, состоявший из 120 казаков, при двух орудиях, а затем до самого Иссык-Куля отряд из 50 казаков хорунжего Нюхалова.

Первая встреча русского отряда с населением Иссык-Кульской котловины произошла 1 августа 1825 года. Прибытие киргизских послов с русским отрядом на Иссык-Куль было выдающимся историческим событием в жизни киргизского народа. Бугинцы приняли представителей русского народа торжественно: „едва успели разделить отряд наш, как киргизы окружили... музыка, народные песни, свойственные образу жизни, раздались в толпах“.[2] „Отряд был встречен со множеством народа и был принят с хорошим уважением и дружбой“.[3] „Они угощали наш отряд бараниной, кумысом и вином, из сего последнего выгоняемого“.[4]

Первая половина отряда во главе с хорунжим Нюхаловым осталась гостить на берегу реки Каракол „для поправления отрядных лошадей, кои от многотрудных переходов пришли уже в довольное изнурение“.[5]

Другая половина отряда во главе с лекарем Омского гарнизонного полка Зибберштейном сперва сопровождала посла Алгазы до его кочевья. Об этой встрече Зибберштейн пишет: „В сем простонародном, но радостном удовольствии, я достиг до аулов бия Улжибая, у реки Джаргалан стоящих; здесь новая столь же приятная и вместе трогательная сцена представилась глазам нашим: бий Улжибай с подчиненными ему киргизами выехал нам навстречу сам; сей почтенный и достойный всякого уважения родоначальник при первоначальном с нами свидании доказал, что он умеет понимать милостивое к нему внимание нашего правительства; доброе и вместе чувствительное его сердце было растрогано словами сына, с душевною простотою изъявившего пребывание его в России, запечатлело на глазах его благодарные слезы, и он несколько раз безмолвно обращался то к нам, то к своему народу, который... из чистосердечия и почитания разделял с ним свою радость“[6].

Затем Зибберштейн сопровождал второго посла Алымбека до реки Заука (Жууку) в род Желден. Здесь отряд пользовался исключительно хорошим приемом и гостеприимством желденцев. Об этом

---

[1] Исторический архив, 1936 г., № 1, стр. 223--258.
[2] Там же, стр. 242.
[3] Там же, стр. 244.
[4] Там же, стр. 242.
[5] Там же, стр. 243.
[6] Там же, стр. 244.

Зибберштейн пишет, что „отец нашего депутата Епалак (по всей вероятности, должен быть Кызалак или Жапалак,—М. А.) на первом шагу нашего свидения в его аулах, показал много доброго и полезного: он с таким духом говорил собравшемуся к нему народу, что бий и все почтенные киргизы из благодарности своей к России приняли нашу сторону".[1]

После ознакомления с районом Иссык-Куля и небольшого отдыха Нюхалов и Зибберштейн собрали бугинцев для заключения исторического акта. В дневнике Зибберштейна записано: „в сопровождении многих почетных биев и киргиз, мы отправились в аулы бия Улжибая, где положено сделать народное собрание для исполнения известного поручения".[2]

На собрании бугинцев офицером Нюхаловым была объявлена цель приезда отряда и прочитано письмо Западно-Сибирского генерал-губернатора: „Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно со своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы они препровождали купеческие наши караваны, проходящие через обитаемую ими землю, охраняли от притеснения и грабежа".[3]

На собрании все предложения Нюхалова были встречены с одобрением, хотя некоторые бии колебались в отношении принятия подданства России, так как в этот момент приехал к бугинцам представитель кокандского хана Мадалы с требованием признания его власти. Бугинцы отвергли это требование, считая себя уже подданными русских: „бии черных киргиз, имея детей своих депутатами у нас,— пишет Зибберштейн,—... решились до времени остаться непреклонными вступать в подданство Кохании".[4]

Несмотря на то, что некоторые бии не желали вступать в подданство русского государства, „благоразумным внушением хорунжего Нюхалова о той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства, бии Улжибай и Евпалак первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекли с собой и всех прочих родоначальников, которые в исполнение требований наших дали подписки и благодарные письма к генерал-губернатору Западной Сибири".[5]

Русские купцы, как было сказано выше, появлялись на территории иссык-кульских киргизов для сбыта своих товаров еще до 1824 г., и некоторые из них своей торговлей и добрым отношением завоевали симпатию бугинцев. Об этом мы находим запись у Зибберштейна: „Справедливость понуждает меня объяснить и то, что семипалатинский мещанин Петр Пиленков, находясь по торговым делам в земле дикокаменных киргиз, соревнуя пользам государства, добрыми советами и кротким обхождением успел приобрести себе отличное уважение от тамошнего народа, по его только внушениям, как уверяют сами родоначальники, согласились они послать депутатами детей своих и вступить навсегда в подданство России. Они убедительно просили таковой поступок Пиленкова довесть до сведения правительст-

[1] Исторический архив 1936 г. № 1 стр. 245
[2] Там же, стр. 243.
[3] Там же, стр, 249.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 249.

ва, отдавая такую же благодарность и тюменскому мещанину Назару Тупикову, которому поручали они детей своих для доставления в Омск и обратно в их кочевья".[1]

7 августа 1825 года отряд Нюхалова дружески простился с бугинцами и покинул Иссык-Куль.

До перевала Сан-Таш их сопровождали киргизы.

Со времени описанного визита русских на Иссык-Куль киргизы-бугинцы стали считать себя подданными русского государства.

Однако эти достижения во взаимоотношениях киргизов с русским народом не были закреплены. Царское правительство, озабоченное революционными движениями крестьян, восстанием декабристов, революцией во Франции, Австро-Венгрии и Германии, отвлекло свое внимание от Востока. Этим воспользовалось Кокандское ханство.

С 1830 г. началось вторжение кокандских войск на Иссык-Куль. Подчинению киргизов-бугинцев кокандским ханом способствовали раздробленность и разбросанность бугинских родоплеменных подразделений по обширной территории Иссык-Кульской котловины, а также межплеменные и отчасти межродовые войны и раздоры. Особенно опасны для киргизов-бугинцев были походы кокандцев зимою, когда киргизы, прикованные к своим зимовкам, лишены были обычной подвижности и не имели возможности укрываться в горных ущельях Тянь-Шаня, как это делали в летние месяцы. Покорив все подразделения племени Бугу огнем и мечом, кокандцы для укрепления своего господства возвели на берегу оз. Иссык-Куль военные крепости: Каракол, Барскаун, Конур-Улён и др. Кокандские купцы производили обмен и торговые операции около крепостей. Здесь же сбывались транзитные товары.

Для наблюдения за киргизами-бугинцами кокандцы, наряду с начальниками крепостей, имели специальных чиновников-ильбегов.

В истории киргизского народа период владычества кокандских ханов был одним из наиболее тяжелых для трудящихся масс. Кокандские ханы не смогли прекратить (да и не ставили перед собой такой задачи) разорительную родоплеменную феодальную распрю на Иссык-Куле. Не прекратились постоянные разорительные набеги между киргизскими племенами и соседними народами—казахами, калмыками и др.[2]

В период господства кокандских ханов бугинцы оставались сплошь неграмотными, не было письменной литературы. Никаких улучшений в развитии хозяйства и экономики кокандцы киргизам-бугинцам также не дали. Тяжелый налоговый гнет и административный произвол разоряли трудящиеся массы и доводили их до нищеты.

Вероломно напав на бугинцев, захватив их лучшие земли, кокандские чиновники установили тягчайший политический и экономический гнет, который лег тяжелым бременем на трудящихся киргизов. Кокандские феодалы грубо попирали человеческое достоинство

---

[1] Исторический архив, 1936, № 1, стр. 249.

[2] Эти вопросы затронуты также в докторской диссертации Б. Джамгырчинова «Присоединение Северной Киргизии к России», в которой уделяется внимание присоединению бугинцев к Русскому государству. Поскольку диссертация освещает процесс вхождения бугинцев в состав Русского государства, мы использовали и данные, приведенные Б. Джамгырчиновым.

944800

киргизов, систематически грабили и разоряли их имущество, скот, захватывали земли.

Неограниченный произвол Кокандского ханства привел к застою экономики и культуры киргизов. Об этом тяжелом в истории киргизов периоде сохранилось немало преданий, песен и т. д. Одну из таких песен мы приводим. В ней довольно ярко и правдиво говорится о страданиях и мучениях трудящихся киргизов.

Воздвигнута вокруг киргизов
Железная сеть,
Попадают киргизы
В темницы, глубиной в сорок аршин.
В темноте находились храбрецы,
Колени их покрылись мозолями,
Свободолюбивый наш киргиз
Стал раболепствовать перед кокандцами.
Издеваясь, кокандцы,
Как душегубы, набрасывались
На белошапочных киргизов;
Особенно жестоко насильничая,
Живых людей брали вместо зякета.
Особенно пятикосых девушек[1]
И, бесчеловечно разоряя,
Кокандцы стали убивать киргизов
Даже у своих порогов.
Все это было нашим несчастьем.
„Скоро придут русские,
Убивающие в юрте живущих“, —
Так пугали нас кокандцы.
„Если станете родными русским,
Всех до единого уничтожим,
Страну превратим в руины“,[2]
Так говорили кокандцы.

Результатом жестокого гнета кокандцев было то, что бугинцы неоднократно восставали против своих угнетателей. Первое восстание началось в 1832 г., но оно было жестоко подавлено, сотни борцов-киргизов были казнены на виселицах, попали в тюрьмы-„колодцы“ — зынданы. Второе выступление бугинцев против кокандского режима произошло в 1843 г., когда восставшим удалось уничтожить кокандские гарнизоны, разрушить их крепости, изгнать чиновников.

Таким образом, трудящиеся массы бугинцев освободились от тяжелого экономического и политического гнета кокандцев, изгнав их из пределов Иссык-Кульской котловины.

С 40-х годов XIX века начинает снова возобновляться стремление бугинцев к переходу в подданство Российского государства. В 1844 году главный манап бугинцев Боромбай обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой принять их в подданство и защитить от постоянных набегов соседних племен. Однако просьба бугинцев не была удовлетворена.

Частые нападения со стороны сарыбагышского племени с целью захвата пастбищных угодий Иссык-Кульской котловины, кровопролитные междоусобные войны, сопровождавшиеся угоном скота, пленением побежденных и превращением их в рабов, требования кокандского хана о выплате ежегодного зякета и вымогательство кульд-

[1] Девушек с пятью косами, т. е. молодых.

[2] Записано от младшего научного сотрудника ИЯЛ АН Кирг. ССР Абдрахманова Р. летом 1954 г.

жинских сборщиков налогов заставили бугинцев снова искать выхода из этой тяжелой обстановки в обращении к русским властям. Манап Боромбай пытался получить помощь от китайских властей в борьбе против сарыбагышей, но китайские власти не пошли на помощь бугинцам. Семенов-Тян-Шанский указывает: „Тщетно старый Боромбай, имевший красный шарик на шапке и следовательно важный титул между китайскими мандаринами, умолял китайские власти о защите, китайцы, уже несколько лет прекратившие свои обычные разъезды на Иссык-Куль, не думали о защите своих подданных. Это обстоятельство заставило Боромбая совершенно предаться русским, на вступление в подданство которым он уже предъявил согласие".[1]

Боромбай, видя, что только с вхождением в состав русского государства можно будет обеспечить независимость и гарантировать себя от внешних нападений, в 1853—54 гг. еще раз обратился к генерал-губернатору Западной Сибири. Министерство иностранных дел царского правительства ракомендовало генерал-губернатору исполнить просьбу бугинцев и принять их послов в г. Омске.

Генерал-губернатор Гасфорд, давая указание майору Перемышльскому о принятии Ормона в подданство России, с этой целью предписал: „...вступить в сношение с манапом Боромбаем, начальствующим родом Бугу, изъявившим и прежде уже желание вступить в гражданство России, преданность коего для нас тем еще важнее, что он сильнейший из всех дикокаменных манапов, управляя 15 тыс. кибитками".[2]

В 1855 году представители бугинцев дали в г. Омске присягу России от всех бугинцев на верноподданство и на вечный союз.

Таким образом, этой исторической датой была завершена длительная борьба значительной части трудящихся масс бугинцев против иностранных поработителей, за соединение с русским народом в едином Российском государстве. Связав свою судьбу с русским народом, киргизский народ спас себя от иноземного порабощения и обеспечил возможность своего национального развития.

Вслед за бугинцами стали добровольно входить в подданство русского государства остальные северокиргизские племена. В 1862 г. приняли подданство Чуйские Сарыбагыши во главе с манапом Джантаем. В 1863 г. в состав русского государства вошло племя Черик численностью 6 тыс. кибиток, в 1864 г.—Саяки и другие племена северных киргизов[3].

Конечно, среди манапов были и такие, которые враждебно относились к вхождению в русское государство, например, манапы Жангарач и Уметалы. Однако, уступая требованию трудящихся масс своих племен, они также вынуждены были принять русское подданство.

Присоединение иссык-кульских киргизов к России имело в жизни киргизского народа огромное практическое значение. Оно обеспечило дальнейшее развитие киргизского народа. Соединившись с Россией, Киргизия была спасена от порабощения, прежде всего, та-

---

[1] Семенов-Тян-Шанский. Поездка из укрепления Верного через горный перевал Усуек-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. Записки ИРГО по общей географии, 1867 г., стр. 139.

[2] Джамгырчинов Б. Присоединение Северной Киргизии к России.

[3] Хасанов А. О присоединении северных киргизов к России. Вопросы истории, № 7, 1950 г., стр. 128—129.

кими отсталыми феодальными государствами, как Кокандское ханство в Средней Азии, или государство Якуббека в Восточном Туркестане и др.

С присоединением к России киргизский народ закрепил исторически возникшую связь с русским народом, в лице которого он обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение. Несмотря на то, что царизм проводил политику крепостников-помещиков, присоединение к могучему централизованному Российскому государству дало мощный толчок экономическому, культурному и политическому развитию киргизов. Экономика Киргизии постепенно становилась частью общей экономики России, частью всероссийского рынка. Присоединение содействовало росту производительных сил Киргизии и укреплению культурных связей между двумя народами. Киргизский народ с его отсталым сельским хозяйством, с господством патриархально-феодальных отношений включился в состав большой капиталистической страны.

Под влиянием развивающегося капитализма в России, во второй половине XIX в. и в начале XX в. происходят серьезные изменения в экономическом и общественном развитии киргизского народа. Подъем производительных сил киргизов нашел свое отражение в развитии сельского хозяйства, освоении новых земельных массивов, улучшении породности скота и условий его содержания, развитии ремесла, в росте оседлого населения, а также оживлении торговли. Благодаря вхождению в состав России, киргизы получили большие возможности для торговли на обширном всероссийском рынке. На продажу в центральные промышленные районы России из Киргизии с каждым годом все в больших размерах поступали скот, мясо, кожа, шерсть и др. Кроме того, через сухопутные границы Киргизии шла значительная часть русской внешней торговли с Китаем и другими государствами Азии. Были ликвидированы феодальная раздробленность, межфеодальные грабительские войны, патриархальное рабство. В результате стало постепенно подниматься находившееся в упадке народное хозяйство киргизов. Наблюдался процесс частичного разложения патриархально-феодальных отношений и перехода к более прогрессивным капиталистическим отношениям.

Вхождение Киргизии в состав России имело и большое международное значение. Оно нанесло удар агрессивному устремлению английских империалистов и некоторых азиатских феодальных государств.

Природные условия Иссык-Кульской области и расселение киргизских племен, родов и другого населения на ее территории

Природа Иссык-Кульской области чрезвычайно богата и разнообразна. Область расположена в большой котловине, окаймленной со всех сторон горами. Через Иссык-Кульскую котловину с древних времен проходил один из основных торговых путей, по которому шли караваны из Китая, Индии, Персии, Аравии и средиземноморских государств в Среднюю Азию. Этот путь назывался „Великим шелковым путем". Оживленная торговля в течение нескольких веков имела большое значение для роста и развития культуры Киргизии.

В настоящее время Иссык-Кульская область граничит на юго-востоке с Китайской Народной Республикой, а на западе—с Тянь-Шаньской и Фрунзенской областями Киргизской ССР. Всю территорию Иссык-Кульской области приблизительно можно разделить на три части: восточная сторона озера Иссык-Куль (Көкүрөк жак), западная сторона озера и горная часть. Каждая часть области имеет свои особенности, которые в известной мере влияют на быт и культуру населения.

Полезными ископаемыми территория Иссык-Кульской области очень богата. В настоящее время добывается для нужд народного хозяйства минеральное сырье (строительные материалы: известняки, гипсы, кварцевые песчаники и др.). Ведутся большие геологические изыскания.[1]

Рельеф местности Иссык-Кульской области очень разнообразный. Огромная часть территории края представляет собой горную область, имеющую около 2-х миллионов гектаров прекрасных пастбищ. Иссык-Кульская котловина является после Ферганской долины самой широкой межгорной впадиной Тянь-Шаня. С. Н. Рязанцев пишет: „Она ограничена двумя мощными горными цепями: Кунгей Ала-Тоо с севера и Терской Ала-Тоо—с юга. Эти цепи, как две гигантские горные дуги, опоясывают вытянутое с запада на восток озеро Иссык-Куль; сближаясь на западе и на востоке, они образуют вокруг него закрытое со всех сторон межгорное пространство".[2] Центральный Тянь-Шань, у подножия которого находится озеро Иссык-Куль, можно разделить на 4 пояса.

Высотные пределы вертикальных ландшафтных поясов на северных склонах хребтов

Названия хребтов	Высота снеговой линии	Высота концов ледников	Пояс альпийских лугов высокотравных степей и зарослей арчи	Пояс горных лесов и лугов	Пояс разнотравно-злаковых и сухих степей
Кунгей Ала-Тоо	3600	3300—3400	3400—3000	3000—2000	2000—1600
Терскей Ала-Тоо	3900	3600—3500	3500—3000	3000—2100	2100—1800

[1] Основные географические сведения приводятся по работам:

1) Семенов Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, М., 1947.

2) Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 19. Туркестанский Край. СПб., 1913.

3) Ракитников А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина, М.—Л., 1936.

4) Рязанцев С. Н. Киргизия, М., 1951.

5) Сб. статей в кн. «Географические исследования в Центральном Тянь-Шане», М. 1953 г.

[2] Рязанцев С. Н. Киргизия, М., 1951, стр. 157.

Из указанной таблицы видно, что ландшафтные пояса на северных склонах гор Кунгей и Терскей Ала-Тоо имеют большие различия.

За группами снежных вершин тянется обширная сыртовая полоса с разнообразными, но почти спокойными рельефами и реками, текущими в низких берегах, как на прибрежных равнинах озера Иссык-Куль. Сырты с давних времен использовались кочевниками-животноводами как самые лучшие пастбищные угодья. Они покрыты лугами, а в поймах рек и речек растут густые луговые травы, используемые колхозниками-животноводами для сенокошения. Правда, иногда через седловины гор в летние месяцы дуют сильные северные и северо-восточные ветры, которые иссушают почву и растительность. Но все же значение сыртов для животноводства очень велико.

Таким образом, Иссык-Кульская котловина имеет разнообразный ландшафт. Природные условия восточной и северо-восточной части озера, куда входят современные Пржевальский, Ново-Вознесеновский и Тюпский районы, благоприятствуют развитию всех отраслей сельского хозяйства. Широкая степная долина, по которой протекают к западу параллельные между собой реки Тюп и Джергалан, являются восточными многоводными притоками озера. Из них Тюп собирает все текущие с севера речки, берущие начало в отрогах Кунгей Ала-Тоо (Талды-Су, Ичке-Су, Кен-Су и др.). Джергалан собирает речки, текущие с отрогов Терскей Ала-Тоо в передовой цепи Центрального Тянь-Шаня. В Джергалан вливают свои воды реки Тургень, Жергес, Ак-Су и др.

Природные условия восточной и северо-восточной части котловины благоприятствуют развитию всех отраслей сельского хозяйства. Обилие воды и осадков в виде снега и дождя позволяет в иные годы получать урожай сельскохозяйственных культур без искусственного орошения. Поэтому население восточной части, раньше чем западной, стало заниматься культурным земледелием. Долины рек Джергалан и Тюп довольно широки. Почвы здесь каштановые.

Между реками Тюп и Джергалан расположена возвышенность Тасма, где выращивают богатые урожаи. Южные прибрежные равнины называются Терскей, а северные—Кунгей. Южные прибрежные районы более равнинны и плодородны, чем северные.

С переходом от восточной части котловины Иссык-Куля к западной природные условия меняются. Уменьшение влажности климата является причиной изменения природы западных районов Иссык-Куля. Здесь осадков почти не бывает. В результате малоснежности зимы и малого количества осадков в весеннее время почвы уже к середине весны становятся довольно сухими.

Озеро Иссык-Куль является одним из крупнейших высокогорных озер мира. Оно находится на высоте 1609 *м* над уровнем моря. Окаймленные со всех сторон горами, на вершинах которых нередко бушуют вьюги, Иссык-Куль никогда не замерзает, и его водное зеркало остается всегда голубым. Господствующий западный ветер (Боом), а затем восточный (Санташ) не дают озеру замерзнуть. Этим двум главным помогают ветры, вырывающиеся из многочисленных горных ущелий, оврагов, балок. Озеро Иссык-Куль является гордостью Киргизстана. С древних времен о нем сложено много песен. Вот что писал об Иссык-Куле великий русский географ, первый исследователь Центрального Тянь-Шаня П. П. Семенов-Тян-Шанский:

„Трудно себе вообразить что-нибудь грандиознее ландшафта, представляющегося путешественнику с Кунгея через озеро на небесный хребет. Темно-синяя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может сильно соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, который занимает поверхность в пять раз превосходящую площадь Женевского озера, казалась мне с западной части Кунгея почти беспредельной на Востоке, и ни с чем несравнимое величие последнего плана ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет. Вместо непосредственно поднимающихся за вдвое менее широким Женевским озером предгорий Савойских Альп, совершенно закрывающих величественную группу Монблана, за широким Иссык-Кулем простирается обозримая по крайней мере на 300 верст своей длины непрерывная снеговая цепь небесного хребта. Резкие очертания предгорий, темные расселины пересекающих передовую цепь поперечных долин—все это смягчается мягкой и прозрачной дымкой носящегося над озером тумана, но тем яснее, тем определительнее во всех мельчайших подробностях своих очертаний, тем блестящее представляются на темно-голубом фоне цветистого безоблачного Средне-Азиатского континентального неба облитые солнечным светом седые головы Тянь-Шаньских исполинов".

Кроме озера Иссык-Куль, имеется немало более мелких озер, расположенных в большинстве случаев в сыртовой полосе и горных долинах. В прибрежных равнинах Иссык-Куля имеются озерки под названием „Кара-Кол" или „Кош Кара-Кол". Эти озера богаты рыбой и дичью. Озера, находящиеся в горных долинах и сыртовой полосе, зимою замерзают.

В озеро Иссык-Куль впадает несколько десятков рек и речек. Наиболее крупными из них являются реки: Тюп, Джергалан, Каракол, Джууку, Ак-Су (имеется в виду река, протекающая в Иссык-Кульском районе), Барскоон и другие. Все реки и речки берут свое начало в горах. Они, главным образом, питаются из ледников, находящихся в долинах гор. Реки Иссык-Кульской котловины имеют быстрое течение. Они вырываются из ущелий и несут свои воды по каменистым руслам. После выхода из ущелий многие речки текут уже в неглубоких руслах и очень удобны для устройства водозаборных сооружений. Чтобы использовать воды на орошение, сооружают арыки протяженностью в несколько километров, выводя воду с большими трудностями на поля.

Реки края содержат много рыбы, и рыболовство в прибрежных селах играет заметную роль в пищевом режиме населения.

Сами ущелья, из которых вытекают реки, являются наиболее лесообеспеченными частями Киргизии. Они удобны и для прогона скота на сырты и выпасы. Западная часть Иссык-Куля бедна речной сетью. Водосборный бассейн ее, особенно на северном побережье озера, узок. Многие речки не доходят до озера вследствие маловодности.

Кроме рек, питающихся ледниками, высоко в горах есть реки равнинные, берущие свое начало из подземных ключей—„Кара-Су" (черная вода). Эти водостоки отличаются устойчивым водным режимом. В ущельях Терскей Ала-Тоо имеется несколько горячих минеральных источников, на базе которых созданы курорты.

Реки Иссык-Кульской области представляют собой богатый источник гидроэнергии. В настоящее время здесь ведется строительство гидроэлектростанций для электрификации сельского хозяйства и промышленности.

Атмосферные осадки в Иссык-Кульской котловине выпадают неравномерно. В восточной части они обильны, а на западе незначительны. Обилие влаги в восточной части озера объясняется тем, что Иссык-Куль испаряется и влага не уходит за его пределы, концентрируясь, она выпадает снова на склонах гор. Сильные западные ветры относят испаряющуюся влагу на восточную часть озера. По количеству осадков районы восточной части озера Иссык-Куль нисколько не уступают увлажненным областям Центральной части РСФСР.

Перейдем к описанию населения Иссык-Кульской области.

Общая численность киргизского населения к моменту учреждения Иссык-Кульского уезда и прихода русских переселенцев (по данным к 1869 году) составляла: мужчин—22302, женщин—18992. Русских, проживающих в сельских местностях, было: мужчин—107, женщин—83, в городе Пржевальске насчитывалось мужчин—367, женщин—9.[1] Местообитанием большей части русского населения был г. Пржевальск—административный центр Иссык-Кульского уезда. Там проживали уездные административные работники царского правительства и находился военный гарнизон, чем и объясняется такой высокий процент мужского русского населения в Пржевальске по сравнению с женским.

По данным 1872 года, на Иссык-Куле было кара-киргиз (киргизов), в округленных цифрах —47000, русских—668 человек, сартов (узбеков)—155, калмыков (имеются в виду сарт-калмыки)—430.[2] Таким образом, всего населения на Иссык-Куле было 48253 человека.

По данным всероссийской переписи 1897 года, население Иссык-Кульской котловины составляло 147617 человек, а по данным 1911 года—уже 172820.[3] К сожалению, невозможно установить количество населения по национальностям, так как цифры даны обобщенные. Можно только заметить, что по сравнению с данными 1872 года население выросло по численности в три раза. Причиной такого роста населения на Иссык-Куле, кроме естественного прироста, было переселение сюда русских крестьян из Центральной России, особенно после крестьянской реформы 1861 г. После присоединения бугинцев к Русскому государству прекратились междуусобные феодальные войны среди киргизских племен, которые уносили жизнь многих людей и сопровождались уводом в плен с территории Иссык-Куля детей, женщин и стариков.

Население в пределах области сосредоточено на окраинных предгорных равнинах. Плотность его не во всех местах одинакова. Например, в восточной части озера в среднем приходится на 1 *кв. км* 4,2 человека, в западной части—и того меньше. Для иллюстрации приведем следующие, относящиеся к 1913 году статистические сведе-

---

[1] Русский Туркестан. Сб., изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 1, М., 1872 г., стр. 21.

[2] Там же, стр. 126.

[3] Азиатская Россия, т. 1, СПб., 1914, стр. 92.

ния о населенности киргизов по волостям, ныне входящим в состав Иссык-Кульской области.[1]

№ № п.п.	Наименование волостей	Мужчин	Женщин	Всего
1	Тургенская	5961	4677	10640
2	Улахолская	4911	3795	8706
3	Тонская	5530	4515	10045
4	Кунгей-Аксуйская	4177	3267	7444
5	Торуайгырская	4132	3346	7478
6	Кенсуйская	4196	3274	7470
7	Западно-Джеты-Огузская	3828	3234	7062
8	Курментинская	3676	2914	6590
9	Восточно-Джеты-Огузская	3633	3107	6740
10	Заукинская	5222	2665	6187
11	Тюпская	3220	2488	5708
12	Барскаунская	2415	1929	4334

Следует отметить, что во многих районах Иссык-Кульской области еще поныне продолжают сохраняться пережитки родового поселения, ибо вплоть до коллективизации киргизы селились родственными аилами. В расселении киргизов в основном продолжает сохраняться родовой принцип, хотя родовая собственность на землю уже накануне Великой Октябрьской социалистической революции сменилась на частную.

На территории восточной, южной и западной части области живут в основном члены крупных родовых объединений племен Бугу, Саяк, Арык Тукум, Желден, Каба, Ала коз и др., распадающихся на ряд мелких родовых подразделений—„уру", например Тылекмат и др.

Многие селения носили и по сей день носят названия родовых. подразделений, как например, Тогузбай, Саруу, Мундуз, Кытай и др.

Во время укрупнения колхозов шел процесс постепенного включения в состав населения одних артелей представителей других родов или подразделений, а также представителей других наций: русских, дунган, украинцев, что чрезвычайно способствовало их более тесному общению, обмену трудовыми навыками, развитию культуры.

Самой большой группой киргизов в Иссык-Кульской области является население, относящееся в прошлом к племени Бугу, которое дробилось на ряд более мелких родоплеменных подразделений. Поскольку в памяти современных иссык-кульских киргизов еще хорошо сохранились наименования подразделений, мы считаем целесообразным привести данные о расселении киргизов с учетом этих, постепенно изживающих себя, родоплеменных названий. Все эти названия ос-

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII, вып. 1, Петроград, 1916; 11 сводная таблица статистических сведений о киргизском хозяйстве по административным аулам и волостям.

мысливаются как подразделения киргизов-бугинцев (с их наиболее крупными подразделениями Белек и Арык) и отчасти Саяков.

Расселены они следующим образом. Такабай и Мамбет—в селениях Чон-Орюкты и Шаты, Алдаяры—в с. Ойтал и в Кутурга, Токой—в с. Сары-Булак, Тулубай—в с. Шаты, Токочи—в с. Талды-Су, Боор—в с. Корумду, Шапак и Чурум—в с. Жылы-Булак, Шапак, Алыбай и Бирназар—в с. Кен-Су, севернее с. Кен-Су проживают Толубай, Мураталы, Тазабек; Шапак, Кудайменде, Карамурза—в с. Токтоян, Тогузбай—в с. Тогузбай, Эльчибай и Кожош—в с. Эльчибай, Шукур—в с. Долон. Тенизбай, Эльчибай и Мундуз (по 5—7 хозяйств) живут в с. Чолпон, Тенизбай, кроме того, живут в селе Тепке. Арыки проживают от реки Джергалан на запад до самого Пржевальска. Они расселены в Ново-Вознесеновском и Пржевальском районах (за исключением русских сел и двух сел сарт-калмыцких). Кроме указанных районов, племя Арык расположено к югу от гор. Рыбачье в селах Оттук, Кара-Кунгей, Ак-Олен, Кара-Шаар (ныне колхоз имени Ворошилова).

Монолдоры расположены следующим образом: Курбы—в селе Тепке и на реке Джергалан, выше Конраты, в селах Сары-Тобе, Ичке-Булун, Жон, Булак, Чырак, Кабак, Алкым (почти все они монолдоры и бирназары, но считают себя бугинцами). Кытаи живут в селе Кытай. Дöölесы расселены в селах Анустен, Чон-Кызыл-Су, Бозбешик и Жалгыз-öрук, Тилекматы живут в Шалбе и Сутту-Булаке. Бирназары, Тилекматы, Конгураты и Черики, кроме с. Шалбы, живут в Джеты-Огузе. Сару обитают в селе Сару. Желдены расселены в селах Дархан, Чычкан, Ак-Терек, Кичи-Жаргылчак, Чон-Жаргылчак, Тамга и Тосор, Бапа живут в селе Барскаун, Кыдыки обитают полностью в Тонском районе до реки Ак-Терек, затем живет племя Саяк. От совхоза Улахола до г. Рыбачье живет племя Арык. Арыки и Саяки расположены здесь русской властью, чтобы устранить территориальное соприкосновение враждующих племен Бугу и Сарыбагыш.

Дунгане обитают в с. Ырдык (здесь же живет часть уйгуров, переселившихся из Бирлик Черика). Дунгане прибыли во второй половине XIX века из Синьцзянской провинции Китая. Калмыки живут в с. Бору-Баш, Чельпек (имеются в виду сарт-калмыки). Племя Черик и уйгуры—в Бирлик-Черике.

Племя Саяк, Куртка и Мерген расселены в Тору-Айгыре и Чырпыкты, Кожош—в с. Чоктал, Азар и Череке, Бакачи в с. Чет-Кой-Су, Бакачи—в с. Чон-Сары-Ой, Бостери—в с. Бостери, Чон-Сары—в с. Корумду, Калматай, Ырыстан—в с. Темировка, Чиркей в с. Кök Төбе, Сарыбагыши расселены в Сары-Камыше.

Русское население обитает в Иссык-Кульской области почти повсеместно.

Появление первых русских поселенцев здесь относится к 1868 году. Это были выходцы из Воронежской, Курской, Астраханской и Полтавской губерний. Кроме крестьян-переселенцев из Центральной России на Иссык-Куле поселялись также выходцы из Западной Сибири, стремившиеся сюда с самого начала образования уезда. Они основали первые русские поселения: Каракол—в 1868 году, села Преображенское и Теплоключенское—в 1870 году, Сазановка—в 1871 году, Джергес и Алексеевское—в 1872 году, Сливкино—в 1873 году.[1]

[1] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910, стр. 142—144.

Историю переселения русских крестьян в Киргизию можно разделить на три периода: первый—с 60-х до 90-х годов XIX в., второй—с 90-х годов до революции 1905—1907 годов, третий—с 1907 до 1917 года.

Появление русского населения в Иссык-Кульской области связано с правительственной колонизацией этих районов. Развитие капитализма в России оказало свое влияние на переселенческую политику царского правительства, толкая его на поиски новых территорий, а следовательно, и рынков сбыта промышленных товаров и источников получения сырья для развития промышленности.

В. И. Ленин указывал, что „капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и проявляется в пореформенной России[1]. Поэтому капиталистическая Россия начала проникать в самые отдаленные окраины, одной из которых и являлась территория Киргизии.

После реформы 1861 года огромные массы крестьянской бедноты в Центральной России остались безземельными. Царское правительство решило из наиболее густо населенных губерний России переселить крестьян на окраины и обеспечить их землей за счет изъятия лучших земель у местного населения. Таким образом, царизм пытался ликвидировать давно созревшее противоречие и замедлить его разрешение.

„Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистически крупной индустрией и архаическим учреждением сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и прочее) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крепостника) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение".[2]

Для ослабления противоречий между помещиками и безземельной крестьянской массой царское правительство переселяло последнюю и в Киргизию. Одним из районов переселения русских крестьян была Иссык-Кульская котловина.

В 1866 г. генерал-губернатор Западной Сибири отдал приказание Семипалатинскому военному губернатору об устройстве русского поселения у озера Иссык-Куль. Переселение началось сразу же после учреждения Семиреченской области. Поселки, основанные переселенцами-крестьянами, создавались с учетом хозяйственных, военных и других условий.

Наряду с беднейшими крестьянами, которые действительно переселялись, чтобы получить землю для обеспечения семьи, здесь также поселялись кулаки. Царское правительство создавало в новых районах поселения кулаков с тем, чтобы они обеспечивали охрану

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.
[2] Там же.

путей сообщения, военных коммуникаций и хозяйств. Русские поселки на Иссык-Куле образовывались таким образом, „чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную по возможности сеть оседлых поселений, расположенных по главным путям сообщения и плодороднейшим местностям".[1]

Таким образом, основные пути сообщения проходили от Пишпека (ныне г. Фрунзе) через г. Токмак, Боомское ущелье, село Рыбачье, затем дорога разветвлялась на три ветви. Одна из них шла в сторону г. Нарына, а две—по южному и северному берегам оз. Иссык-Куль до г. Пржевальска.

Царское правительство создало условия для переселенцев на окраинах России. Согласно „Временному положению об управлении в степных областях" переселенцам предоставлялись льготы для получения земельного надела, воды, леса и пр.

Мы приведем данные о создании условий для русских крестьян, поселившихся в Иссык-Кульской котловине.[2]

Название селений	Год возникновен. поселков	Число дворов	Число душ			Количество скота		Приходится удобной земли (в дес.)		Усадьбы	Угодья
			муж.	жен.	всего	крупного	мелкого	на один двор	на одну душу		
Преображенское (ныне Тюп)	1870	327	1804	1671	3475	5795	2235	23,5	5,5	150	12396
Сливкино (ныне Покровка)	1873	30	1306	1188	2494	8324	9161	24,3	6,7	44	8596
Теплоключенское	1870	215	1064	852	1898	2443	3523	35,5	8,6	100	8354
Джергес (ныне Ново-Константиновка)	1872	58	247	229	476	1403	1093	16,5	4,5	30	1844
Сазановка (ныне Ананьево)	1871	267	1558	1488	3046	6715	6664	27,9	4,5	171	7834
Алексеевка	1872	52	193	194	387	1364	652	21,1	5,2	30	1138

Несмотря на указ царского правительства, переселение крестьян из густо населенных областей России не получило такого широкого размаха, как ожидало правительство. Причина такого незначительно-

[1] К. И. Фон-Кауфман. Проект всеподданнейшего отчета генерал-губернатора К. П. Фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, СПб., 1885, стр. 175.

[2] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане. 1910, с. 210 и газета «Семиреченские областные ведомости» за 1905, № 5.

го переселения крестьян заключалась в том, что многие помещики, боясь лишиться дешевых рабочих рук, всячески стремились не отпускать их. Однако интенсивное переселение крестьян началось в конце 80-х годов XIX века, в период развития революционного движения в России. Помещики, напуганные все возрастающим размахом революционной борьбы, теперь всячески старались переселить крестьян на окраины.

Второй период переселения русских крестьян в Иссык-Кульскую котловину начался с 90-х годов, когда разразившийся в России голод вызвал новую волну переселенцев. Крестьяне оседали в поселках, основанных в первый период переселения. Переселение крестьян продолжалось до 1905—1907 годов.

Третий период переселения крестьян из России начался в 1905—1907 годах, когда царское правительство, напуганное мощным крестьянским движением против помещиков и кулаков, стало принимать меры к ослаблению классовых противоречий. За это дело взялись сами помещики, имея в виду выселить из России только малоземельных и безземельных, как самый „неспокойный" элемент.

С начала XX века до Великой Октябрьской социалистической революции в Иссык-Кульской области было основано 12 новых селений крестьянами из Курской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний.

Массовое переселение крестьян из России было маневром, рассчитанным на раскол крестьянской массы в деревне и на ослабление их революционной борьбы. Царский палач Столыпин, разрушая сельскую общину, дал помещикам и кулакам неограниченные возможности для полного и окончательного ограбления крестьян, создавая все условия для ведения отрубной и хуторской системы хозяйства. Необходимо отметить, что хуторская и отрубная системы поселения крестьян в Иссык-Кульской области не получили своего развития.

В результате переселения положение большинства русских крестьян на новом месте не только не изменилось к лучшему, а наоборот, стало еще более тяжелым. Они батрачили у кулаков, баев и манапов. Среди русских переселенцев создались два непримиримых класса. С одной стороны, это были кулаки, всячески поддерживаемые царским правительством, а с другой—сельские пролетарии и полупролетарии.

Переселение русских крестьян на Иссык-Куль сыграло прогрессивную роль. Киргизский народ навеки связал свою судьбу с судьбою русского народа и, благодаря этому, приобщился к передовой русской культуре, политическому, экономическому и хозяйственному развитию.

Влияние русского народа на развитие киргизского хозяйства

Земледелие

Археологические, исторические и этнографические материалы свидетельствуют о том, что земледелием киргизы занимались еще задолго до установления культурных связей с русским народом.[1] Прав-

[1] Сочинение Чокана Чингисовича Валиханова. Зап. Русского Географического общества по отд. этнографии, т. XXIX, СПб., 1904 г.; Венюков М. Путешествия по окраинам Азии и записки о них. СПб., 1868; Бернштам А. Н. Археологические очерки Памира, Алая и Тянь-Шаня. МИА, т. 26, М., 1952. Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946 г. (См. продолжение сноски на стр. 30).

да, удельный вес земледелия в киргизском хозяйстве был небольшим. Кочевой образ жизни большинства киргизов не позволял им жить на одном месте и заниматься хлебопашеством, да и постоянная межплеменная борьба и разорения от нее не могли способствовать развитию земледелия. Земледелием занимались преимущественно те киргизы, которые не имели скота. К киргизам в значительной степени применима характеристика, данная в старой литературе в отношении казахов, именовавшихся обычно киргизами. В ней говорится: „Класс земледельческих киргизов—игинчей—существует искони, но только это был всегда жалкий и отверженный класс. Начало его лежит на грабежах и барантах различных родов. Ограбленные, ничего не имеющие (по туземному—байкуши) поневоле должны были приниматься за соху, чтобы добыть себе пропитание, но раз обстоятельства их исправлялись, то-есть чуть обзаводились они хотя незначительным количеством скота, как тотчас бросали соху".[1]

Киргизская беднота, занимаясь земледелием и находя в нем единственное средство пропитания, не оставалась без внимания со стороны богатых сородичей-баев и биев. Последние, прикрываясь маской родственных связей, обязывающих к помощи, требовали у бедняков-земледельцев хлеба. Чиновники царского правительства, как правило, не поощряли земледелия среди киргизов. Напротив, они своей политикой повышенного обложения податями земледельцев тормозили развитие его у трудящихся киргизов. Такое положение было отмечено и в литературе: „Мы же поступаем наоборот, беря с них большие подати чем с кочевников",—писал Л. Костенко.[2]

В результате бедняки-земледельцы, эксплуатируемые баями и биями и обремененные непосильными податями, при первой возможности бросали земледелие, которое считалось у состоятельных кочевников как бы унизительным занятием, и по возможности переходили к излюбленному кочевничеству.

Но тем не менее, с приходом русских „размеры земледелия у киргизов заметно увеличиваются",[3] что объясняется как прекращением постоянных враждебных столкновений между родами, сопровождавшихся нападениями, уничтожением посевов и угоном скота, так и особенно тем, что скотоводство, в силу малоскотности многих кочевников-киргизов, не могло их обеспечить продуктами питания в достаточном количестве. При таком положении пример русских земледельцев, обеспечивающих себя продуктами питания, несомненно, убеждал киргизов, в особенности бедняков, в том, что скотоводство не может считаться единственным источником существования. Таким образом, в предреволюционный период земледелием продолжали заниматься по преимуществу бедные слои киргизов, недостаточно или совершенно не обеспеченные скотом, потерявшие возможность кочевать и жить продуктами скотоводства.[4] Наряду с этим стали произ-

---

При раскопке развалин городища Ак-Бешим археологами найден буурсун, который был отнесен к IX и X векам. Это свидетельствует о том, что на территории земледелием занимались издавна.

[1] Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871, стр. 165.

[2] Там же, стр. 166.

[3] Обзор Семиреченской области за 1881, Верный, 1892, стр. 4.

[4] Обзор Семиреченской области за 1881. Верный, 1893, стр. 14.

водить посевы манапы и баи, пользуясь для этого трудом зависимых от них бедняков.

О значении земледелия у бугинцев можно судить по посевам проса и пшеницы, являвшимися основными посевными культурами, на основании следующих данных, относящихся к 1870 году:[1]

№№ п.п.	Наименование областей	Число душ	Посев и сбор в капах[2]			
			проса		пшеницы	
			посев	сбор	посев	сбор
1	Кунгей-Аксуйская	4680	9	75	1068 1-2	4554 1-2
2	Джуку-Барскаунская	6418			1689	7576 1-4
3	Тургеи-Аксуйская	6794	—		1454	19048
4	Кенсуйская	7044	—	—	149 3-4	758
5	Карой-Саройская . . .	4999	2	3	889 3-4	5443 1-2
6	Конурелен-Алабашская . .	7027	10	82	1523 3-4	9124 3-4
7	Торайгырская	3066	—		719	3682 1-2

Запашка земли в Иссык-Кульской котловине производилась преимущественно по берегам рек, обеспечивающих орошение полей.

На территории современных Тонского, Балыкчинского, Иссык-Кульского и частью Покровского районов перед началом пахоты поля поливались по оросительным каналам-арыкам. Это делалось потому, что земля в указанных районах суглинистая, серая; почва плохо сохраняет влагу, к тому же зимние осадки в этих районах незначительны. Через несколько дней на земле, предназначенной под пашню, рассеивали зерно и затем уже поле запахивали буурсуном—„сучком дерева с железным наконечником, который только ковыряет землю".[3]

Киргизы сеяли преимущественно пшеницу—кызыл-буудай (красная пшеница), зёрна которой—удлиненные по форме и красноватые по цвету с зеленоватыми кончиками. Из этой пшеницы пекли хлеб. Сеяли также двух сортов ячмень „с усиками и голый".[4] Первый более крупный, второй—более мелкий. Из ячменя делали талкан (толокно), кроме того, его употребляли в качестве корма для лошадей. Сеяли киргизы и просо, которое считали наиболее питательным злаком, оно шло на приготовление каши и напитка—бузы. Посевы гороха также были распространены. От русских переселенцев киргизы усвоили, кроме яровой и озимой пшеницы, культуру ржи, гречихи, бахчевых и огородных растений. Рожь озимая уже с 1869 года и яровая—с 1870 года начали давать удовлетворительный урожай, хо-

[1] Материал для статистики Туркестанского края, вып. 3, СПб., 1874 г., Сведения о числе кочевого населения в Семиреченской области за 1870—1871 гг.

[2] Кап—мешок, служивший киргизам мерилом для сыпучих тел, например, зерна. В среднем мешок может вместить около 4 пудов зерна.

[3] Обзор Семиреченской области за 1894 г., Верный, 1895, стр. 15.

[4] Соколов М. И. Население, культура, колонизация. СПб., 1908 г., стр. 74.

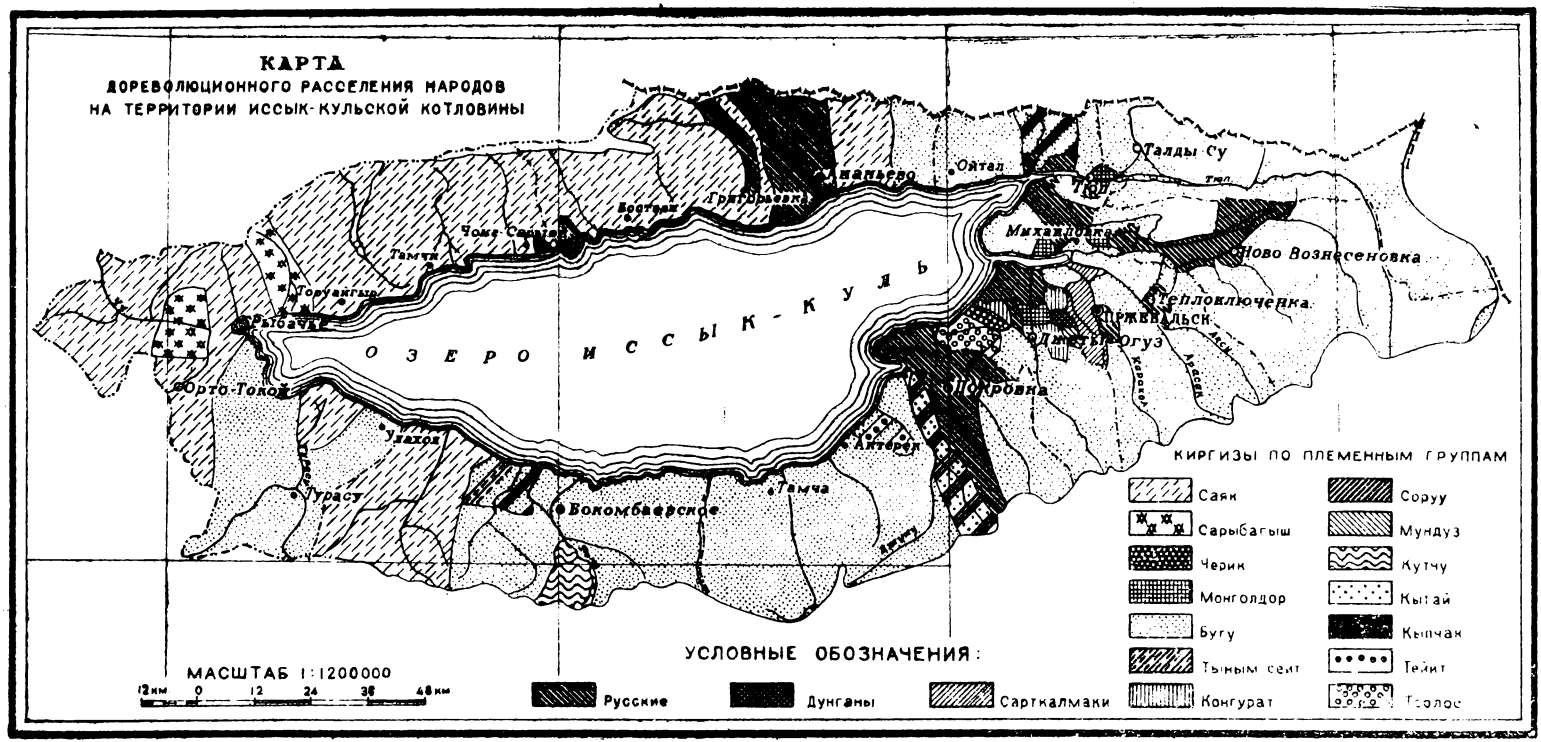
тя посевы их были небольшими. Весною 1869 года крестьяне заложили на богарных землях по берегам реки Тюп бахчи и огороды, на которых сеяли арбузы, огурцы, картофель, свеклу, редьку, морковь, тыкву, подсолнечник.[1] Разводить все перечисленные культуры научились у русских и киргизы. Надо отметить, что до прихода русских в киргизском земледелии преобладало просо, а пшеница к моменту прихода русских только начала прививаться. В последние десятилетия XIX века соотношение посевной площади пшеницы и проса стало обратным, то есть посев пшеницы стал преобладать.

Обработка земли под пашню велась довольно примитивными орудиями. Пахали землю при помощи буурсуна. Буурсун — древнее орудие. Уже в конце XIX века он начал постепенно исчезать и заменяться русским плугом. „Кое-где стали киргизы применять русский плуг" — пишет один из исследователей того времени.[2]

Рис. 1. Пахота буурсуном.

Буурсун состоит из двух главных деревянных частей: самого буурсуна-стойки и дышла. Пашущая часть буурсуна составляет одно целое со стойкой. Стойку делали в большинстве случаев из кривых деревьев, особенно ели и можжевельника (арчи), длиной 110—130 *см*. Нижняя часть стойки согнута под углом. Вся стойка от начала до конца в основном обтесана на четыре грани, но встречался и вооб-

[1] Газета «Туркестанские ведомости», за 1872 г. № 43.
[2] Обзор Семиреченской области за 1894 г., Верный, 1895, стр. 15.


КАРТА
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ
О З Е Р О И С С Ы К - К У Л Ь
Каракол
Оятал
Талды Су
Михайловка
Ново Вознесеновка
Теплоключенка
Пржевальск
Огуз
Покровка
Орто-Токой
Ананьево
Чуйское
Тамга
Боконбаевское
Чолпон
Тамчи
Торугайты
Рыбачье
Кировское
Асы
КИРГИЗЫ ПО ПЛЕМЕННЫМ ГРУППАМ
Саяк
Сарыбагыш
Черик
Монголдор
Бугу
Тынын сеит
Конгурат
Соруу
Мундуз
Кутчу
Кытай
Кыпчак
Тейит
Тюлос
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Русские
Дунганы
Сарткалмаки
МАСШТАБ 1:1200000
12км 0 12 24 36 48км

ще не обтесанный, или обтесанный только на две грани буурсун. Нижний загиб буурсуна довольно плоский и заострен с таким расчетом, чтобы на него можно было „насадить железный наконечник без отвала".[1] Киргизские кузнецы отливали эти наконечники, за неимением железа, из обломков чугунных котлов. Если почва была мягкая, то иногда разрыхляли ее и без наконечника. Верхний конец стойки, более тонкий, чем нижняя часть, оканчивается острым выдающимся вперед концом. Наибольшую массивность стойка имеет в сгибе и немного выше его, где толщина равняется в среднем 20—25 *см*, тогда как толщина верхней части стойки наполовину меньше.

Сзади стойки заделана рукоятка—тутка для управления буурсуном во время пахоты. Такая форма стойки и массивность ее в сере-

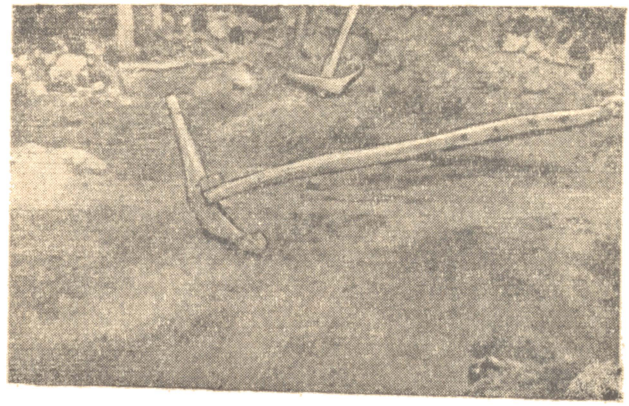


Рис. 2. Буурсун—соха.

дине и на сгибе объясняется функциями самого буурсуна. Вся работа по взрыхлению почвы лежит на буурсуне и поэтому стойка должна быть сделана из крепкого дерева, и мастера старались делать ее массивной.

Выше сгиба, приблизительно на половине стойки выдолблено большое отверстие, в которое вставляется дышло, длиной 3—3,5 *м*, служащее для сообщения буурсуну движения. Поэтому средняя часть стойки отличается особой прочностью, так как в этом месте находится точка двух противодействующих сил: активной силы животных, влекущих пашущее орудие, и пассивной силы почвы, оказывающей сопротивление работе лемеха.

Следующей частью буурсуна является дышло—ок-жыгач (оно в западных районах области называется окто). Ок-жыгач—это бревно, чаще всего еловое, ровно обтесанное, длиною в 3 метра, округлой формы. Дышло имеет толщину не более 15—18 *см*. Задний конец его обтесан по форме отверстий стойки, в которое он прочно заправляется. На переднем конце дышла просверлено 3—4 отверстия, служащие для прикрепления ярма (моюн турук). Для более удобного управления буурсуном во время работы в верхнюю часть стойки

[1] Обзор Семиреченской области за 1885 г., Верный, 1888, стр. 3.

вправлен колышек-рукоятка, за которую пахарь—кошайдочу—держит буурсун, управляя им.

Рабочей частью буурсуна является лемех—„тиш", что значит зуб. Он железный или чугунный, копьевидной формы, с острыми режущими краями и втулкой, служащей для насадки лемеха на нижний конец стойки. Буурсун изготовляли мастера, реже сами дехканы-земледельцы. Лемех выделывали обычно местные кузнецы. Изготовляемые буурсуны делались „на глаз". Вследствие этого почти каждое орудие носит на себе следы индивидуального творчества мастеров.[1]

Ярмо—моюнтурук представляет собой ровное плоское бревно, длиною около 2—2,3 метра, толщиной 5—8 *см*, в которое вправлены четыре круглые планки—шамиян длиною около 60 *см* и толщиною 3 *см*. Шамияны вправлены попарно, с расстоянием между ними в 50 *см*, и с таким расчетом, чтобы при запряжке они обхватывали холку волов. Нижняя часть шамияна связывается арканом. Русское ярмо несколько отличается от киргизского—моюнтурука, но все же название его—жармо проникло в киргизский язык, видимо, вместе с применением его и у киргизов.

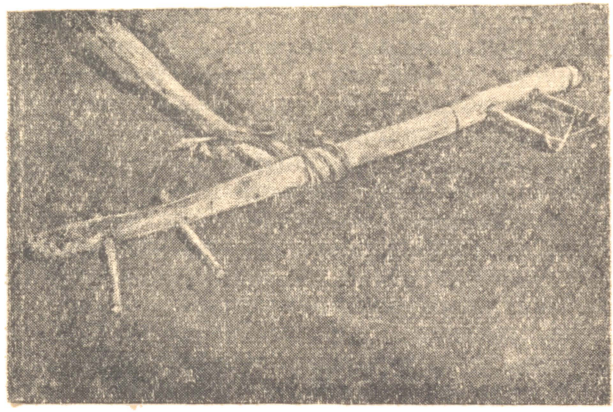


Рис. 3. Ярмо—моюнтурук.

В ряде статей исследователей по земледелию Средней Азии описанное нами орудие встречается обычно под наименованием „омач". Так, например, М. И. Носков в статье „Земледелие", подразумевая киргизов, указывает, „что орудие обработки преимущественно у них омач". Е. Е. Яшков пишет, что „кара-киргизами земля пашется исключительно деревянным омачом". Такие же краткие описания буурсуна дают А. Н. Шахназаров, А. Г. Черданцев и др. Отличается своей полнотой описание Г. П. Гельцбера, Л. П. Потапов описал пахотное орудие алтайцев андазын, которое в некоторых деталях отличается от буурсуна, а в общем с ним совпадает. Киргизский буурсун почти ничем не отличается от пахотных орудий среднеазиатских на-

[1] В каждом земледельческом районе имелись свои мастера по изготовлению буурсуна.

родностей—узбеков, таджиков, туркмен, которые называют его разными терминами: омач, пайгамбар омач, агач имек, сопан, шоюн тыс и т. д. Мы приведем описание Гельцбером Г. П. омача, которое почти не имеет расхождения с нашими описаниями.

„Омач состоит из деревянного корпуса в виде стойки, длиною около 2,5 аршина и толщиною в самом толстом месте до 5—6 вершков. Стойка эта делается из разного дерева, чаще всего из твердого урюка или тута. Нижняя часть ее длиною около 1/4 аршина изогнута под небольшим углом по направлению движения орудия. На заостренную часть ее насаживается особый лемех из железа или чаще всего чугуна, имеющий копьевидную форму с острыми режущими краями и втулкой для насадки его на деревянную часть омача. Немного повыше стойки омача в продолбленное сквозь нее отверстие вставляется и заклинивается в бревно грядиль толщиною 2—3 вершка и длиною до 5 аршин, на конце оно имеет несколько отверстий. В самом же верху стойки в просверленное круглое отверстие вставляется короткая рукоятка".[1]

Буурсун своим лемехом разрыхляет почву снизу, немного ее приподнимая, а стойкой раскидывает и рассыпает землю по обеим сторонам борозды, не переворачивая пластов. Часть рассыпающейся почвы снова попадает в борозду.

В результате после вспашки буурсуном на поле остается много невспаханной почвы, которая лежит между бороздами, слегка присыпанная вспаханной землей. Иногда, чтобы разрыхлить нетронутую между бороздами землю, пашут второй раз, но уже не в длину, а в ширину участка. Таким образом, пашут вдоль и поперек одно и то же поле.[2] Такой перекрестной вспашкой достигается более или менее сплошное и равномерное разрыхление верхнего слоя почвы.

Регулирование глубины вспашки буурсуном довольно простое и имеет несколько способов. Один из таких способов заключается в том, что передвигают запряжку ярма вперед или назад по дышлу. Для этой цели на переднем конце дышла имеется несколько круглых отверстий. Если борозда была мелкая, ярмо прикрепляют к первому отверстию у переднего конца. Расстояние между животными, тянущими орудие, и его пашущими частями увеличивается, вместе с этим дышло понижается в сторону горизонтальной линии, проведенной через точку скрепления дышла и стойки. В результате этого расстояние, отделяющее условную горизонтальную линию от острия лемеха, увеличивается, орудие пашет глубже. Для вспашки мелкой борозды ярмо передвигается назад по дышлу, в результате получается обратное отношение лемеха к горизонтальной линии и буурсун пашет мельче. Такой принцип регулирования глубины довольно прост. Глубина вспашки буурсуном 6—8 *см*, ширина борозды более или менее постоянная и зависит от размера лемеха и ширины нижней части стойки.[3]

---

[1] Гельцбер Г. П. Кетмень, омач и плуг. Ташкент, 1923 г., стр. 45.

[2] Полевая запись. Сулайманов Казакбай. 1887 г. рождения, колхозник сельхозартели «Ала-Тоо» Дарханского сельсовета Покровского района.

Так же пахали поле и южные алтайцы-кочевники при помощи аналогичного буурсуну орудия, носящего название андазын. См. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 208.

[3] Полевая запись. Саркөбөнөв А., 1889 г., колхозник сельхозартели им. Карла Маркса Ак-Терекского сельсовета Тонского района.

Ширину борозды пахарь может регулировать только в очень ограниченных пределах, направляя буурсун ближе или дальше ранее проведенной борозды. Из-за незначительной ширины пропахиваемой борозды буурсуном вспахивают в день в среднем полгектара. Поэтому киргизы сложили песню, в которой говорится о трудности пахоты буурсуном и боронования сучком облепихи:

Буурсун менен жер айдап	Пахали буурсуном землю,
Муканып ичи заркайнап	Разрывалось наше нутро от печали,
Маласы чычырканактан	Борона состояла из облепихи,
Тикенек колду канаткан.[1]	Колючки руки кололи до крови.

Управление буурсуном во время работы—дело трудное и пахал им взрослый человек, обычно мужчина.[2]

Пахарь, одной рукой крепко держась за буурсун, направлял его, а другой—погонял волов. Обычно киргизы пахали на паре быков или даже коров.

С приходом русских киргизский буурсун постепенно начал выходить из употребления. На смену первобытным земледельческим орудиям стали появляться плуги и бороны. „У киргизов Пржевальского уезда встречаются русские плуги".[3] Киргизы заимствовали плуг от русских и называют его соко (от слова соха). Все части плуга приобрели старые киргизские названия: градиль—ок темир, лемех—тиш, резец—тилгич, отвал—темир калак, плужный передок—дөнгөлөк, винты—бурама. На русский плуг были перенесены названия частей более ранних киргизских земледельческих орудий.

Распространение плуга среди земледельцев происходило путем продажи его через сельскохозяйственные склады. Покупателями были „первоначально русские земледельцы, но лишь только преимущества работы усовершенствованных орудий были налицо, примеру русских следовали и киргизы".[4]

Уже в 1913 году у киргизов Пржевальского уезда насчитывалось плугов 3114, борон с железными зубьями—2469, с деревянными—8732.[5] В плуг запрягали большей частью лошадей, редко—волов.

Другим видом земледельческого орудия является кетмень „с овальным диском, насаженным перпендикулярно к ручке",[6] употребляемый как почвообрабатывающее орудие. Кетмень состоит из двух частей—собственно металлического кетменя и деревянной ручки, длиной более одного метра и диаметром 3—4 *см*.

Весенний сев начинался во второй половине марта и заканчивался около 10 мая. Посев у киргизов был ручным. Сеятель верхом на лошади или идя пешком разбрасывал семена по полю. Верховой спо-

---

[1] Записано от Саркөбөнөва А., который с 12 лет занимался земледелием. Им была сделана модель буурсуна и преподнесена автору этих строк. В 1955 г. модель буурсуна была передана кафедре этнографии МГУ для выставки по этнографии в честь двухсотлетия Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

[2] Полевая запись. Шайбыров О., 1918 г. рождения, колхозник колхоза им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

[3] Обзор Семиреченской области за 1895 г., Верный, 1896 г., стр. 17—18.

[4] Обзор Семиреченской области за 1903 г., Верный, стр. 9.

[5] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII, вып. 1, Петроград, 1916, стр. 446.

[6] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 30.

соб сева мог появиться у кочевников в результате веками выработавшейся привычки выполнять ряд работ верхом на лошади. Естественно, что такую трудную работу, как сев, природные наездники выполняли сидя на лошади. Такой способ сева лишний раз свидетельствует о том, что хотя земледелие до прихода русских не было основным занятием киргизов, но они знали его давно и задолго до появления русских. Не каждый киргиз-земледелец, конечно, мог быть сеятелем, но в любом роде или кочевье всегда находился специалист-сеятель. Этот сеятель в весенние дни по приглашению сородичей ездил с пашни на пашню, чтобы засевать их поля. Сидя верхом на лошади, он через голову лошади бросал семена, которые ложились неравномерно.[1] Семена разбрасывали горстью из торбы (жем баштык), из кожаного ведра (көнөк), иногда просто „из полы халата, а также из мешка или шапки".[2]

Постепенно, с увеличением посевной площади и под влиянием русских земледельцев, киргизы стали сеять из мешков. Приемы киргизского сева были иные, чем у русских. Киргиз сеял в три мелких сева, которые по площади охвата зерном были равны одному севу русскому. Другими словами, киргиз, взяв горсть зерна из торбы, правой рукой разбрасывал его в три приема: частыми короткими движениями по очереди раскрывал большой, указательный и средний пальцы. Сеятель сперва бросал зерно правее от себя, затем быстрым и коротким взмахом выбрасывал зерно перед собой, а остаток—левее себя. Делая несколько шагов вперед и беря семена из торбы, сеятель повторял то же самое. Русский сеятель сеял полным широким и сильным взмахом руки. Поэтому о киргизском севе русские говорили: „киргизы не сеяли, а подсевали, разбрасывая семена короткими частыми движениями.[3]

Русский сев по технике более совершенен и более экономен по затраченному труду, зерно при этом ложится равномерней. Естественно, что киргизы по мере развития у них земледелия переняли у русских технику и приемы сева.[4] Киргиз, обычно, наполнив торбу или шапку 5—6 *кг* семян или просто взяв семена в полу чапана, высевал это малое количество зерна, потом, отметив границу засеянного поля хворостиной или кучей земли, возвращался за семенами, чтобы продолжить свой сев. Такая излишняя ходьба за семенами и трата времени у киргизов объясняется тем, что они до прихода русских сеяли небольшие участки величиной с полгектара, для высева на таких участках не требовалось много семян.

К 1913 году киргизы Пржевальского уезда имели под посевами уже 95329,66 десятины земли.

Из этого числа было:

	Поливных	Неполивных
пшеницы	12748,58 дес.	2954,14
р ж и	22,24	5,10

---

[1] Полевая запись. Жеентаев Жайыкбай, 1871 г. рождения, колхозник сельхозартели „Кызыл туу", Кытайского сельсовета.

[2] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 29.

[3] Полевая запись. Фоменко А. А., 1874 г. рождения, с. Талды-Су.

[4] Полевая запись. Тюрин Ф. С., 1861 г. рождения, колхозник колхоза „Большевик", с. Тюп, Тюпского района.

ячменя	18908,70	4946,84
п р о с а	547,23	47,15
о в с а	3774,12	85,85
кунака	24,06	3,00
прочих хлебов	516,86	229,05[1]

С увеличением посевной площади киргизы стали сеять из мешка русским способом.

Бороньба производилась примитивным образом, так как „борону заменяли сухие древесные сучья"[2] или ее заменял „сук арчи или тяньшанской елки".[3] Такая „борона" (мала) привязывалась арканом к седлу лошади, на которой сидел сеятель, или это делал мальчик, который ехал за сеятелем. Чтобы сухие ветки лучше заделывали зерно, на них сверху для тяжести клали камни или какие-либо тяжелые предметы. Был у киргизов и другой способ боронования. По засеянному полю на быке или на лошади волочили небольшое бревно, которое слегка утрамбовывало пашню, „чтобы ветер не выдул зерно и не выклевала его птица".[4]

Бороньба у киргизов стала совершенствоваться только с применением русской бороны. Корпус этого нового для киргизского земледелия орудия состоял из пяти деревянных брусьев, из которых четыре скреплялись между собой в форме квадрата; пятый брус разделял квадрат на две равные части. В корпус бороны всаживались четырехгранные или круглые, заостренные в нижнем конце, деревянные зубья—тиш, которых в бороне насчиталось 18—20 штук. Тиш—зубья расположены так, чтобы каждый зуб при движении делал особый след. Сначала бороны делались целиком из дерева. Для корпуса использовали елку и можжевельник, а для зубьев—сухие палочки барбариса или джерганака. Затем стали применять вместо деревянных зубьев—железные. Деревянную часть бороны, то-есть корпус, киргизы делали сами, а железные зубья покупали у русских кузнецов.

При бороновании при помощи пучков сухих ветвей семена плохо заделывались в почву, хотя разбивались сухие комья земли и выравнивалась пашня. Волочением бревна пашня утрамбовывалась, что уменьшало и задерживало всхожесть зерна. Русская же борона, глубоко погружаясь, зубьями „расчесывала" ее, лучше разрыхляя вспаханную почву, и заделывала семена. Качество русской бороны высоко ценилось киргизами. Так был постепенно вытеснен примитивный способ киргизского боронования.[5]

У киргизов не существовало определенного севооборота. Система земледелия была залежная. Обычно засевали на целинной земле пшеницу, „по нескольку (4—6) раз на одном и том же месте".[6] После пшеницы сеяли ячмень, затем просо. Если почва сильно истощалась

---

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т, VI, вып. 1. Петроград, 1916 г., стр. 451—452.

[2] Обзор Семиреченской области за 1885 г., Верный, 1886, стр. 3.

[3] В а с и л ь е в В. А. Семиреченская область, как колония и роль в ней Чуйской долины, СПб., 1915, стр. 15.

[4] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 6.

[5] Полевая запись. Б е к б о е в Татан, 1857 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина Ак-Дюбинского сельсовета Джеты-Огузского района.

[6] Ф е д о р о в В. Военно-статистическое описание Туркестанского округа. Джунгарско-Семиреченский приграничный район, ч. 1, Ташкент, 1910, стр. 137.

за эти несколько лет, то земледелец бывал вынужден оставить эту землю, чтобы дать ей возможность восстановить свое плодородие. Таким образом, киргизы не прекращали „сеять на одном и том же месте до тех пор, пока земля продолжала давать урожай".[1]

Условия земельного простора позволяли киргизам бросать земли под залежь и эксплуатировать целину. Такая залежная система земледелия была свойственна не только киргизам, но и переселенцам русским. „Отсутствие какого бы то ни было севооборота и возделывание почти исключительно зерновых хлебов составляют общую черту всех русских селений".[2]

С увеличением населения области и уменьшением свободных земель залежная система полеводства постепенно заменялась трехпольным севооборотом. Эта более рациональная система использования земли была введена в практику земледелия в первом десятилетии XX века русскими крестьянами. При трехпольном севообороте земледелец не бросал поле на несколько лет, как при залежной системе. Через каждые два посева земля получала отдых.

При залежной системе земледелия „удобрение полей почти не практиковалось"[3] и к севообороту в посеве не прибегали, а истощенную землю оставляли под пар, распахивая другой участок. Чтобы не затрачивать труд по удобрению истощенной земли, русские крестьяне арендовали землю у киргизов, считавших сдачу земли в аренду более выгодной, чем обработку ее.

Со стороны русского населения только в предреволюционные годы „начались случаи удобрения полей в части Пржевальского уезда, по южным склонам Кунгей-Тау и северным берегам Иссык-Куля. Удобрение производится исключительно навозом".[4]

Орошение полей Иссык-Кульской котловины в основном было искусственным. Такая система ухода за зерновыми культурами считалась единственно-надежной для обеспечения должного урожая. От орошения зависели не только зерновые культуры, огороды, сады, но и вся растительность. Арычная система ирригации удовлетворяла разнообразные хозяйственные и бытовые потребности (орошение полей, водоснабжение населения и др.). У киргизов водосточные арыки делились на большие и на малые. Большие арыки—каналы проводились непосредственно из рек и речек. Большие арыки разветвлялись на второстепенные арыки, „которые, в свою очередь, разветвляются еще на третьестепенные каналы"[5]. От этих второстепенных и третьестепенных арыков шло к полям множество мелких арыков.

Возникновение такой ирригационной системы связано с недостаточностью осадков, в результате чего возможно только поливное земледелие. Киргизы, переходя к земледелию, стали строить для орошения своих небольших полей ирригационную сеть, кроме того, они ме-

---

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по величайшему повелению сенатором гофмейстером гр. К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910, стр. 148.

[2] Там же.

[3] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г., Верный, 1915, стр. 36.

[4] Там же.

[5] Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871 г., стр. 169.

стами использовали частично и древние, заброшенные оросительные системы.

Поля Иссык-Кульской котловины испещрены густой сетью арыков, идущих с гор к озеру. Крестьяне в засушливые годы внимательно следили за режимом рек, так как количество воды в них зависит от таяния льдов и снегов в горах.

Общественные работы по очистке и ремонту арыков начинались ранней весной. Сперва каждый крестьянин ремонтировал свои маленькие арыки, которые непосредственно шли к его пашне, потом общей силой -второстепенные и третьестепенные арыки. Затем, после окончания этих работ, приступали к ремонту больших арыков, непосредственно берущих воды из рек и речек. Ремонту арыков киргизы придавали исключительно большое значение и поэтому проводили его в присутствии манапов или родоначальников, а аксакалы и мирабы наблюдали за качеством работы. Орудием для ремонта арыков, как рассказывают старики, нередко служили рога горного козла. Легкие и очень острые, они хорошо копали каменистое дно арыка и помогали извлекать большие камни.

С приходом русских ирригационная сеть улучшилась. Появление новых оседлых селений способствовало созданию новых ирригационных систем и расширению старых. Русские легко применились к местным условиям, их арыки по технике устройства стали лучше и больше прежних киргизских.

Для строительства новых и ремонта старых запущенных арыков стали применяться более совершенные орудия: ломы, кирки, железные лопаты и др. Строительство новых арыков осуществлялось, как правило, под наблюдением гидротехников. Таким образом, были проведены работы по улучшению системы водопользования, а также гидротехнические изыскания в бассейнах рек Тон, Джергалан. Были установлены водомерные посты на реках Барскаун, Чолпон-Ата, Ак-Су Тосор, Заука, Кичи Кызыл-Су. Кроме этого, сооружались вододелители между арыками Сай, Ак-Кочкор и др.[1]

Полив производился следующим образом: пускали воду по длине борозды, и вода, протекая по пашне, сильно увлажняла ее. Глубина увлажнения пашни доходила иногда до 25—30 *см*. Полив производился с таким расчетом, чтобы вода медленно и равномерно, не оставляя сухих островков, оросила все поле. Мерою воды у киргизов был „кулак".[2] „Одним кулаком поливают от 1 до 3 десятин в сутки при непрерывном токе воды".[3] Оросительный период длился со второй половины марта и по август месяц.

На территории Иссык-Кульской котловины количество поливов не было одинаковым во всех районах. В Тонском и Балыкчинском районах поливали четыре раза. Первый полив зерновых носил подготовительный характер: поле поливали перед севом. Второй раз поливали, когда начиналось кущение, а третий -в период цветения. Четвертый полив проводили тогда, когда зерно начинало наливаться.

---

[1] Обзор Семиреченской области за 1912 г., Верный, 1913, стр. 8.

[2] Термином «кулак» называли количество воды, необходимое для полива 1—2 *га* земли.

[3] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатора гофмейстером гр. К. К. Паленом. Орошение в Туркестане, СПб., 1910, стр. 265.

На территории современных Покровского, Джеты-Огузского, Иссык-Кульского и Пржевальского районов полив раньше производился всего лишь 3 раза, в Ново-Вознесеновском, Талды-Суйском районах 2 раза. Клевер поливался от 6 до 8 раз, каждый укос по 2—3 раза.

Необходимо отметить, что русские крестьяне, попав в совершенно новые для них местные условия, стали учиться у киргизских земледельцев методам искусственного полива полей.

Водопользование у киргизов было тесно связано с землепользованием. Русские крестьяне, арендуя у киргизов землю, специально оговаривали условия обеспечения посевов водой, так как без нее была немыслима аренда.

Земледелие отнимало у киргизов мало времени. Весною они приезжали на 2—3 дня с гор для того, чтобы вспахать поля и засеять их, затем приезжали на день-два поливать поле, а „в августе—сентябре киргизы откочевывали от далеких жайлоо ближе к пашням для уборки хлеба".[1]

Когда киргизы стали постепенно увеличивать площадь посева и сажать огородные и бахчевые культуры, земледельцы вынуждены были оставлять некоторых членов своих семей у посевов для того, чтобы они поливали, окучивали, пропалывали и охраняли их от потравы.

Кроме поливного, в Иссык-Кульской котловине существовало богарное земледелие. Киргизы часто использовали этот род земледелия как наиболее легкий способ обеспечения себя зерновыми культурами. На богаре киргизы засевали только ячмень и просо, овес же начали сеять только после знакомства с русским земледелием. Киргизы использовали под богарный посев такие земли, которые были расположены в прохладных предгорьях, на возвышенных площадях, на склонах с плодородной почвой. Эти земли обычно находились рядом с их летними кочевьями, что облегчало своевременную уборку, обмолот, хранение хлеба в особых ямах.

С приходом русских под богарное земледелие стала использоваться также и равнина Иссык-Кульской котловины. Русские переселенцы, основав с. Преображенское (ныне с. Тюп), начали сеять богарные хлеба в Тасме и Сухом Хребте. „Почва здесь, наиболее благоприятствующая земледелию, не требует ни искусственного орошения, ни удобрения".[2] Крестьяне села Покровки сразу же после приезда в область нашли новые, не использованные киргизами плодородные богарные земли на берегу озера Иссык-Куль в местности Кара-Булун.

В предреволюционный период киргизы, как и русские, обычно, не очищали поля от сорняков. Если занимались уборкой таких трав, то в большинстве случаев это дело поручалось женщинам и детям

Киргизы убирали хлеб вручную. Они жали серпом—мангел (рис. 4). Он состоял из двух частей: режущего железного лезвия, гладкого без зазубрин и деревянной рукоятки длиною 35—40 *см* и диаметром 4—5 *см*. Рукоятка вставлялась между 2-х загибов трубкообразно вытянутых отверстий. Режущая часть была расположена под прямым углом, на конце серпа делался небольшой загиб во внутреннюю сторону, похожий на крючок.

---

[1] Газета «Туркестанские ведомости» за 1879 г., № 43.

[2] Дьячков П. А. Оз. Иссык-Куль и его северный берег. Изв. Турк. отдела императорского русск. геогр. о-ва, т. 1, вып. 1, Ташкент, 1898, стр. 7.

До появления серпа—мангел киргизы, по рассказам стариков, использовали будто бы для жатвы такие примитивные „орудия" как баранья челюсть и конское ребро. Эти примитивные „орудия" жатвы не подвергались какой-либо предварительной обработке. К высохшей бараньей челюсти прочно привязывали при помощи кожаных ремней деревянную палку, она служила в качестве ручки. Жали бараньей челюстью исключительно мужчины, так как силы женщины нехватало, чтобы подрезать хлеб и траву бараньими зубами. Челюсти других животных на эту работу не годились ввиду того, что зубы у них тупые и сама челюсть громоздкая и неудобная.[1] К конскому ребру кожаным ремнем крепко привязывали кусок кошмы, чтобы удобно было держать его.

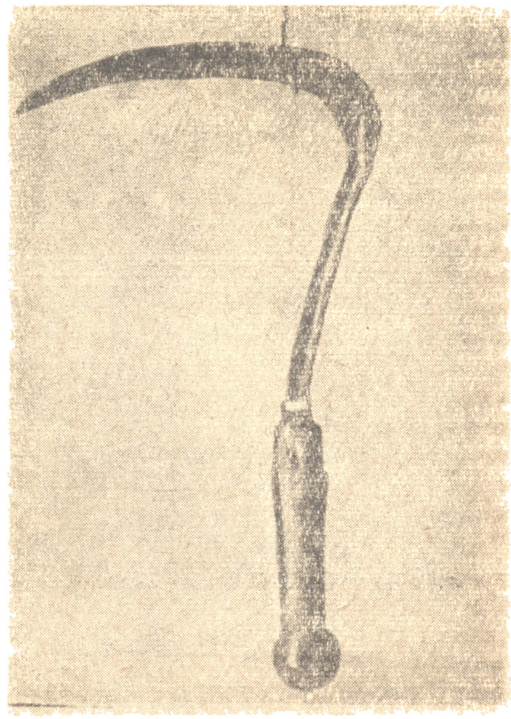


Рис. 4. Серп—мангел.

Снопы (боо) перевязывали жгутом из чия. Для этого специально подрезали чий с корня и заранее готовили вязки. После перевязки снопы сначала ставили по 3 штуки колосьями вверх. После окончания жатвы их собирали в круг по 10—15 штук, плотно ставя друг к другу колосьями вверх, затем оставляли на несколько дней „для предварительной просушки, чему способствует жаркое в большинстве случаев сухое лето, высушивающее колос и зерно в поле".[2] Если хлеб находили достаточно сухим, то сразу же после жатвы складывали на чийне—волокушу и отправляли на ток к месту молотьбы.

После прихода русских и развития земледелия киргизы стали применять более совершенные жатвенные орудия—русский серп и косу с грабельками. Для сохранения снопов до молотьбы киргизы усвоили русский способ укладки снопов крестом или кольцом.

Киргизы молотили хлеба разными способами. Из них самым примитивным был способ, по которому зерно вымолачивалось ударами палки по маленькой куче колосьев.[3] Этот способ обмолачивания применялся в период, когда киргизы занимались земледелием в самом

---

[1] Полевая запись. Суранчиев Султан,, 1883 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина Ак-Дюбинского сельсовета Джеты-Огузского района.

[2] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 6.

[3] Полевая запись. Саркёбёнов А., 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Карла Маркса Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

Рис. 5. Уборка хлеба серпом—мангелем.

незначительном размере. Следующий примитивный способ обмолачивания заключался в том, что в большую деревянную ступу (соку) насыпали колосья с зерном и, ударяя по ним пестом (сокбилек), обмолачивали.[1] В ступе обмолачивали только те колосья (машак), которые подбирались с поля после уборки и вывоза хлеба. Просо, предназначенное на приготовление каши и плова, обмолачивали босыми ногами для того, чтобы в него не попадали мелкие камешки. Просо, обмолоченное на току, для каши и плова не годилось, так как в него неизбежно попадало много камешков. Молотьба ногами входила в круг обязанностей женщин и детей. Кроме описанных примитивных способов, молотьба „производилась при помощи животных (лошадей или быков)—темин басуу, которых гоняли по разостланным снопам хлеба".[2] Для этого устраивали специальный ток—„кырман". Площадку диаметром от 4 до 10 *м* поливали водой, затем выпалывали кетменем траву и выравнивали место. После этого укладывали саман, чтобы животные копытами не разбивали гладкую поверхность кырмана. По саману гоняли животных, которые плотно утаптывали кырман. С утрамбованного кырмана убирали солому, сметали сор и просушивали его. В самом центре тока вкапывали столб высотой в 2—3 метра и диаметром 15—20 *см*. Русские переселенцы-крестьяне готовили

[1] Полевая запись. Саркөбөнөв А., 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

[2] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946 г., стр. 29.

ток так же, как киргизы, только иногда поверхность тока трамбовали колесами телег и бричек. Как киргизы, так и русские посередине тока вкапывали столб только в тех случаях, когда обмолот хлеба производился быками или коровами (рис. 6).

После подготовки кырмана приступали к доставке снопов. Снопы

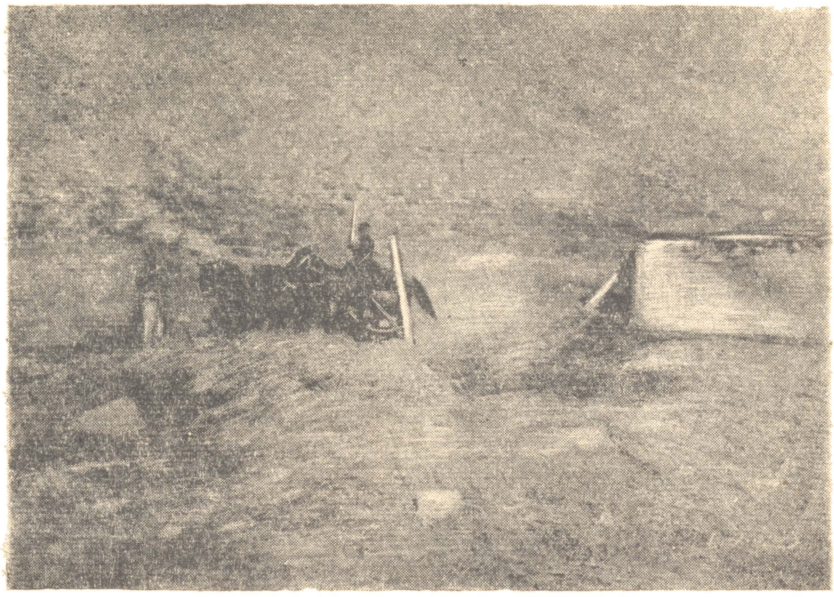


Рис. 6. Кырман—ток.

доставлялись на чийне-волокуше. Волокуша состояла из двух жердей длиною в 2—3 метра и толщиною в 10 *см*. Расстояние между передними концами жердей—0,5 метра, жерди крепко привязывались к седлу, задние концы постепенно расходились на ширину 1,5—2 метра. К ним прилаживались 4—5 поперечных палочек на расстоянии одна от другой 15—20 *см* для того, чтобы на них можно было класть груз. Эти палочки завязывались веревкой или кожаным ремнем. Чийне-волокуша вмещала до 20 снопов, которые укладывались колосьями внутрь, чтобы они не отрывались при перевозке.

По кругу тока снопы складывали колосьями внутрь, предварительно развязав жгут и раструсив стебли. Слой разложенного для обмолота хлеба первоначально бывал до того толстый, что животные по брюхо проваливались в него, но по мере перемолачивания он все уменьшался. Примерно через каждые полчаса останавливали животных на отдых, тогда вилами снимали верхний слой обмолоченной соломы. Таким образом, киргизы, как и русские крестьяне, молотили хлеб до тех пор, пока на току оставались только зерна и мякина, которую невозможно убирать вилами.

Как мы уже говорили, обычно для молотьбы использовались лошади и быки, а у бедных хлебопашцев—коровы. Для более быстрого обмолачивания лошадей связывали в один ряд, по правую сторону первой лошади. Первую лошадь держал человек и через нее управ-

лял остальными. Лошадей быстро гоняли по кругу до тех пор, пока не только колосья, но и стебли хлеба перемолачивались на мелкие части. В молотьбе участвовала вся семья, хозяин управлял работой. Дети подгоняли лошадей, остальные взрослые члены семьи, а также родственники следили за расползавшимися за края кырмана колосьями, выметая зерно метелкой, забрасывая в круг необмолоченные колосья, перетрушивали хлеб для скорейшего обмолота. В том случае, если использовали для обмолачивания хлеба коров или быков, то связывали им рты, чтобы они не поедали хлеб. К укрепленному посередине кырмана столбу привязывали первого быка или корову, а затем остальных друг к другу за шею. Работа с крупным рогатым скотом была более трудной, чем с лошадьми.

По окончании молотьбы хлеб собирали в кучу и веяли особыми вилами (бешилик). Зубья (пять штук) этих вил изготовлялись из дерева крепкой породы и проходили через планки, сделанные из рогов горных коз. Ручка делалась из дерева. У основания зубья прикреплялись к ручке при помощи ремешков (рис. 8). После веяния всегда оставались невымолоченные колосья, которые снова молотили.

Рис. 7. Киргиз с бешиликом вилами для просеивания обмолоченного зерна.

Молотьба хлеба животными была более производительным способом по сравнению с молотьбой палками и ногами и была рассчитана на обмолачивание значительного количества снопов. Такая молотьба свидетельствует о возросшем удельном весе земледелия в хозяйстве киргизов, об увеличении запашек и значительном усовершенствовании процессов труда. В свою очередь, русские переселенцы усвоили от киргизов более совершенный способ молотьбы цепами.

Киргизы переняли от русских телегу, которая стала вытеснять чийне—волокушу, чем в огромной степени была облегчена перевозка снопов к кырманам. Русские крестьяне, видимо, ознакомили киргизов с новым способом молотьбы, коренным образом отличающимся от предыдущих. Это—молотьба катком, то-есть, „особенно выделанными камнями, прикрепленными к животным".[1]

---

[1] Обзор Семиреченской области за 1894 г., Верный, 1895, стр. 15.

В настоящем разделе использован материал из рукописного фонда Отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Ст. Бежковича „Киргизское бытовое земледелие", инв. № 735.

Катки—молоташ делались из камня и известняка, имели форму цилиндра длиной 60—70 *см*. В молоташ запрягали лошадей или быков и гоняли по кырману. Для прикрепления запряжки к катку обычно использовался станок. При молотьбе киргизы пели песню, известную под названием „Оп майда". Эту песню пел человек, погонявший животных, а остальные присутствующие подпевали.

После молотьбы киргизы немедленно начинали веять. Как и русские, они веяли лопатой зерно, предварительно перевеянное уже вилами—бешиликом. Лопата была деревянная, сделанная из ели. Веяли обычно на рассвете, когда с гор дует легкий ветерок. Вначале пользовались вилами, а затем, когда наиболее крупные частицы соломы отвеивались, заканчивали веяние деревянной лопатой. Веяльщик лопатой подбрасывал зерно высоко вверх на ветер с наклоном от себя, приблизительно на 3 метра. Причем, веяльщик должен был уметь так подбрасывать зерно, чтобы оно в воздухе не было скучено, а наоборот, развевалось бы веером по ветру, этим облегчалось отделение мякины, соломы и навоза от зерна. Зерно, как более тяжелое, падало прямо перед веяльщиком, в нескольких метрах перед ним, а мякина с соломой и прочими примесями уносились в сторону. Другой работник сметал метлою (сделанной из курая или чия) крупные частицы самана, мякины, сора, которые ветер не мог уносить. Если ветер был слабым, то веяли вторично. После провеивания чистое зерно оставляли на ночь под открытым небом, в кучу втыкали лопату, которой веяли, клали метлу, которой сметали сор, и после заката солнца резали барана или козу в честь покровителя земледельцев Баба Дыйкану, о чем будет сказано дальше.

Утром следующего дня зерно насыпали в капы—мешки, сшитые из грубой шерстяной ткани домашнего производства.

Земледельцы-киргизы, которые за отсутствием скота оставались круглый год возле пашни, хранили снятый урожай в ямах—оро. Киргизы-кочевники, которые получали немного зерна, возили его на вьюках с собой. Оро обычно копались у зимовки—кыштоо, для этой цели подыскивали возвышенное место, с которого легко стекают снеговые и дождевые воды. Оро копали разных размеров, в зависимости от урожая, но в среднем не превышая 1,2 метров глубины и 60—80 *см* ширины. Оро имели кувшинообразную форму, горло и дно были одинакового размера, а середина расширялась. Свежевырытое оро обжигали соломой, чтобы просушить. После этого еще раз выравнивали стены и дно. Затем клали слой соломы и заполняли оро зерном. Сверху зерна стлали толстый слой соломы и хвороста, затем засыпали землей, сильно утрамбовывая ее ногами, чтобы не просачивалась вода.

Перед вскрытием оро полагалось устраивать маленький праздник, на который приглашались соседи и родственники. Одно оро могло служить несколько лет подряд. Каждый год перед засыпкой его обязательно просушивали на солнце или обжигали и выравнивали. Если обнаруживали мышиные норы, их заделывали колючками.

Средние по достатку крестьяне-земледельцы, которые после уборки хлеба уезжали на летовки в горы, рыли оро вблизи жилища бедняка, жившего оседло. Все земледельцы, принадлежащие к роду или аилу, выкопав в одном месте 10—15 оро, поручали остающемуся бедняку быть „оро башы" (главой ям). Этот оро башы, за определенное вознаграждение, обеспечивал целость и сохранность ям—оро. Од-

нако оро все же не обеспечивали содержание зерна в сухом виде, оно сырело, принимало зеленоватый оттенок и хлеб потом имел горьковатый вкус. Кроме того, оро были доступны всяким грызунам, которые приносили большой ущерб запасам зерна.

С постепенным переходом части киргизов на оседлость и с развитием земледелия киргизы стали заменять, под влиянием русского населения, старый способ хранения зерна в оро новым—хранением в амбарах-зернохранилищах с закромами, которые стали называть „камбар". Русские переселенцы обычно строили деревянные амбары, а киргизы—из сырцового кирпича или просто глинобитные (сокмо).

Стены камбара имели толщину до 50 *см* и стояли на высоком фундаменте из камня. Крыша была общая с другими хозяйственными постройками, жилыми помещениями, иногда камбары строились отдельно от других построек. Такие хранилища всегда имели двухскатную крышу. Крыша покрывалась жердями, на них накладывался толстый слой хвороста, который засыпался землей и сверху смазывался глиной.

Внутри камбар разделялся на несколько закромов: большие, средние и малые. Пол в большинстве случаев был деревянный, но встречались и земляные полы, аккуратно смазанные толстым слоем глины. В камбаре было всегда сухо и чисто. Таким образом, камбар, проникнув в хозяйственный быт киргизов, занял в нем прочное место, ибо его преимущество перед оро подтвердилось на практике.

Киргизы мололи зерно примитивными орудиями: каменными жерновами—жаргылчак и в ступе—соку. Ручная мельница (жаргылчак) состояла из двух грубо обработанных жерновов, положенных один на другой. На нижнем жернове в середине укреплен деревянный стержень (с развитием кузнечества—железный). В центре верхнего жернова сделано небольшое сквозное отверстие, диаметр которого больше, чем диаметр стержня нижнего жернова для того, чтобы при перемалывании через это отверстие зерно свободно могло попасть под жернов.

Верхний жернов надевался на стержень нижнего. Приблизительно в 8—12 *см* от отверстия верхнего жернова выдалбливалась неглубокая ямочка для того, чтобы укрепить деревянную ручку (тутка), при помощи которой приводился в движение верхний жернов. Верхний жернов делался гораздо больше и тяжелее нижнего для того, чтобы он своей тяжестью легко мог размельчать зерно.

Жернова жаргылчака изготовлялись из камня и имели форму плоского круга, диаметром около 40 *см* и толщиной 8—10 *см*. При помоле под жаргылчак подкладывали кожаную подстилку (супра). Зерно насыпалось одной рукой в воронку верхнего жернова и по мере вращения его размалывалось на муку и талкан. Мука через края жернова ссыпалась непосредственно на супру. После окончания помола снимали верхний жернов и рукой стряхивали оставшуюся муку.

Мололи не только на жаргылчаке, но и толкли зерно в ступе—соку. Соку делали из обрубка ивы, тала или тополя. Они имели высоту 50—60 *см* и в диаметре 30 *см*. Ниже середины соку делали ножку—подставку, как у вазы, для того, чтобы при перекочевке ее удобно было класть на вьюк. С верхней стороны ступы выдалбливали чашеобразное углубление диаметром в 20—25 *см*.

Принадлежностью соку являлся круглый деревянный пест (сокбилек) длиною 160—170 *см*. Нижний конец его был несколько тонь-

ше и больше округлен. В верхней части сокбилека делали отверстие, чтобы удобнее было держать. Назначение ступы было довольно разнообразным: в ней толкли просо, ячмень, очищали зерна овса от оболочки. Для толчения в ступу насыпали 1—2 *кг* зерна и затем, взяв обеими руками пест и пропустив пальцы в отверстие, поднимали его прямо перед собой и с силой опускали в ступу. Толчение в ступе входило в обязанность женщин и детей.

Рис. 8
Ступа с пестом—соку и сокбилек

Водяные мельницы очень примитивной конструкции существовали у киргизов издавна. Нижний жернов мельницы укреплялся неподвижно. На нем лежал другой жернов с деревянным стержнем диаметром 10 *см*, выходившим через отверстие нижнего жернова. К стержню прикреплялось горизонтально несколько лопастей, на которые через выдолбленный в дереве желоб падала вода, приводившая в движение мельницу.

Киргизские мельницы не работали зимой, когда, даже при небольшом морозе, вода замерзала. Так, из 25 мукомольных мельниц[1] „...с декабря месяца 1869 года работали в целом Иссык-Кульском уезде только две мельницы, остальные все замерзали".[2]

Киргизские мельницы были не только мало продуктивными, но имели и другие недостатки. Жернова были маленькие—70—80 *см* в диаметре, их на вьюках привозили из Кашгара и Кульджи, так как киргизы далеко не везде сами изготовляли их. Делались жернова из мягкого камня, поэтому размол получался крупным и с большой примесью песка.

Киргизские мельницы не могли обеспечить потребность населения в муке, особенно после увеличения запашек. Старые киргизские мельницы как малопродуктивные и нерентабельные были вытеснены более совершенной и производительной русской мельницей. Русские строили на местах своих поселений мельницы и даже нашли камни в местности Курменты, пригодные для выделки жерновов[3]. Киргизы

---

[1] Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. Зап. Импер. географ. об-ва по общей географии, т. 5, СПб., 1875, стр. 387.

[2] Газета «Туркестанские ведомости», 1872, №№ 42, 44, 45.

[3] Там же.

научились от русских строительству более усовершенствованных мельниц и изготовлению жерновов.

У киргизов существовал земледельческий культ Баба Дыйкана. Обряд (чечкор) в честь Баба Дыйкана совершался после провеивания зерна. Вечером земледелец резал козу или барана, созывал гостей и угощал их. Кровью животного мазали столб, стоящий посередине тока, метелку, лопатку и обрызгивали чистое зерно. При обрызгивании инвентаря и зерна земледелец говорил: „Баба Дыйкан, помоги, чтобы хлеба за ночь больше стало". Бан и манапы, отдавая неплодородные земли беднякам-сородичам, всегда ссылались на Баба Дыйкана и говорили, что он даст хороший урожай, надо только терпеливо просить его и сделать хороший чечкор. Бан и манапы всегда приглашались на чечкор.

В связи с развитием земледелия у киргизов возникли новые формы эксплуатации в этой области хозяйства. Одним из видов эксплуатации бедных сородичей со стороны „старшего брата" — манапа и бая был распространенный в то время ашар — помощь. Манап или бай во время уборки урожая и молотьбы приглашал на помощь сородичей, которые бесплатно выполняли всю необходимую работу, получая лишь угощение хозяина. Угощение их мясом и другими продуктами обходилось манапу или баю, конечно, несравненно дешевле, чем наем рабочих.

Распространенным видом эксплуатации был „орток" — испольщина, в результате которого байско-феодальная верхушка получала львиную долю урожая. Бедный сородич, взяв у манапа или бая участок земли, рабочий скот, инвентарь и семена, должен был засеять и обработать землю, собрать урожай и получить на свою долю только пятую часть урожая, а четыре пятых отдать богачу-манапу. Все эти формы эксплуатации прикрывались формами родовой помощи.

Появление в области русских и общение с ними трудящихся киргизов сыграло прогрессивную роль в развитии культуры киргизов вообще, земледелия — в частности. Как уже сказано, техническое оснащение киргизского земледелия находилось в зачаточном состоянии. Территория Иссык-Кульской области сплошь использовалась под пастбища скота и только в отдельных равнинных и горных местах встречались небольшие участки под посевами. Крестьян, занимавшихся земледелием, было немного.

В связи с развитием земледелия у киргизов уменьшились площади для пастьбы скота. К тому же трудовое население пришло к выводу, что скотоводство без заготовок кормов на зиму — это ненадежный способ ведения хозяйства, так как периодически джуты уносили громадное количество скота. Эта назревшая для киргизов необходимость изменить жизнь находится в тесной связи с появлением в крае русских крестьян, пример и опыт которых чрезвычайно ускорили переход кочевников к земледельческому быту.[1]

В результате постепенного развития и усовершенствования, сельское хозяйство киргизов в местах их оседлости весьма приблизилось к русскому. Переход от примитивного способа возделывания земель к более совершенному был осуществлен в результате применения

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910, стр. 338.

киргизами орудий, заимствованных у русских. „Железные плуги, даже двухлемешные, а также веялки, сенокосилки и жатки вообще получают среди киргизов широкое распространение".[1] Кроме того, правильное применение системы посевов, очистка посевов от сорняков и т. д. также не могли не сказаться положительно на прогрессе киргизского земледелия. Ранее существовавшая ирригационная сеть регулярно ремонтировалась и расширялась, создавались новые оросительные системы. За всеми ирригационными системами, за их технической исправностью и за правильным использованием воды наблюдали русские гидротехники.

Заимствование киргизами опыта земледельческого труда русских крестьян шло различными путями, в том числе и через батрачество, о чем в свое время говорилось в официальных русских изданиях дореволюционного периода. „Быстрому ознакомлению киргизов с русскими земледельческими орудиями и работами, — читаем мы в одном из обзоров, — немало способствует то обстоятельство, что у большинства русских имеется по одному или несколько работников-киргизов, которые на деле знакомятся с приемами русских пахарей"[2].

Киргизское земледелие с приходом русских обогатилось передовой для того времени сельскохозяйственной техникой (плуг, некоторые уборочные машины, веялки и др.).

Таким образом, киргизское земледелие уже до Великой Октябрьской социалистической революции росло под благотворным влиянием более прогрессивной и высокой русской народной культуры.

Скотоводство

Основной отраслью занятий в киргизском хозяйстве, как уже отмечалось, являлось скотоводство, которое до настоящего времени сохранило большое народнохозяйственное значение.

Животноводство, которым с древних времен занимались киргизы, носило экстенсивный характер и базировалось на использовании в течение круглого года богатых естественных пастбищ Прииссыккулья. Киргизы разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз, верблюдов и частично яков (топозов). Киргизский скот был малопродуктивен, но нетребователен к уходу и содержанию и в то же время обеспечивал потребности домашнего хозяйства, давая одежду, пищу, материал для жилища, посуды и топливо. В различные периоды своей истории киргизы предпочитали разводить те виды домашних животных, в которых в данной конкретной исторической обстановке ощущалась большая необходимость. В период межродовых войн и далеких набегов на другие племена и в период войн против иноземных захватчиков киргизы старались выращивать, главным образом, лошадей и верблюдов, т. к. они более приспособлены для быстрых передвижений и не требуют за собой большого ухода. На них в любое время года можно было совершать далекие набеги на врагов или укрываться от преследования последних в недоступных местах. Эти войны, разумеется, особенно пагубно влияли на хозяйство бедняков, разрушая их основательно, да и самих бедняков часто угоняли в рабство.

---

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910 г., стр. 339.

[2] Обзор Семиреченской области за 1895 г., г. Верный, 1896, стр. 18.

Состояние скотоводства по отдельным видам скота у племени Бугу можно проследить по материалам следующей таблицы.[1]

№№ п.п.	Наименование волостей	Число душ	Наличие скота			
			верблюдов	лошадей	крупн. рогат. скота	овец
1.	Кунгей-Аксуйская	4680	562	10786	1303	24049
2.	Джуку-Барскоунская	6415	619	9258	2012	36864
3.	Турген-Аксуйская	6742	673	11176	2589	38599
4.	Кенсуйская	7044	717	18315	2441	25240
5.	Карой-Саройская	4999	515	8685	1554	27240
6.	Конуролен-Алабашская	7027	891	11698	2220	45703
7.	Торуайгырская	3066	417	4250	893	23742

Когда с принятием русского подданства и с приходом русского населения прекратились междоусобные войны родов, а кокандские захватчики были изгнаны, в Иссык-Куле, наконец, водворились долгожданный мир и спокойствие. У киргизов к тому времени значительно сократилась численность конских табунов, уступив место стадам овец и крупному рогатому скоту, дающему большие выгоды.

Киргизы-кочевники в поисках травы и воды для скота постоянно меняли зимние и летние пастбища. Выпас скота на подножном корму требовал больших территорий и носил сезонный характер, поэтому кочевка проводилась по установившемуся веками циклу. Киргизы летом кочевали с прибрежных равнин высоко в горы на высоту 3—3,5 тысячи метров над уровнем моря, где были богатые альпийские и субальпийские луга и где скот спасался от жары, комаров, оводов и слепней. А. Г. Серебренников следующим образом характеризует летние кочевья памирских киргизов: „Зимуя в долинах рек и котловинах озер, они (т. е. киргизы—М. А.) уходят на лето со своими стадами в ущелья гор и кочуют на высоте 14000—15000 футов над уровнем моря, где всегда имеется прекрасный корм и где нет комаров, оводов, слепней, насекомых, от которых сильно страдает скот в долинах рек и болотистых лугах“[2].

То же самое наблюдалось и в Прииссыккулье. Каждый род племени Бугу имел свою территорию для выпаса скота летом, весною и зимою. Время кочевки и порядок ее зависели от местности, климатических и бытовых условий. Весной, как только начиналась оттепель, киргизы уже приготовлялись к выходу из зимних жилищ. Домашняя утварь, кошмы, паласы свертывались в тюки, а деревянные части юрты связывались веревками и навьючивались на верблюдов, быков, лошадей. После долгой зимней стоянки киргизы откочевывали в марте со стадами на другое место, недалеко от зимовки, в предгорья—бөксө, для того, чтобы дать возможность появиться молодняку в более или менее благоприятных условиях. В конце апреля, когда заканчивался расплод и молодняк набирал достаточно сил, киргизы пе-

[1] Материалы для статистики Туркестанского края. Сведения о числе кочевого населения в Семиреченской области за 1870—1871 гг., СПб., 1874, вып. 3.

[2] Серебренников А. Г. «Памир» (краткий очерк). Ежегодник Ферганской области, т. I, 1902 г.

рекочевывали выше на джайлоо—высокогорные летние пастбища. Скот отправлялся из аила несколько раньше, особенно овцы, так как эти животные идут медленно и гнать их довольно трудно. Крупный рогатый скот и табуны лошадей перекочевывали вместе с аилом.

Выход на летние пастбища у киргизов был особенно радостным праздником, который сопровождался всевозможными играми, песнями, тоями. Люди одевали лучшие одежды, выбирали самых хороших лошадей, украшали их попонами и чепраками. К головам животных привязывали совиные перья, вьючных верблюдов украшали красными узорными покрывалами, а на шею им привязывали колокольчики. „Впереди, верхом на лошади, ехала обычно девушка или женщина, державшая в руках повод навьюченного верблюда или лошади, за ними остальные женщины с маленькими детьми, грудных детей везли в колыбели, поставленной перед собой на седло".[1]

Летовки киргизов, как уже было сказано, имели определенную территорию у каждого рода. Например, род Кыдык кочевал по южному берегу озера Иссык-Куль, затем переходил на сырты Болгарта (в настоящее время территория Тонского района); роды Бапа, Желден и Саруу кочевали в предгорьях и на сыртах Покровского района. Род Арык Тукум летовал на Каркаре и Текесе, а зимовал вблизи озера Иссык-Куль. Иссык-Кульские Саяки летовали на близлежащих горах Кунгей и Терскей Ала-Тоо. Летовки начинались с мая и кончались в конце сентября. В сентябре киргизы возвращались с сыртов

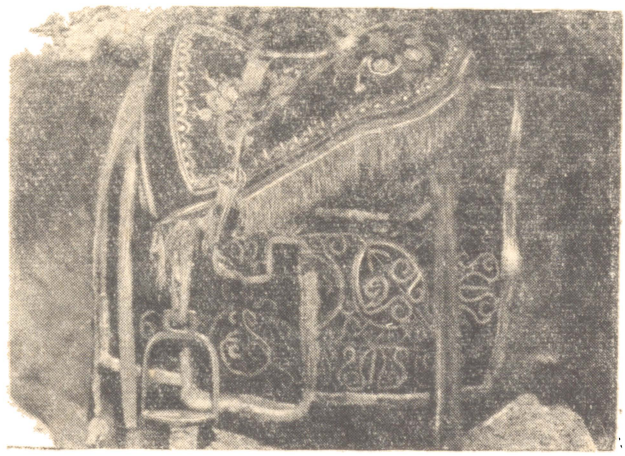


Рис. 9. Праздничная сбруя к женскому седлу.

и останавливались в предгорьях, где стригли овец, а если были запаханные участки земли, то убирали хлеб, молотили, веяли. В ноябре киргизы поселялись окончательно на зиму в своих кыштоо—зимовках. На зимовке оставляли крупный рогатый скот, овец и лошадей, предназначенных для езды; для убоя (согум) отбирались также старые лошади и те, которые не могли выдержать зимы. Всех остальных лошадей угоняли на отгонные пастбища в урочище Текес и на

[1] С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946, стр. 27.

Рис. 10. Летняя перекочевка на джайлоо.

сырты, где они зимовали, пользуясь превосходным подножным кормом, так как там не бывало больших снегов. Зажиточные киргизы, имевшие большие отары овец, содержали их и в зимнее время на отгонных пастбищах.

Зимовья киргизов представляли собой маленькие загоны—короо, около 50—75 *м* диаметром. Вокруг короо на разных местах на расстоянии нескольких метров стояли юрты зимовщиков.

Короо строились из камня вышиной в 1—1,5 метра; чырпык короо плелись из веток жырганака, барбариса и др., и очень редко на равнинах строили глинобитные стены—таш короо. Загородки делались для защиты скота от снежных заносов, а также для того, чтобы во время нападения хищных зверей скот не мог разбежаться. Кроме этой загородки, на зимовке не существовало никаких построек, только иногда (в редких случаях) для защиты ягнят от мороза и снежных буранов киргизы выкапывали ямы, где животные согревались, прижавшись друг к другу. Дно этих ям застилали соломой, а верх покрывали жердями, затем хворостом, шкурами и всяким тряпьем.[1] Молодняк—телят и жеребят—держали в юрте, где помещались сами хозяева.

Постепенно киргизы научились строить помещения для содержания больных животных и молодняка. Стены этих помещений возводились из камней, глины или дерна, покрывались они жердями, а

[1] Для защиты ягнят от мороза алтайцы выкапывали ямы. См. Потапов Л. П. Очерк по истории алтайцев, М.—Л., 1953 г.,

затем хворостом, соломой или травой. Для лошадей, оставленных на зимовках и предназначенных для езды, строили крытые загоны. Как помещения, так и крытые загоны киргизы переняли от русских крестьян, однако строили их далеко не все киргизы.

Рис. 11. Чырпык короо—плетеная загородка.

Рис. 12. Таш короо—каменная загородка.

Корма для животных на зиму в старину обычно не заготавливали, надеясь на теплую зиму. К тому же у киргизов не было нужных орудий для заготовки больших запасов сена. Иногда, особенно если бакши и муллы предсказывали долгую и холодную зиму, баи и манапы заставляли своих бедных сородичей резать мангелом траву. Так заготовлялось небольшое количество сена, которым баи и манапы кормили только верховых лошадей, больных животных и молодняк. Остальных животных—овец, крупный рогатый скот, верблюдов—пасли зимой на солнечных склонах гор. На этих склонах снега выпадает мало, обычно держится он недолго и поэтому трава доступна для животных. В результате отсутствия заготовленных кормов страшным бичом для киргизского животноводства был джут. Многоснежная зима, затянувшаяся холодная весна или ранняя весенняя оттепель, после которой наступала гололедица, уносили истощенных животных сотнями и тысячами.

В 1912 году, например, в результате джута только в одном Пржевальском уезде пало лошадей—7843, крупного рогатого скота—3913 голов, верблюдов—307, овец и коз—87653 головы.[1]

Русские крестьяне в Иссык-Кульской котловине заготавливали сено и пользовались для этого косой-литовкой, поэтому скот у русского населения зимовал благополучно.[2] Это обстоятельство не могло укрыться от внимания киргизов, и они также стали запасать сено. Какие размеры приняло сенокошение к концу XIX в., можно видеть из одного отчета, в котором говорится, что пример русских „побудил их (киргизов—М. А.) устраивать загоны для скота и делать запасы сена. Так, в Пржевальском уезде в отчетном году (т. е. 1894—М. А.) киргизами было заготовлено сена до 524.000 пудов."[3]

Преимущество косы-литовки перед первобытным мангелом было очевидным, поэтому она быстро распространилась среди киргизов. Последние стали покупать косы или выменивать их у русских крестьян или торговцев на овец. Косой-литовкой киргизы стали заготовлять сено не только для верховых лошадей и больных животных, но и для крупного рогатого скота и овец, число которых, по мере возрастания влияния русских крестьян на хозяйственную жизнь киргизов, стало увеличиваться за счет уменьшения разведения лошадей. Производительность косы-литовки была довольно высокая, ею киргиз иногда выкашивал до 1 *га* в день.

Запасы кормов для скота, таким образом, стали увеличиваться. Джут стал уже не так страшен, как раньше. В 1913 году киргизы Пржевальского уезда заготовили луговых трав 41777 копен, горных трав—221437 копен, степной травы—91802 копны, залежной—162640 копен, сазных и луговых трав—132756 копен, поливных трав—1012154 копны, прочих трав—10889 копен, люцерны собрано 720400 снопов.[4] Эти цифры показывают, какое большое количество сена могли заготовить киргизы, применяя косу-литовку.

О перенятии киргизами от русских крестьян способов заготовки кормов для своего скота Масальский писал:

---

[1] Обзор Семиреченской области за 1912 г., Верный, 1913 г., стр. 51.
[2] Там же, стр. 52.
[3] Обзор Семиреченской обл. за 1894 г., Верный, 1895, стр. 19.
[4] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII, вып. 1, Петр., 1916 г стр. 451—452.

„До сравнительно недавнего времени заготовка корма для лошадей и скота была совершенно неизвестна в степи, ныне же, с постепенным оседанием киргизов, обычай и умение заготовлять кое-какие запасы корма на зиму становятся почти повсеместными".[1] Скошенные травы киргизы оставляли на поле, время от времени переворачивая, чтобы они лучше высыхали. Затем сгребали сено граблями (тырмок) и складывали в копны. Копны свозили и укладывали в стога. Вокруг стога вырывали канаву и загораживали его жырганаком (облепихой) для того, чтобы уберечь от потравы. Всему этому киргизы научились у русских поселенцев.

Семиреченская газета отмечала в 1914 году: „Киргизы тоже работают усердно на полях. Причем следует отметить заметную новость в их хозяйстве. Многие киргизы принялись за заготовку сена, копны которого покрывали многие уголки. Есть примеры, что киргизы для покосов брали у крестьян даже сенокосилки".[2]

Заготовка кормов для скота с применением косы-литовки и сенокосилки, распространившихся и среди киргизов-кочевников, безусловно, была прогрессивным явлением и способствовала улучшению жизни киргизов. Однако нужно отметить, что в предреволюционные годы коса-литовка и, тем более, сенокосилка были недоступны бедноте. Пользуясь этим, баи и манапы давали косу своим бедным сородичам на особых условиях: из 30 копен, скошенных бедным сородичем, он получал 5 копен, а остальные 25 доставались богатому сородичу—хозяину косы-литовки.[3]

Трудовое население стало брать в долг или покупать косы у русских, которые продавали их по себестоимости. Но кроме русских, косой-литовкой втридорога снабжали киргизов спекулянты из татар. Баи и манапы быстро договаривались с татарами-спекулянтами, чтобы совместно обирать киргизскую бедноту.

Прогресс в скотоводстве киргизов, несмотря на положительное влияние опыта русского крестьянства, весьма тормозился эксплуатацией манапами и баями рядовых кочевников и бедноты. После окончательной потери скота бедняк расценивал землю, как единственную кормилицу. Но были и такие бедняки, которые смотрели на земледелие, как на недостойное занятие. Они уходили на летовки со своими богатыми сородичами в качестве их работников. В этом отношении к киргизам можно применить характеристику, данную Л. П. Потаповым при изучении им алатайцев: „Закрепощение сородича или соплеменника под видом родственной помощи, благодеяния, призрения сироты, покровительства и т. п. составляло существенную особенность эксплуатации. Вот почему при живучести родовых воззрений, закрепощенный, особенно сородич, считал своего владельца „благодетелем" (у алтайцев), „старшим братом" (у киргизов)[4] и т. д.

Наиболее распространенной и отвечающей условиям кочевого скотоводческого хозяйства формой эксплуатации обедневших сородичей был „саан". Так называлась раздача овец и коз, которых манап

---

[1] Россия. Полное географическое описание. Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1913, стр. 493.

[2] Газета «Семиреченские областные ведомости», № 110, 1914 г.

[3] Полевая запись. Саяков К., 1877 г. рождения, колхозник колхоза им. Ленина, Шалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

[4] Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. М.—Л., 1948 г., стр. 16.

или бай давал малоскотному или бесскотному киргизу, предоставляя ему право пользоваться молоком или шерстью с полученного скота Получивший „саан" попадал в кабальную зависимость от своего „благодетеля-брата" и выполнял на него различные работы. „Саан" давал манапам и баям бесплатных пастухов, позволял держать в кабальной зависимости массы обедневших общинников. Бедняк, получивший „саан", вынужден был со всей своей семьей работать на хозяина скота. Таким образом, „саан" являлся средством, пользуясь которым манапы и баи вынуждали бедноту к выполнению различных отработок. Кроме того, получивший „саан" обязан был поддерживать хозяина во время выборов аильных старших и волостных управителей, когда между манапами разгоралась ожесточенная борьба.

Обычным видом кабалы были также „көч" и „күч". Безлошадный киргиз, чтобы выйти на кочёвку, вынужден был обращаться за помощью к манапу или баю, который давал лошадь, верблюда (көч) или вообще скот для нужд хозяйства (күч) на условиях отработки. Кроме того, за пользование пастбищем манапы взимали всевозможные сборы. Наиболее распространенными были „чөп ооз"—побор за траву и „союш"—скот на угощение манапов или приезжавшего начальства царского административного аппарата. Часто взимались поборы за прогон скота через мост—„туяк пул"—„копытная" подать и даже через земельную территорию той или иной общины. Подобного рода эксплуататорские отношения, разумеется, отрицательно сказывались на развитии скотоводства у значительной части киргизов.

С присоединением Киргизии к России торговля скотом и продуктами животноводства стала быстро развиваться. Торговые отношения между двумя народами содействовали их сближению. Если раньше торговля скотом носила обычно меновой характер, то теперь киргиз получал за скот русские деньги. Это повело к улучшению экономики и быта киргизского населения. Насколько развивалась торговля скотом, можно судить по следующим цифрам: в 1870 году, к моменту прибытия русских в край, киргизами Иссык-Кульского уезда было продано 54111 овец и 70 лошадей,[1] а в 1912 году, в результате развития торговли и тесных экономических взаимоотношений с русскими, было продано овец 835215, лошадей—30120, крупного рогатого скота—11680 голов и верблюдов 509.[2] Эти цифры говорят сами за себя.

Овцеводству принадлежала важная роль в животноводстве, и киргизы стремились увеличить количество овец. Они разводили киргизскую грубошерстную курдючную овцу, обеспечивающую скромные потребности домашнего хозяйства. На овцеводстве, в основном, держалось все благосостояние киргизов. Из шкур овец приготовляли шубы, обувь, шили брюки. Шерсть шла на изготовление местных грубошерстных тканей, ковров, кошмы, мешков, переметных сумок, арканов и др. Баранина после мяса годовалого жеребенка считалась самой лучшей пищей, из нее приготовлялись лучшие блюда киргизской кухни.

Метод выращивания овец определялся условиями пастбищного содержания их. Киргизы принимали меры к тому, чтобы молодняк у овец рождался весною—в конце марта и апреле. Вследствие этого случка допускалась только в октябре и ноябре. Окот происходил с

[1] Газета „Туркестанские ведомости" № 15, 1870 г.
[2] Обзор Семиреченской области за 1912 г. Верный, 1913, стр. 52.

Рис. 13. Овцы на летних пастбищах.

середины весны, когда стада выходили из зимовки на весенние пастбища—көктөө.

Чтобы предупредить появление ягнят в другое время года, „киргизы подвязывали под живот самцов войлочные фартуки (бельдик—М. А.)“[1]. Весенний окот позволял, во-первых, обходиться без теплых помещений для ягнят, во-вторых, родившиеся весною ягнята быстро росли на сочной свежей траве и к зиме становились уже крепкими, легче переносили зимние холода и бескормицу. Ягнята паслись с матками не больше двух недель, после чего отделялись и паслись отдельно, недалеко от стоянки. В течение дня овец 1—2 раза пригоняли для доения. Первые полтора месяца овец доили два раза в день, в полдень и вечером. Затем овец доили один раз в день и в августе прекращали доение, чтобы к зиме они набрали жиру. Овечье молоко считалось у киргизов самым питательным, жира в нем больше, чем в коровьем и козьем. Из молока делали курут (твердый сыр), айран (катык), сметану и масло, а также пили молоко в кипяченом виде. По мере увеличения в рядовом хозяйстве удельного веса крупного рогатого скота коровье молоко стало вытеснять овечье.

В конце сентября киргизы возвращались в предгорья, где начинали осеннюю стрижку овец. Осенняя шерсть овцы более высокого качества, чем весенняя—жабагы. С перекочевкой на зимовку отбирали на согум (на убой) тех молодых и старых овец, которые не мог-

[1] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 11.

ли вынести суровую зиму. Овец зимою пасли на южных склонах гор, где обычно мало держится снег. В снежные зимы киргизы, чтобы спасти овец от падежа, на пастбища сперва пускали лошадей, затем крупный рогатый скот, а после—выгоняли овец.

Полнейшее отсутствие ветеринарного обслуживания вело к массовой гибели скота от эпизоотических болезней. Наиболее распространенными болезнями были чума, дизентерия, ящур, бешенство, вертячка, копытянка, чесотка, тиф и глисты. Все эти болезни овец киргизы лечили народными средствами.

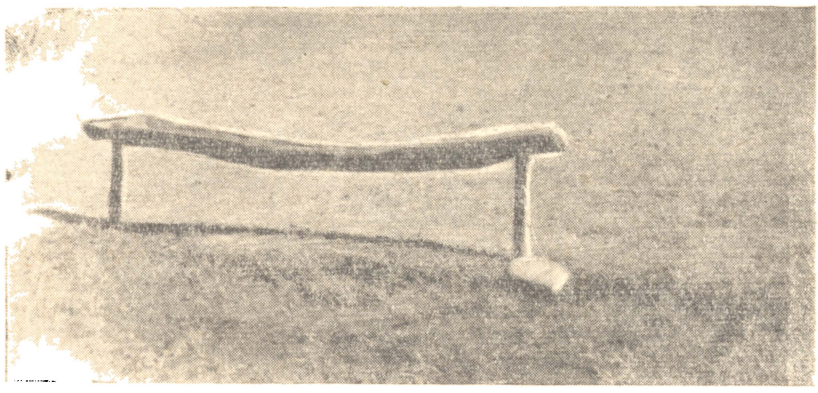


Рис. 14. Деревянное приспособление для кормления скота солью.

В течение нескольких веков в овцеводстве у киргизов не было прогресса, местная грубошерстная курдючная овца не подвергалась никакому улучшению. С присоединением к России и появлением русских крестьян в Иссык-Кульской области положение изменилось. В области расселения киргизов появились русские овцеводы со своими стадами с Северного Кавказа и Крыма, из Южной части России и Поволжья.

Первые попытки к улучшению овцеводства были сделаны русскими крестьянами-новоселами. Они привезли с собой из России овец с более тонкой шерстью, но скрещивание последних с киргизскими овцами не дало положительных результатов. Такое скрещивание, случайное и в малом количестве, не могло в короткий срок изменить качества огромных отар киргизских овец. Попытки русских предпринимателей улучшить киргизскую овцу в результате скрещивания с кашгарской тонкорунной и бухарской каракульской породой также не имели успеха по той же причине.[1]

Однако привезенные предприимчивыми русскими овцеводами тонкорунные овцы акклиматизировались и давали прекрасную шерсть. „В окрестностях Пржевальска один овцевод купил 120 десятин полезной земли и здесь круглый год с большим успехом держит шпанок",—отмечалось в 1911 году.[2] Примеру этих овцеводов следовали и другие крестьяне, заводившие тонкорунных овец. Количество владельцев небольших отар (в несколько десятков) овец типа шпанок

[1] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 12.
[2] Газета „Семиреченские областные ведомости" за 1911 г., № 25.

мазаевского завода в Прииссыккулье с каждым годом увеличивалось. В 1912 году в окрестностях озера имелось уже более 20 мелких овцеводов[1], которые держали тонкорунных овец летом на подножном корму, а зимой подкармливали их сеном. Качество шерсти этих тонкорунных овец нисколько не уступало качеству шерсти северокавказских и южно-русских шпанок. Киргизы видели, каких овец завезли русские, и отмечали преимущество русских овец перед своими. Восхищаясь шерстью тонкорунных овец, „похожей на шелк", киргизы приобретали овец у русских крестьян за деньги или брали в качестве платы за выпас и содержание скота. Разумеется, беднота не могла улучшить породы киргизских овец. Но некоторые баи видели в разведении тонкорунных овец источник дохода и находили выгодным это. Другие же из них не верили в превосходство тонкорунных овец над киргизскими, отмахивались от них, сохраняя верность породам овец, оставшимся от „отца и деда".

Нововведение в хозяйстве для киргизских баев, как правило, все-таки было чуждо, и поэтому они не только сами отстранялись от всего нового, прогрессивного, но даже угрожали своим сородичам, пытавшимся заимствовать улучшенные методы хозяйства от русских. Несмотря на препятствия со стороны баев, породы тонкорунных и мериносовых овец медленно, но все же стали проникать в скотоводческое хозяйство киргизов.

Следует отметить, что в киргизском хозяйстве имело большое значение и разведение коз. Специально разведением коз киргизы

Рис. 15. Доение коз.

[1] Газета „Туркестанские ведомости" за 1912 г. № 147.

обычно не занимались, они имелись в составе каждой отары и пас лись вместе с овцами. Козы облегчали пастуху его труд, ибо они всегда были вожаками овец, без них овцы не переходили речек, топких мест и т. п. Козы давали также киргизам мясо, шерсть, молоко, кожу и ценный пух.

Бедняки-киргизы содержали коз вследствие их неприхотливости к корму, к тому же они приносили всегда двойняшек, притом 2 или 3 раза в год. Молока козы дают много и доятся в день 3—4 раза. Некоторые козы давали молока больше, чем отдельные местные киргизские коровы. Зная эти рентабельные стороны козоводства, киргизская беднота всегда держала коз. Заметную роль в улучшении породы коз сыграло то обстоятельство, что русские завезли, наряду с тонкорунными овцами, ангорских и придонских коз. Эти козы хорошо освоились в местных условиях и давали хороший приплод. Скрещивание придонских с местными киргизскими козами дало положительные результаты. Метисы были более крепкими и продуктивными. Значительным достоинством их являлось и то, что они дают ценный пух.

Важной отраслью киргизского скотоводства было коневодство. Киргизская лошадь в силу естественно-исторических условий приучена к верховой езде. Лошадьми киргизы гордились. У богатых нередко число лошадей достигало 500—1000 голов. Они содержали их табунами, каждый табун распределялся на несколько косяков. В каждом косяке имелись жеребец и от 15 до 30 кобылиц с жеребятами. Табуны лошадей круглый год содержались на подножном корму, и „только беднейшие, имеющие самое ограниченное число скота, заготовляют сено для прокормления в течение зимы тех лошадей, на которых ездят".[1]

От правильного использования подножного корма зависело благополучие табуна. Киргизы подножный корм делили на весенний, летний, осенний и зимний.

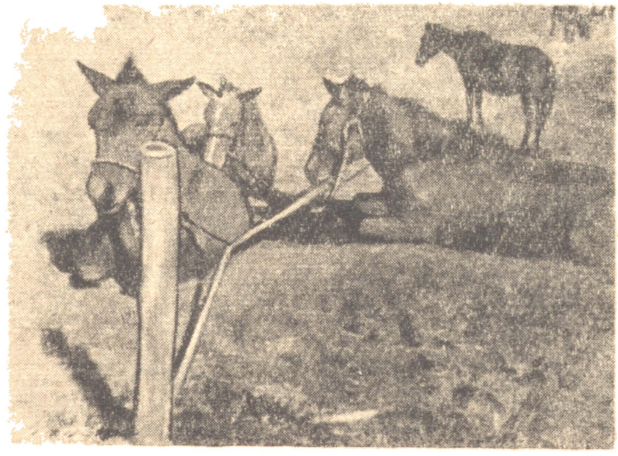


Рис. 16. Способ привязывания жеребят (желе).

[1] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 13.

Весною пригоняли лошадей с зимних пастбищ к зимовке, а затем выезжали на предгорья, где жеребились кобылицы. В течение весенних месяцев, совершая маленькие перекочевки (4—5 *км*), по мере стравливания и вытаптывания пастбищ, киргизы давали возможность жеребятам вместе со своими матками питаться хорошей травой. Отсутствие жары, мух, комаров позволяло пасти табуны круглые сутки, лошади быстро поправлялись и линяли. Жеребята оставались с матками не более 25 дней, после чего их отнимали и привязывали к натянутому аркану—желе. Кобылу киргизы доили по нескольку раз в день, через каждые 1,5 часа. Перед доением к матке на несколько минут подпускали жеребят.

Рис. 17. Доение кобылиц.

Каждый удой кобылицы давал около 400—500 граммов молока, из которого киргизы делали кумыс. Жеребята целый день были на привязи, а с вечера до утра находились вместе с матками. Кобылицы доились до сентября месяца. С сентября жеребят выпускали на нагул, чтобы к зиме они могли набрать жир. Рано отнятые от маток и поздно выпущенные на свободный нагул жеребята плохо развивались, даже гибли зимой.

На летовку киргизы переходили, как только горные перевалы освобождались от снегов. На высокогорных субальпийских лугах лошади быстро набирали силы и жир. Этот период являлся единственным, когда животные бывали обеспечены кормом, наедаясь сочной травой, а люди освобождались от забот.

В сентябре возвращались с летовки и останавливались в предгорьях. В это время обычно производили выбраковку лошадей. Сла-

бых лошадей оставляли на зимовке, подкармливали сеном. Старые и больные шли на убой. Всех лошадей выпасали на зимних пастбищах в урочищах Сырта и Текеса. Этот период являлся самым ответственным, ибо от успешного проведения тебеневки зависела в значительной степени сохранность табуна.

Даже при суровых климатических условиях, постоянном недоедании, ранней приучке к работе киргизская лошадь отличалась большой выносливостью, хотя была неказиста на вид. Киргизская лошадь имела маленький рост, короткие крепкие ноги, большую сухую голову и была не очень требовательна к корму. Она могла в течение суток ничем не питаться и без отдыха, неподкованная, преодолевать несколько сот километров по труднодоступным горам. „Киргизы никогда не куют своих лошадей",[1] если лошадь так набивала копыта, что не могла ходить, то на ее копыта надевали сшитый из кошмы мешочек[2] или следующим способом лечили копыта. На сильном огне раскаляли несколько камней величиной в чайную пиалку, затем лошадь валили на землю возле костра, крепкими арканами связывали ноги и к копытам вплотную ставили раскаленный камень, который постепенно поливали водой, чтобы пар, идущий от камня, размягчал копыта. После того, как мякоть в середине копыта остывала, она затвердевала.[3] Если приходилось перегонять скот через льды, то последние засыпались землей, песком и разным отрепьем, чтобы скот не скользил и не падал.[4]

Киргизы стали подковывать лошадей преимущественно после знакомства с этим способом предохранения копыт лошади у русских крестьян. Технику и методы подковки лошадей киргизы переняли от русских, инструменты и железо они покупали или обменивали у них на овец. Появление русских крестьян среди киргизов способствовало развитию более продуктивного животноводства, в частности, улучшению породы лошадей. Как уже было сказано, киргизская лошадь удовлетворяла скромные потребности киргиза, она использовалась в верховой езде и под вьюк. Мясо и молоко шли в пищу, из кож выделывалась обувь и посуда. Киргизские баи не заботились об улучшении породы лошадей. Они стремились только к увеличению количества поголовья своих лошадей. Слава о баях, владевших многочисленными табунами, шла среди киргизских родов и племен. Иногда богатые киргизы на рынках Андижана приобретали лошадей карабаирской туркменской породы или захватывали их при набегах. Бывали случаи, когда богатые богомольцы-баи, ездившие в Саудовскую Аравию, в г. Мекку, на паломничество, приводили с собою лошадей арабской породы.[5] Помесь этих лошадей отличалась от лошадей киргизской породы. Такие случайные помеси не могли, конечно, вести к серьезному улучшению киргизской породы; они незаметно растворялись в громадной массе киргизских лошадей.

---

[1] Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. 1, Фергана, 1890, стр. 973.

[2] Полевая запись. Чоткараев У., 1881 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

[3] Полевая запись. Садыкбеков А., 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Ак-Булунского сельсовета, Ново-Вознесеновского района.

[4] Там же.

[5] Полевая запись. Чаткараев У., 1881 г. рожд., колхозник сельхозартели им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

Таким образом, начало изменению породы киргизской лошади было положено первыми русскими переселенцами, прибывшими из Центральной и Южной России и Сибири.

От скрещивания киргизских лошадей с сибирскими лошадьми упряжного и верхового типа, а также с рысистыми жеребцами из России постепенно выводился улучшенный тип упряжных и верховых лошадей. От единичных и случайных скрещиваний привозных лошадей с киргизскими породами переселенцы перешли к систематической работе по улучшению местной породы. Так возникли в Иссык-Кульской котловине конные заводы. На западном берегу озера в 1876 году[1] был создан Дмитриевым конный завод (ныне на этом месте построен г. Рыбачье). Он привез несколько производителей-жеребцов вятской породы, чтобы случить их с матками местной киргизской породы. Это и дало положительные результаты. Экземпляры, полученные от скрещивания, были высокого роста, с маленькими головами, стройной шеей, крепкими ногами. Дмитриев, чтобы далее расширить свой завод, выписал из Тюмени двух заводских жеребцов и из Хреновского конного завода—одну матку. Он скрещивал этих жеребцов с матками киргизской лошади, а матку Хреновского завода—с жеребцом местной породы. В результате получились хорошие полукровки, достигающие роста в 2 аршина и 4 вершка.[2]

Начинания Дмитриева привлекли внимание окружающих киргизов, которые стали приводить своих маток на случку. Однако Дмитриеву пришлось закрыть свой завод из-за отсутствия условий, средств и помощи со стороны администрации и невозможности найти сбыт молодняка.

В 1907 году на восточном берегу озера Иссык-Куль, вблизи города Пржевальска, несмотря на материальные трудности, благодаря исключительной энергии Виктора Адамовича Пяновского, был создан конный завод.[3] Цель его состояла в том, чтобы путем постепенного скрещивания лошадей местных пород с чистокровными английскими производителями получать полукровных строевых лошадей. Пяновский обратил внимание на обширные пастбища и благоприятные климатические условия для разведения лошадей в Прииссыккулье.

Иссык-Кульский конный завод, как назвал его Пяновский, первоначально состоял из 1 английского полукровного жеребца, 5 маток (2 чистокровных английских, 2 полукровных и 1 туркменской) и 2 полукровных сосунков. Наличие такого малого количества животных объяснялось отдаленностью завода от крупных городов и железной дороги, что, естественно, затрудняло быстрое пополнение поголовья.

Стремясь разводить чистокровных лошадей, Пяновский вместе с тем высоко ценил качества киргизской лошади, поэтому он держал на заводе несколько местных киргизских маток, от которых выводил горную англо-киргизскую лошадь.[4] Экземпляры от этого скрещивания восприняли от матки неутомимость, силу, а от отца—рост и красоту, стройное гармоническое сложение кавалерийского скакуна.

К 1910 году завод значительно расширился и пополнился привезенными из России чистокровными производителями, и общее число

---

[1] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 121.
[2] Газета «Семиреченские областные ведомости» за 1910 г., № 70.
[3] Газета «Семиреченские областные ведомости за 1910 г., № 71.
[4] Там же.

поголовья достигло 38. Чтобы получить выносливых строевых лошадей, Пяновский с годичного возраста обучал жеребят преодолению препятствий. Иссык-Кульский завод как образец культурного конезаведения оказал большое влияние на окрестные конезаводы.

Кроме конного завода Пяновского, существовала Пржевальская государственная случная конюшня, которая имела свои филиалы в Сазановке, Преображенском, Покровке, Теплоключенке и др. В этих селениях были производители—английские чистокровные скакуны, гунтеры, англо-арабские, арабские Стрелецкого завода, карабаиры и туркменские,[1] которые в одинаковой мере обслуживали русских и киргизских лошадей.

Киргизское население принимало участие в проведении соревнований на ипподроме Пржевальского Скакового общества, где состязались английские скакуны с киргизскими лошадьми. Результаты скачек все более и более убеждали киргизов в превосходстве чистокровных лошадей. Вот тогдашнее описание скачек на Пржевальском ипподроме: „На скачки съехались русские, киргизы, узбеки, дунгане. На скаковой дорожке разъезжали группами участники предстоящих скачек: вот группа маленьких киргизят от 7 до 12 лет в цветных тюбетейках и национальных халатах верхом на своих скакунах, в гривах и хвостах которых вплетены совиные перышки. Вот рядом с ними едут яркие цветные шелковые жокейские костюмы, легкое английское скаковое седло и уздечки, посадка, даже гордый вид не возмутит этих переряженных киргизят-жокеев".[2]

В последующие годы все чаще появляются метисы, полученные от скрещивания чистокровных лошадей с киргизскими. Таким образом, киргизское коневодство в некоторой степени улучшило качество своей продукции только с приходом русских. Скрещивание киргизской лошади первоначально с русской и сибирской, а затем с английской, арабской и туркменской дало отличных лошадей. Иссык-Кульский конный завод Пяновского, Пржевальская случная конюшня и ипподром Пржевальского Скакового общества имели большое значения для привлечения киргизов к участию в улучшении пород местных лошадей. К сожалению, масштаб их работы был незначительным, для того чтобы оказать серьезное влияние на киргизское коневодство в целом.

Крупный рогатый скот в хозяйстве киргизов занимал небольшое место. Киргизы разводили его в ограниченном количестве, но с приходом русских крупный рогатый скот постепенно стал преобладать в составе стада киргизского хозяйства.

Киргизы содержали крупный рогатый скот на подножном корму, как и всех остальных животных. В зимний период его не угоняли на зимние пастбища в урочище, а оставляли на зимовке. Крупный рогатый скот требовал меньше заботы, чем овцы и лошади. С утра до позднего вечера находился он на пастбище без присмотра.

Киргизы известное внимание уделяли корове только перед отелом. Если корова телилась ранней весной, то ее подкармливали, по возможности, отрубями или сеном. Корову киргизы доили первые два месяца по три раза в день, а затем—два раза. Дойный период про-

---

[1] Газета «Семиреченские областные ведомости» за 1913 г., № 120—125.
[2] Там же.

Рис. 18. Киргизская корова (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Фото-фонд № 148).

должался всего лишь 4—5 месяцев, и удойность коровы не превышала 40—50 ведер в год[1]. Доили коров с подпуском теленка.

Крупный рогатый скот вначале разводили преимущественно бедные киргизы, которые его „употребляли взамен лошадей, так как содержание его проще, а польза, приносимая им, многообразна".[2] Для бедного киргиза корова заменяла лошадь, на ней пахали, бороновали, молотили, ездили, возили вьюки, она же была иногда и в упряжке.

Богатые киргизы разводили крупный рогатый скот, в том числе и яков, в небольшом количестве, считая, что это дело бедняков. Степень богатства киргиза не определялась количеством коров.

Улучшение нерентабельной породы киргизского крупного рогатого скота и превращение его в более продуктивный и высокоудойный опять-таки связано с влиянием русских крестьян.

Первые шаги к улучшению породы киргизской коровы были предприняты русскими переселенцами; они привозили с собой коров из России и Сибири. Эти коровы отличались более крупным сложением, давали больше молока и период доения был более продолжительным, чем у коровы киргизской породы. При скрещивании привозных коров с местными производителями киргизской породы[3] получался смешанный тип, который по удойности молока и телосложению

[1] Россия, Полное географическое описание нашего отечества, Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1919, стр. 496.

[2] Л. Ф. Костенко. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского края, СПб., 1900, т. III, стр. 93.

[3] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894, стр. 19.

близко подходил к материнской, а по неприхотливости и силе—к киргизской породе.

Русскими переселенцами были завезены отдельные коровы и производители красной калмыцкой (астраханской) и голландской пород.

В 1912 году было завезено 29 голов племенного рогатого скота швицкой и симментальской пород из Тургеневского племенного рассадника Тульской губернии.[1] Они были распределены по сельскохозяйственным школам Семиреченской области. Из этих племенных производителей на долю Пржевальской сельскохозяйственной школы пришлось четыре производителя.

Пржевальская сельскохозяйственная школа сыграла некоторую роль в деле улучшения крупного рогатого скота, так как она распространяла частично свой опыт культурного разведения и получения более высокопродуктивного скота.

Киргизский способ доения коров с подпусканием телят постепенно стал вытесняться русским.

Домашних птиц киргизы совершенно не держали. Птиц нельзя было иметь в кочевом хозяйстве. Домашняя птица начала появляться у киргизов только в результате культурно-экономических связей с русским населением, когда киргизская бедиота стала переходить к оседлости. Некоторые киргизы-земледельцы стали разводить кур, гусей, уток и др.

После присоединения Киргизии к России киргизское животноводство стало понемногу развиваться. Продуктивность скота повысилась, уменьшилось малопродуктивное и малодоходное коневодство, повысилось несколько качество киргизских лошадей.

Овцеводство также в известной степени качественно улучшилось, увеличились отары, появились тонкорунные и мериносовые овцы, которые давали высококачественную шерсть.

Улучшился породный состав коз в результате появления в Киргизии придонских коз, дававших ценный пух.

Породы крупного рогатого скота, вывезенные из России и Сибири (краснокалмыцкая, астраханская, голландская, швицкая и симментальская), при скрещивании дали помеси, значительно превосходившие ростом и качеством молока и мяса местный скот.

Царские власти не заботились об улучшении киргизского скота. Продуктивные породы животных, как уже отмечалось, были завезены крестьянами-переселенцами. Кроме того, отдельные предприимчивые русские переселенцы начинали иногда разводить породистый скот по личной инициативе, не получая при этом никакой поддержки от административных органов.

В результате тесных взаимоотношений с русским населением киргизы усвоили не только более современные земледельческие орудия и постройки, но и заготовку кормов для скота. Киргизы сначала относились недоверчиво к русскому способу ведения сельского хозяйства и подозрительно относились ко всему новому, но скоро убедились в преимуществе русской сельскохозяйственной культуры и стали понемногу учиться у русских переселенцев и перенимать у них более совершенные орудия сельскохозяйственного производства, приемы и способы ведения полеводства, скотоводства, огородничества и

[1] Труды Киргизского научно-исследовательского института животноводства, вып. 1, Киргосиздат, 1935, стр. 25.

садоводства. Больше того, киргизы приобретали у русских скот лучших пород.

„В поселках Пржевальского уезда дома оставляются только рабочие лошади и волы, а также молочный скот, 2—3 коровы на дворе, весь же остальной скот сдается на выпас киргизам, которые угоняют его в горы"[1] Отсюда видно, что русский скот иногда пасся вместе с киргизским, что также влияло на улучшение киргизского скота.

Садоводство

До прихода русских крестьян в Иссык-Кульской котловине садоводства в киргизском хозяйстве почти не существовало. Это объясняется кочевым образом жизни киргизов. Между тем садоводству в Иссык-Кульской котловине благоприятствуют климатические условия и плодородные почвы. П. П. Семенов-Тян-Шанский, путешествуя по берегам Иссык-Куля, видел единственный садик у верховного манапа племени Бугу—Боромбая: „Этот единственный опыт садоводства на Иссык-Куле, сделанный кочевым племенем, был бы в высшей степени интересен, если бы он привел к положительным результатам".[2] П. П. Семенов-Тян-Шанский пишет, что в саду Боромбая росли яблони, абрикосы, персики и виноград, хотя виноград не мог вызревать вследствие умеренности климата Иссык-Кульской котловины, особенно южного берега озера.

Садоводство стало развиваться в русских селениях. Чтобы засадить улицы декоративными, а сады фруктовыми деревьями, переселенцы выкапывали молодые побеги дикорастущего урюка и сажали их в своих садах.

По берегам реки росли тонкие, кривые талы, которыми русские стали обсаживать улицы своих селений. В 1869 г. эти деревья впервые были посажены у дома уездного начальника и на улицах г. Каракола (ныне г. Пржевальск).

В 1870 году через перевал Сан-Таш лекарем Игнатовским было привезено из Верного несколько корней фруктовых деревьев. Первый опыт выращивания фруктовых деревьев в Иссык-Кульской котловине[3] удался. Климатические и почвенные условия оказались вполне подходящими для культурного садоводства.

Примеру Игнатовского последовали и другие русские переселенцы, вывозившие из Верненского казенного сада яблони, груши, сливы, которые им отпускались до 1887 года бесплатно. К тому же со стороны администрации Семиреченской области (лично генералом Колпаковским) садоводство поощрялось. Крестьяне, проявлявшие интерес к садоводству, одаривались разными подарками, им давались даже денежные вознаграждения.[4]

Открытие через Боомское ущелье колесного пути и регулярного сообщения между Пишпеком и Пржевальском оказало положительное влияние на развитие фруктового садоводства в Прииссыккулье.

---

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане, СПб, 1910 г., стр. 158.

[2] Семенов П. П. Вестник географического общества, 1858 г., ч. XXIII, отдел II, СПб., 1858 г., стр. 17.

[3] Газета «Туркестанские ведомости», 1872 г., № 42, 44—46.

[4] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910 г., стр. 150.

В г. Пишпеке ученым-садоводом Фетисовым был основан питомник фруктовых и декоративных деревьев. В его питомнике было до 140 тысяч корней карагача, тополя, вербы и большое количество фруктовых деревьев.[1] Фетисовские питомники полностью обеспечивали возросшие потребности населения не только Пишпекского, но и Иссык-Кульского уезда.

В 1883 году было отпущено бесплатно русским и киргизским садоводам 2600 саженцев фруктовых деревьев и 7000 корней земляники, кроме того, „97 тысяч саженцев карагача, акации, тополя и 800 корней фруктовых деревьев роздано киргизам".[2] Фетисов лично побывал в селах Иссык-Кульского уезда и давал советы, как правильно выращивать фруктовые деревья. Он выполнил задуманный им план распространения садоводства и озеленения двух уездов.

Посадка декоративных деревьев киргизами и русскими производилась черенками вдоль арыков, по которым протекала вода. Киргизы стали сажать фруктовые и декоративные деревья. Древесину они употребляли на поделку частей юрт и на другие хозяйственные нужды. Однако многие киргизы покупали лес у русских. В печати отмечалось, что русское население продавало из своих рощ лес на изготовление решеток—кереге.[3] Одновременно киргизы и сами стали разводить тальник для поделки кереге.

Во всех селениях улицы и усадьбы засаживались декоративными деревьями. Нужно отметить, что деревья в Иссык-Кульской котловине растут с изумительной быстротой. Киргизы при переходе на оседлость приобретали у русских фруктовые саженцы для разведения своих садов, а усадьбы обсаживали кругом декоративными деревьями.

По сведениям 1913 года, 2203 хозяйства киргизов занимались садоводством, имея в своих садах: яблонь—13097 корней, груш—571 корень, урюка—19777 корней, сливы—1215 корней; из декоративных деревьев: карагача—12059 корней, тополя—98811 корней, тала-ивы—1340590 корней и прочих—15996 корней.[4]

Из этих сведений видно, какую большую помощь оказали русские, распространив среди киргизов разведение культурных и декоративных деревьев.

Таким образом, многие пустынные места Иссык-Кульской котловины, заросшие чием и кустарником, после прихода русских превратились в озелененные территории с фруктовыми и декоративными деревьями.

Огородничество

Киргизы до вхождения края в состав России не занимались разведением огородных культур. Огородничество получило распространение после появления русских и прежде всего—среди беднейшей части киргизского населения. Богатые киргизы огородничеством не занимались, они даже картофель называли „чертовым яблоком".[5]

---

[1] Газета «Туркестанские ведомости» за 1883 г., № 27.

[2] Там же.

[3] Газета «Туркестанские ведомости» за 1874 г., № 47.

[4] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области Пржевальского уезда. Киргизское хозяйство, т. VIII. вып. 1, Петроград, 1916 г., стр. 603.

[5] Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871, стр. 177.

Киргизы, жившие совместно с русским населением или батрачившие у русских зажиточных крестьян, с конца XIX века начали постепенно разводить картофель (картошко), тыквы (ашкабак), капусту (капуске), морковь (сабиз), редиску (кызыл чамгыр), редьку (ак чамгыр), свеклу (кызылча), чеснок (сарымсак), перец (мурч), лук (пияз) и др.

Киргизы не сразу научились огородничеству, они, например, долго не умели пользоваться рассадой и сажать овощи на грядках. Вначале они пахали землю, затем высевали семена овощей, после чего тщательно бороновали. С момента появления всходов и до сбора урожая огороды несколько раз поливались.[1]

Разумеется, при таком способе возделывания огороды не могли давать киргизам таких урожаев, какие получали русские. Некоторая часть киргизов постепенно научилась у русских сажать овощи в гряды и делать окучивание рассады, стала удобрять, разрыхлять почву под огороды. В 1913 году огородничеством занимались всего лишь 209 киргизских хозяйств на общей площади 72,02 десятины земли.[2]

Бахчеводство первоначально было заведено также русскими в местностях Сухой хребет Тюпского района и Кара-Булун-Песчанка Покровского района. Арбузы и дыни обычно не давали хорошего урожая. Климат Иссык-Кульской котловины оказался слишком умеренным для этих культур. Арбузы и дыни хорошо родились только в те годы, когда лето бывало жарким, а осень наступала позже обычного. Естественно поэтому, что бахчеводство не получило развития в Иссык-Куле ни у русских, ни у киргизов.

Наряду с овощами русские выращивали хмель и табак. Табак среди киргизов получил широкое распространение для курения и для насвая. Кроме того, табаком, особенно табачной пылью лечили чесоточных животных.

Иногда табак кипятили и опрыскивали им фруктовые деревья, чтобы уничтожить вредителей садов.[3]

Пчеловодство

В киргизском хозяйстве не только не было культурного пчеловодства, но никто не занимался даже бортничеством. Местные дикие пчелы не давали такого количества меда, которое оправдало бы бортничество. Киргизское предание даже относит пчелу к числу злейших врагов человека.

Благоприятные природные условия Иссык-Куля, обилие медоносных растений, нежаркое лето, умеренная зима создали широкую возможность для развития пчеловодства. Оно сразу привилось, начало быстрыми темпами распространяться сначала среди русских крестьян, а затем и среди киргизов. Окрестности оз. Иссык-Куль покрылись густой сетью пасек. „Не только русские, но и инородцы-киргизы ста-

---

[1] Полевая запись. Мусаев А., 1883 г. рожд., колхозник сельхозартели им. Сталина, Ак-Дюбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII. Пржевальский уезд. Киргизское хозяйство, Петроград, 1916 г., вып. 1, стр. 603.

[3] Полевая запись. Кыдыралиев Т., 1882 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Шалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

ли заводить пчел",—отмечалось в одном из сельскохозяйственных журналов.[1]

Пионерами в этом деле на Иссык-Куле были крестьяне села Покровки—Андрей Бодягин, Филипп Фимушин и Осип Бежецкий.[2] В 1878 году они привезли с собой три колодки с пчелами. Привезенные ульи были неразборные. В 1887 году по уезду уже насчитывалось 97 пасек, на которых стояло 2378 ульев, в том числе неразборных—1725 и линеечных—550.[3]

Число ульев и пасек с каждым годом все больше и больше увеличивалось. К 1897 году имелось 332 пасеки, на которых стояло 16608 ульев. Причем из этого числа ульев неразборных (колодных) осталось только 378. Таким образом, количество ульев не только увеличивалось, но и одновременно улучшалось их качество.

Быстрому распространению пчеловодства в Иссык-Кульской котловине способствовало то обстоятельство, что некоторые предприимчивые русские поселенцы специально выписывали из России, Кавказа, Башкирии и Сибири пчелиные семьи. Кроме того, новые переселенцы привезли с собой абхазскую, итальянскую, башкирскую темнолесную и сибирскую пчелу.[4]

Пчеловодство интенсивно развивалось, а мед находил большой сбыт на рынках Пишпека, Верного и Семипалатинска. Сбыт меда давал большую прибыль, и поэтому постепенно „Пчеловодством стали заниматься лица—спекулянты, не имеющие ни малейших познаний в пчеловодстве".[5] Спекулянты нередко скупали у крестьян ульи и пасеки за бесценок.

Русские кулаки и киргизские баи в погоне за прибылями от пчеловодства жестоко эксплуатировали трудящихся. Они захватывали и отбирали самые лучшие места для пасек, где было обилие медоносных растений. Например, у крупного манапа и помощника начальника уезда Тилекматова Ч. был сад в 10 *га*, в котором стояло более 1000 ульев. Рабочие—русские и киргизы—ухаживали за его пасекой. Они работали не покладая рук, получая за свой труд ничтожную оплату деньгами или натурой. За работой пчеловодов наблюдал один из сыновей манапа.[6]

Баи и манапы не только эксплуатировали наемных рабочих-пчеловодов. Они всячески мешали русским крестьянам заниматься пчеловодством. Под разными предлогами они выманивали у крестьян деньги, а потом за эти деньги втридорога продавали им свои участки земли под пасеку. На это обращала внимание в свое время местная печать. В одной из статей по этому поводу говорится: „Большие затруднения представляют сделки. Надо сначала задобрить разных манапов с баями да сразу уплатить 200—300 руб".[7]

Пасеки в Иссык-Кульской котловине до конца XIX в. были распространены в равнинной части, где не все земли еще были исполь-

---

[1] Журнал «Туркестанское сельское хозяйство» за 1906 г., № 9, стр. 26.

[2] Семиреченские областные ведомости за 1898 г., № 37—38.

[3] Русский пчеловодный листок, 1888 г., № 8, стр. 3.

[4] Полевая запись. Яковлев Д. И., 1872 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Темировского сельсовета, Иссык-Кульского района.

[5] Пчеловодство в Пржевальском уезде. Журнал «Туркестанское сельское хозяйство» за 1913 г., № 12, стр. 1184.

[6] Полевая запись. Сааков К. 1880 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Шалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

[7] Газета «Семиреченские областные ведомости» за 1910 г., № 6.

зованы под пашни.[1] А уже с XX в., после прибытия новых переселенцев и занятия свободных земель в долинах, под пасеки выделялись земельные участки, находившиеся в ведении лесного ведомства, или участки в предгорьях.

Таким образом, можно констатировать, что пчеловодство как новая отрасль начала входить в киргизское хозяйство под русским влиянием. Многие бедные киргизы нанимались работниками к богатым русским и киргизским пчеловодам. Они были обязаны „караулить пасеку, подсаживать рой, а главное—во время взятка мотать мед и подрезать трутней."[2] Таким образом, киргизы, работая пчеловодами, осваивали приемы и методы пчеловодства, а затем распространяли свои знания среди других киргизов. Они и в своем хозяйстве держали несколько ульев. Инвентарь, употребляемый на пасеках у русских и киргизов, был одинаковым. Однако русские наименования орудий пчеловодства не вошли в киргизский язык: медогонка называлась по киргизски—бал чыгаргыч, ножи с крючком—аары бычак, дымари—түтөткүч, роевни—киргич, маточные клетки—эне уясы, ульи—бал челек. Эти, как и другие названия, свидетельствуют о том, что, усваивая пчеловодство от русских крестьян, киргизы находили необходимый словарный материал для техники пчеловодства в своем языке.[3]

Пчеловодство в Иссык-Кульской котловине настолько интенсивно развивалось, что под пасеки часто недоставало земельных участков. В результате этого некоторые пасеки оказывались друг от друга на расстоянии каких-нибудь 100 метров. Такая скученность пасек приводила к низкому медосбору.

Если в 1896—1898 годах получали с одного улья в среднем по 40—45 фунтов меда,[4] то в 1912 году пчеловоды сел Липенского и Лизогубовки получили в среднем по 12 фунтов меда с улья, а пчеловоды других сел со своих ульев ничего не получили.[5] Кроме того, скученность пасек пагубно отразилась на общем состоянии пчеловодства в Иссык-Куле. С 1906 года пчеловодство стало быстро приходить в упадок и превратилось в отсталую отрасль хозяйства. Все существовавшие пасеки были заражены гнильцом, и от него погибло более двух тысяч семей пчел.[6] Таким образом, недостаточное внимание к условиям и технике пчеловодства (несовершенство ульев, отсутствие у пчеловодов специальных знаний по ведению рационального пчеловодства и неумение бороться с эпидемическими болезнями) привело к упадку пчеловодства в Иссык-Куле и почти свело на нет положительное значение этой высокодоходной отрасли хозяйства, развитой здесь русским населением.

В 1913 году в гор. Пржевальске было организовано уездное общество пчеловодов, в которое вошло 89 рядовых пчеловодов.[7] Об-

---

[1] Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», № 1, Пчеловодство в Пржевальском уезде, Ташкент, 1906 г., стр. 123—133.

[2] Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», Пчеловодство в Пржевальском уезде, № 12 за 1906 г., Ташкент, 1906 г., стр. 1184.

[3] Полевая запись. Пришз З. Т., 1890 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Кирова, Чон-Жергесского сельсовета, Ново-Вознесеновского района.

[4] Газета «Семиреченские областные ведомости», за 1888 г., № 37—38.

[5] Обзор Семиреченской области за 1912 г. Верный, 1913 г., стр. 72.

[6] Пчеловодство в Пржевальском уезде. Журн. «Туркестанское сельское хозяйство» за 1906 г., Ташкент, 1906 г., стр. 26.

[7] Пчеловодство в Пржевальском уезде. Журн. «Туркестанское сельское хозяйство» за 1916 г., Ташкент, 1916 г., № 1, стр. 31.

щество имело целью широко знакомить пчеловодов уезда с элементарными приемами и методами пчеловодства, обеспечивать их специальной литературой.

По инициативе Я. Б. Силина была основана Пржевальская показательная пасека. Задача, которую поставила перед собой эта пасека, заключалась в том, чтобы на своем практическом опыте показать пчеловодам уезда, как надо вести хозяйство, чтобы получать высокие медосборы. Пржевальской показательной пасекой „местные пчеловоды интересуются и следят за ее состоянием",—указывалось в журнале „Сельское хозяйство" за 1913 год.[1] Империалистическая война прервала работу по поднятию пчеловодства в Прииссыккулье.

Итак, пионерами пчеловодства на Иссык-Куле были русские крестьяне-переселенцы. Они, применяясь к новым климатическим и экономическим условиям, наряду с развитием других отраслей хозяйства, сумели развить пчеловодство. Киргизы научились технике, методам и приемам пчеловодства. Некоторая часть бедняков-киргизов стала на своих маленьких участках содержать по несколько ульев, а у баев количество ульев нередко доходило до тысячи.

Пчеловодство было выгодно, и оно вошло в киргизское хозяйство, обогатив его.

Охота

Охота как одна из отраслей местного хозяйства существовала в Иссык-Кульской котловине издавна. Во-первых, об этом свидетельствуют изображения на нескольких наскальных памятниках, выявленных в районе Иссык-Кульской котловины. Среди наскальных изображений встречаются такие промысловые животные, как горный козел, архар и др. Изображены также борзые собаки, ловчие птицы, фитильные ружья, луки со стрелами, сценки, рисующие охотника, подкрадывающегося к зверю,[2] и т. д. Все это свидетельствует о существенном значении охоты в хозяйстве древнего населения Иссык-Куля. О значении охоты в хозяйстве киргизов с древних времен говорят народные названия отдельных месяцев года. Месяцем теке (самец горного козла) называли, например, июнь, а месяцем кулжа (самец горного барана) —май и т. д.

Объектом для охоты на Иссык-Куле из зверей были: барсы (илбирс), рыси (сүлөөсүн), медведи (аю), маралы (марал), архары (архар), косули (элик), горные козлы (теке), волки (карышкыр), лисицы (түлкү), куницы (суусар), выдра (кундуз), сурок (суур), зайцы (коен), дикие свиньи (донуз) и др. Из промысловых птиц: дикие гуси (каз), журавли (турна), утки (ордок), фазаны (кыргоол), горные индейки (улар), куропатки (кекилик), рябчики (чил), дрофы (тоок) и др.

Киргизская охота развивалась по двум линиям: с помощью ружья велась промысловая охота и с помощью ловчих птиц —преимущественно увеселительно-любительская и спортивная. Такой охотой большей частью

---

[1] Показательная пасека в г. Пржевальске, журнал «Туркестанское сельское хозяйство» за 1913 год, № 6, Ташкент, 1913 г., стр. 554.

[2] Такие наскальные изображения имеются в местностях Дунгуреме, Кызыл-Жар и Тамга Покровского р-на, Жер-Уй Тонского района, Чолпон-Ата Балыкчинского района и др.

занимались представители господствующего класса киргизов. К ловчим птицам у киргизов относятся сокол (туйгун), ястреб (кущ), кречет (ителги) и орел (беркут). Этих птиц, за исключением беркута, ловили сетями с приманкой.

Значительную трудность представляло приобретение беркута. Беркут гнездится на недоступных скалах. Киргиз-охотник, обнаружив гнездо с птенцами, не трогал его до того времени, пока птенцам не исполнялось 2,5—3 месяца. Только выждав, когда подрастут птенцы, группа охотников забиралась на скалу и один из них с помощью товарищей спускался на аркане к гнезду. Это делалось в отсутствие родителей птенцов, когда они улетали за добычей. Если взрослые беркуты заставали человека в гнезде, забирающего птенцов, то смело нападали на него. Поэтому стоящие сверху охотники кричали и выстрелами не подпускали птиц к гнезду. О качестве ловчего беркута киргиз-охотник судит уже по птенцу. Если в гнезде только один птенец, то считают, что он будет ловким и сильным.

В отличие от других ловчих птиц, охота с беркутом является также промысловой. Если сокола, ястреба, кречета мог иметь любой состоятельный киргиз, то беркута имел обычно только охотник, в хозяйстве которого промысел занимал важное место.

Киргизы начинают приучать ловчих птиц с первого же дня. Пищу дают из рук, постоянно выкрикивая одно слово, чтобы птица привыкла к этому, то есть по существу вырабатывают у птицы условный рефлекс. Птицу кормят мясом, вымоченным предварительно в теплой воде, что лишает его жира и многих питательных свойств, чтобы птица могла быстрее дойти почти до состояния истощения. В таком состоянии она легко поддается обучению. После неоднократных тренировок птицу выводят в поле на настоящую ловлю.

Значительную трудность представляет обучение беркута, так как он очень капризный, сильный и храбрый. Ловчих птиц киргизы постоянно держат в голоде, только при каждой удачной ловле дают птице несколько раз клюнуть мозг дичи и проглотить несколько капель свежей крови. И лишь по окончании охоты охотник досыта кормит птицу свежим мясом дичи.

На голову беркута одевают колпачок (томого), который снимается только на охоте при обнаружении дичи.

С ловчими птицами киргизы охотятся на утку, гуся, фазана, зайца, куропатку, дрофу, рябчиков и др. С беркутом охотятся на лисицу, волка, иногда его пускают даже на косулю.

Охота с ловчими птицами начиналась обычно с момента уборки хлеба до февраля месяца, а с беркутом охотились по снегу с ноября месяца до февраля, когда лисица имеет хороший мех, а волки начинают нападать днем на стадо или рыскают в поисках пищи в поле, в оврагах и ложбинах.

Охота с ловчими птицами велась в одиночку и группами.

Киргизы, жившие вблизи от русских селений, охотились с ловчими птицами и с участием собак. Они приобретали охотничьих собак от русских. Собаки русских охотников по сравнению с киргизскими борзыми быстрее отыскивали дичь, не отходя далеко от хозяина.

Охота с ловчими птицами и с помощью собак (обычно порода сеттеров) всегда была обильна удачей.[1]

Охота на волков и косулей сопровождалась рядом опасностей для ловчего беркута, и поэтому киргизы неохотно выпускали его на них. Охота же на лисиц составляла весьма распространенный и выгодный промысел. Лисий мех, теплый и красивый, был широко распространен в быту киргизов. Он шел также на отделку шубы, на головные уборы и т. д.

С приходом русских крестьян и открытием рынков для сбыта пушнины, лисья охота приняла массовый характер. Кроме ловли лисиц с беркутом, их ловили зимою еще капканами.

Возросло и значение охоты на волков. Успешному истреблению волков способствовал усиленный спрос на волчьи шкуры. Они продавались на рынке или сдавались в казенные склады по цене от 2,5 до 3,5 руб. Кроме этого, администрацией уезда выдавалось вознаграждение за истребление волков от 1,5 до 2 руб. деньгами. Истребление волков, конечно, имело важное значение для скотоводства, ибо волки наносили огромный ущерб поголовью при пастбищном содержании скота. Русские крестьяне снабжали киргизов порохом и пулями. Они научили киргизов-охотников травить волков стрихнинными пилюлями, что являлось весьма эффективным средством истребления хищников. Кроме применения стрихнинных пилюль, киргизы переняли от русских способ охоты на волков путем устройства „волчьих ям".[2]

До общения с русским народом охота на зверя при помощи капканов у киргизов была мало распространена. Киргизский капкан обладал рядом существенных недостатков. Иногда волк или лисица, наступая на него, благополучно проходили дальше. Капкан прикреплялся к земле при помощи деревянных колышков и завязывался кожаными ремнями. Волк перегрызал кожаные ремни или вырывал капкан вместе с колышками. Кроме того, капкан этот, изготовлявшийся киргизскими кустарными мастерами из хрупкого железа, добытого из шлихового песка на берегу озера Иссык-Куль, довольно легко ломался.

С приходом на Иссык-Куль русских крестьян, киргизский капкан стал вытесняться капканом русского образца, из которого зверь не мог освободиться. Русские капканы были с пружинными зажимками. Прикреплялся капкан железными колышками, которые входили в любой грунт. При помощи русских капканов добыча волков, лисиц, сурков, куниц и других зверей весьма увеличилась.

Ружья у киргизов были примитивные—фитильные, с сошкой для установки при прицеле.[3] Из таких ружей били только крупных зверей на небольшом расстоянии. Главным объектом ружейной охоты служил волк, архар, косуля и особенно марал. Стоимость рогов марала, убитого весной, доходила до 150—200 рублей.[4]

---

[1] Полевая запись. Калбаев К., 1898 г. рожд., Барскаунского сельсовета, Покровского района.

[2] Полевая запись. Суркин П. П., 1883 г. рожд., колхозник артели «Приозерная», Тюпского района

[3] Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Турк. края. 1874 г., стр. 386.

[4] Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Материалы для географ. и статистики России. СПб., 1880 г., т. III, стр. 100.

Киргизские фитильные ружья изготовлялись самими кузнецами-киргизами. Для пыжей употреблялась верблюжья и баранья шерсть, после выстрела она долго тлела на земле.

Киргизское ружье было очень тяжелое, и постепенно оно стало заменяться более усовершенствованным русским ружьем. В результате хозяйственного и экономического сближения киргизы стали приобретать шомпольные ружья малого калибра Тульского оружейного завода, берданки и винтовки.

С распространением русских заводских ружей, капканов и в связи с возросшим спросом на пушнину (большинство которой шло на ярмарки в Россию и Сибирь, где цены были гораздо выше местных) экономическое значение охоты у киргизов весьма возросло. Появился даже новый вид охоты—на диких свиней—кабанов, на которых киргизы с потребительскими целями до прихода русских не охотились в силу религиозных запретов. Русские крестьяне, напротив, мало охотились на пушного зверя, предпочитая охоту на диких кабанов, которая давала им возможность по окончании полевых работ сделать запасы свинины на зиму, а излишек сбыть на рынке.

Киргизы в начале XX века также начали охотиться на диких свиней, сбывая их или обменивая на охотничье снаряжение. Следует отметить, что популярность среди киргизского населения русских охотничьих ружей использовалась баями и манапами вкупе со спекулянтами, приехавшими из России, Казани и Башкирии. Эти торгаши за русские ружья, порох, пистоны, дробь и пули выменивали у охотников-киргизов маральи рога, куньи, лисьи, волчьи шкуры и т. д. Они разъезжали по аилам и снабжали охотников снаряжением за высокие цены. Так, за одну берданку брали 9 баранов и 2 куньи шкуры. За фунт пороха они выменивали два барана или 3 куньи шкуры, за фунт дроби—барана с ягненком или 2 куньи шкуры, за сотню пистонов—1 барана.[1] Поэтому охота с ружьем для рядового киргиза была далеко не всегда доступна, и зверей добывали большей частью петлями, капканами и ловчими птицами.

О превращении охоты у киргизов в промысловую под влиянием русского населения свидетельствуют следующие статистические данные[2] (см. табл. на стр. 78—79).

Таблица показывает, что добыча наиболее ценной пушнины в уезде с каждым годом шла к упадку. Администрация царской власти в Киргизии не принимала никаких мер к охране промысловой фауны. К моменту Великой Октябрьской социалистической революции промысловая охота в силу указанных выше причин резко сократилась.

На основании изложенного материала можно сделать вывод, что охота у киргизов с приходом русских крестьян на Иссык-Куль превратилась из любительской в промысловую.

Рыболовство

Озеро Иссык-Куль и множество впадающих в него рек богаты разнообразными видами рыб. Несмотря на возможные богатые уловы, киргизы почти не занимались рыболовством. Это происходило потому,

[1] Полевая запись. Борончиев А., 1887 г. рожд., колхозник сельхозартели им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

[2] Шостак А. Охотничье хозяйство Жеты-Су. Алма-Ата, 1927 г.

что „киргизы до прихода русских не употребляли в пищу рыбу вследствие какого-то суеверного предубеждения".[1]

Господствующий класс киргизского общества считал рыбу такой же несъедобной, как и змею.

Беднейшая часть киргизского населения, занимавшаяся главным образом земледелием, несмотря на суеверные запреты, ловила рыбу по поймам рек, когда не было другого питания.

Орудием для ловли рыбы у киргизов был деге—острога, палка длиною 3,5—4 *м*, диаметром 6—7 *см* , на утолщенный конец которой надевался железный раздвоенный наконечник с двумя тонкими жальцами. Форма раздвоенного наконечника делалась с таким расчетом, чтобы при ударе по рыбе наконечник засел в ней глубоко и

Название животных	1868—1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895
Медведи	105	86	70	79	111	88	53
Барсы	70	37	37	48	42	57	28
Волки	2308	860	319	529	915	1258	713
Лисицы	4540	2409	1764	2324	3046	3352	1721
Куница	1930	373	122	193	318	433	198
Кабаны	—	—	—	—	—	—	43
Косули-козлы	—	—	—	—	—	—	60
Архар	—	—	—	—	—	—	—
Кара-куйрук	—	—	—	—	—	—	23
Рысь	907	107	75	104	112	120	—
Кошки	—	—	—	—	—	—	—
Барсук	—	—	—	—	—	—	—
Горностай	—	—	—	—	—	—	—
Хорек	—	—	1	—	—	—	—
Маралы	1341	165	121	121	120	135	94
Мелкие звери	—	—	—	—	—	—	488
Всего убито	9478	4037	2508	3448	4664	5443	3421
Продано на сумму	8560	1900	1420	6336	10697	—	4821

[1] «Охотничья газета» за 1893 г., № 22, стр. 345. Озеро Иссык-Куль и рыболовство на нем.

прочно.[1] При помощи деге кололи рыбу исключительно на глубоких местах рек, где вода текла медленно и спокойно. Киргизы часами смотрели в чистую воду, выискивая и выбирая самую большую рыбу. Обнаружив рыбу в спокойном состоянии, рыболов осторожно направлял в нее свой деге, быстро ударял и с такой же быстротой вытаскивал рыбу, чтобы она не могла высвободиться. Ловля рыбы таким способом практиковалась в горных речках только весною, а если речка вытекала из болотистых вод—кара суу, то—в любое время года.

Бедные киргизы, оставáвшиеся летом на своих пашнях, ловили рыбу еще и другим способом: били по воде палкой и оглушали или ранили рыбу, а затем брали ее руками. Чтобы получить запасы рыбы

1896—1897	1898	1899	1900	1901	1902—1903	1904	1905	1906—1909	1910—1916
22	16	27		2	—	12	14	—	—
27	5	21	20	17	—	50	61	—	—
445	520	538	451	614	—	758	862	—	—
969	1340	1402	1628	1786	—	1791	1919	—	—
147	102	172	155	98	—	129	73	—	—
36	18	9	—	—	—	27	5	—	—
995	729	872	553	717	—	129	1984	—	—
254	231	212	209	249	—	—	—	—	—
18	34	4	24	40	—	—	—	—	—
60	12	17	8	6	—	—	—	—	—
16	17	4	93	17	—	—	—	—	—
328	335	371	785	461	—	623	974	—	—
—	5	—	—	—	—	—	—	—	—
54	71	81	236	373	—	160	903	—	—
64	35	58	94	41	—	—	—	—	—
157	790	683	512	746	—	—	—	—	—
3621	4182	5410	4787	5186	18074	5289	5432	—	—
4842	4535	5385	6328	6330	23260	7732	7830	8442	6637[2]

[1] Полевая запись Сулайманов А., 1883 г. рождения, колхозник сельхозартели «Ала-Тоо», Дарханского сельсовета, Покровского района.

[2] Материалы по охоте взяты с 1868 г.—со времени прихода на Иссык-Куль русских крестьян. Промысловая торговля киргизов с кокандскими и кашгарскими купцами нами не отражена за отсутствием материала.

на несколько дней, киргизы ловили ее мешками— капами, сшитыми из шерстяной ткани. Об этом сообщается в одной из заметок, относящихся к началу 70-х годов XIX в. „Весною в этих речках (впадающих в озеро Иссык-Куль,—М. А.) бывает очень много рыбы, которую киргизы бьют палками и ловят мешками, сшитыми наподобие палаток".[1] Капы держали двое мужчин с двух сторон в воде, а сверху на расстоянии 15—20 метров на лошади вниз по течению ехал всадник, пугая рыбу.

Иногда киргизы ловили рыбу, запрудив реку в двух местах. Несколько мужчин одновременно запруживали один из маленьких рукавов реки с двух сторон,[2] причем верхнюю сторону запруживали тщательно, чтобы вода не прибывала, а нижнюю—менее плотно, но так, чтобы рыба не могла уйти. Когда вода совсем вытекала из запруженного места, руками брали рыбу, очутившуюся на мели. Описанные выше примитивные способы ловли рыбы были у киргизов при появлении русских в Иссык-Куле. С основанием же русских селений— Преображенского и Сазановки, начинает развиваться систематическое рыболовство на озере Иссык-Куль. Некоторые русские переселенцы строили лодки и плавали по озеру. Лодки первоначально были ненадежные—дуплянки или плоскодонные, на которых пускаться вдоль озера было опасно.[3] Эти одновесельные челноки выдалбливались из толстых стволов ели. С помощью их русские ловили рыбу только у берегов озера.

Иссык-Кульская рыба из вспомогательного продукта питания стала постепенно продуктом сбыта. В 1894 г. на западном берегу озера в местности Котмалды (ныне г. Рыбачье) крестьянин-переселенец М. А. Бачин основал рыболовецкое селение,[4] и организовал товарищество по совместной ловле и продаже рыбы в городах Токмаке. Пишпеке и даже в г. Верном.

Рыболовами Иссык-Куля было поймано рыбы:

В 1888 г.	3668	пудов	и продано на	1395	руб.
в 1894 г.	4545	„	-„- „	2050	„
в 1895 г.	2661	„	-„- „	479	„
в 1912 г.	20150	„	-„- „	11700	руб[5]

Русские переселенцы ловили рыбу в озере сетями и неводами. Сети были нескольких видов: режовая, чебачья и мариночная, или сазанная. Чебачью сеть делали только из нитки машинного производства, режовую и мариночную, или сазанную—из самодельных ниток (из местного льна), которые скручивались вдвое на самопрялках. Кроме сетей, как сказано, для ловли рыбы в озере употреблялись неводы. Они тоже делились по своему назначению на селедочные и сазанные.

---

[1] Газета „Туркестанские ведомости" за 1870 г., № 15.

[2] Полевая запись. Шайбыров О., 1872 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

[3] Газета „Московские ведомости" за 1893 г., № 295.

[4] Волков Н. Рыболовство в поселке Рыбачьем на оз. Иссык-Куль. Журнал „Семиречье", Верный, 1916 г., № 5, стр. 126.

[5] Обзор Семиреченской области за 1893—1895, 1912 гг. Верный, 1894—1896, 1913 гг.

Самые большие и прочные неводы предназначались для ловли сазанов. Они готовились из особо прочных ниток. Таким образом, у русских снасти, употреблявшиеся для ловли, состояли почти исключительно из собственноручно связанных сетей и неводов обыкновенного типа, хотя и самых разнообразных размеров.[1]

Русские ловили рыбу в реках еще сачками. Сачок—это мешок, сшитый из сети и прикрепленный к полукруглой рамке. Ловят рыбу сачками в неглубоких местах. „Один из рыболовов брал сачок, раздевшись, входил в речку и ставил его на дно, держа за прикрепленную к нему палку, другие, двое или трое, вооружившись палками, заходили в речку несколько выше и затем спускались по речке, колотя палками по воде и производя как можно больше шума. Османы, днем обыкновенно лежавшие между камнями на дне, бросались, испуганные шумом вниз по течению и попадали в расставленный сачок".[2]

Кроме сачков, на речках рыбу ловили „мордушкой", сделанной из ивовых прутьев. „Мордушку" ставили только на ночь, или когда вода была мутная. Сачками и „мордушкой" ловили только летом, когда османы поднимались из озера в быстрые горные речки для нереста.

Ловили рыбу, конечно, и удочкой как в озере, так и в речках. Рыбу в озере ловили весной и осенью. Весенний улов происходил в марте, апреле и мае, а осенний—в сентябре и октябре. Весной рыба ловилась в большом количестве.

В Иссык-Куле водятся сазан, осман, маринка, чебак, селедка, усач, а в горных речках—форель. Самым ценным у рыболовов считался сазан. Его ловили в мае и сентябре, когда он подходил к берегу для метания икры. Сазана брали преимущественно неводом. Вместе с сазаном ловили и селедку. Чебака добывали в весенние, летние и осенние месяцы сетями. Османа и форель большей частью ловили сачком в летние месяцы.[3] „Чебак является главной промысловой рыбой Иссык-Куля, добывается неводами. Иногда добывалось 60 тонн или 1000 пудов"[4] за один улов. В период ловли рыбаки уезжали на отдаленные рыбные места на несколько недель. Каждый рыбак брал с собою до двух десятков сетей, „а некоторые,—как сообщается в одной из статей,—наняв работников-киргизов, доводят число сетей до 50."[5]

Как уже сказано выше, по-настоящему рыболовство началось на Иссык-Куле только с приходом русских крестьян-переселенцев. Киргизы—наемные работники у предприимчивых русских рыболовов—научились приемам ловли, пользованию рыболовными снастями и даже изготовлению их. Повседневное общение с русскими способствовало появлению рыболовства и у киргизов. Киргизы перестали ловить старыми способами, в результате рыба у них не только стала более распространенным продуктом питания, но и сбывалась на рынках Пржевальска, Токмака и Пишпека. Рыболовы-киргизы, работавшие у русских

---

[1] „Охотничья газета" за 1893 г., № 22, стр. 345.
[2] Там же.
[3] Полевая запись. Фоменко А. Д., 1874 г. рожд., село Талды-Су, того же района
[4] Газета „Московские ведомости" за 1893 г., № 295.
[5] Волков Н. Рыболовство в пос. Рыбачьем на оз. Иссык-Куль, Журнал „Семиречье", Верный, 1916 г., № 5, стр. 128.

предпринимателей, научились также солить, вялить и коптить рыбу.[1] Рыба улучшила киргизскую народную кухню и сделала ее разнообразнее.

С русским рыболовством связано и начало судоходства по озеру Иссык-Куль. Первыми на озере появились, как было сказано выше, лодки русских крестьян типа дуплянки и плоскодонки. До этого киргизы не осмеливались ни плавать по озеру, ни купаться в нем, считая его таинственным и священным. Они поклонялись озеру, принося ему в жертву скот и со страхом смотрели на него.[2]

Озеро Иссык-Куль интересовало русских не только как источник рыбного богатства, но и с транспортной точки зрения. „Мысль о возможности и пользе учреждения судоходства на Иссык-Куле возникла только с водворением русских сюда".[3] Первое плавание по Иссык-Кулю и исследование его с научной целью было совершено А. Д. Ивановым. Он построил шестивесельный катер и объехал всю восточную часть озера. Иванов измерил температуру воды, обследовал грунт и глубину озера.[4] Киргизы увидели, что по страшному озеру без вреда на своих лодках и баркасах плавают русские, занимаясь перевозкой грузов и ловлей рыбы. Поэтому-то киргизы откликнулись на призыв о сборе средств на приобретение судов. „Население Иссык-Кульского уезда отнеслось с сочувствием к делу приобретения судов, и приговором общества согласилось на этот предмет с каждой кибитки по 1 руб. и собрано 11268 руб.[5] Для достижения больших успехов в ловле рыбы было построено несколько катеров. В 1891 году на озере появилась лодка с тремя парами весел и двумя косыми парусами. На этой „лодке совершил свою поездку в Койсары Зеланд во время его посещения".[6] Он также обследовал глубину озера, грунт и температуру воды.

С постройкой лесопильных заводов стало увеличиваться количество баркасов и барж, ибо перевозка пиломатериалов „от лесопильного завода до места назначения по водному пути стоила дешево".[7]

Лодки строили те русские, которые раньше служили во флоте или плавали на Волге, на Каспийском и Черном морях и были знакомы с постройкой парусных судов.

Так начало развиваться судоходство и рыболовство на озере Иссык-Куль. Киргизы работали на баржах и шхунах, плавая по Иссык-Кулю, и одновременно учились у русских сложной технике судоходства.

Ремесло

Ремесло в киргизском кочевом хозяйстве носило домашний характер. Оно было связано, главным образом, с обработкой продуктов животноводства внутри своего хозяйства. По существу, это не было настоящим ремеслом, а являлось домашним производством. Из овечь-

---

[1] Полевая запись. Сулайманов А. 1883 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ворошилова, Дарханского сельсовета, Покровского р-на.

[2] Газета „Туркестанские ведомости" за 1892 г. № 1.

[3] Газета „Туркестанские ведомости" за 1872 г. № 14.

[4] Там же.

[5] Газета „Туркестанские ведомости" за 1878 г. № 25.

[6] Газета „Туркестанские ведомости" за 1892 г. № 1.

[7] Газета „Туркестанские ведомости" за 1902 г. № 42.

ей шерсти, которая стриглась весною и осенью, делали переносные жилища (юрты), войлок (кошму), расстилаемый на земле и заменяющий мебель, изготовляли ковры и паласы, украшающие жилища, одежду, мешки для складывания домашнего скарба и навьючивания верблюдов при перекочевках, арканы, нитки, попоны для животных и пр.[1] Овечью шерсть после стрижки тщательно несколько раз промывали в воде без мыла. Потом ее просушивали на солнце, клали на кожу и трепали, ударяя двумя палочками. Растрепанную шерсть женщины и дети расправляли руками, а затем свивали в жгуты. Пряли веретеном—ийик. Ийик—это деревянное веретено с круглым грузом из дерева, свинца или камня.

Из пряжи на примитивном ткацком станке (өрмөк) (рис. 23) делали грубое сукно, тесьму для юрт, переметные сумки и покрывала (попоны) для лошадей. Из шерсти киргизы также готовили кошму, „из которой изготовлялись покрышки для юрты, и ковры для подстилки в юрте, потники".[2]

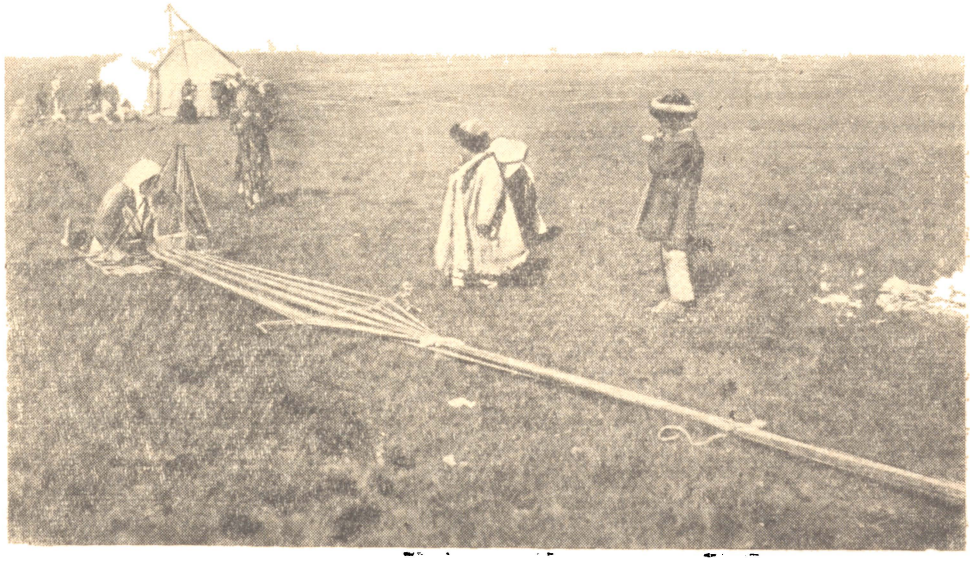


Рис. 19. Женщина за ткацким станком – өрмөк (Музей антропологии и этнографии АН СССР, фото-фонд № 133).

Простую кошму делали так: промытую и растрепанную шерсть клали ровным слоем на циновки—чий, постепенно спрыскивая горячей водой. Затем шерсть, вместе с чием, сворачивали в трубку, которая обвязывалась веревками. Затем несколько женщин, в зависи-

[1] Костенко Л. Ф. Туркестанский край, т. III, СПб., 1880 г., стр. 69.
[2] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946 г. стр. 31.

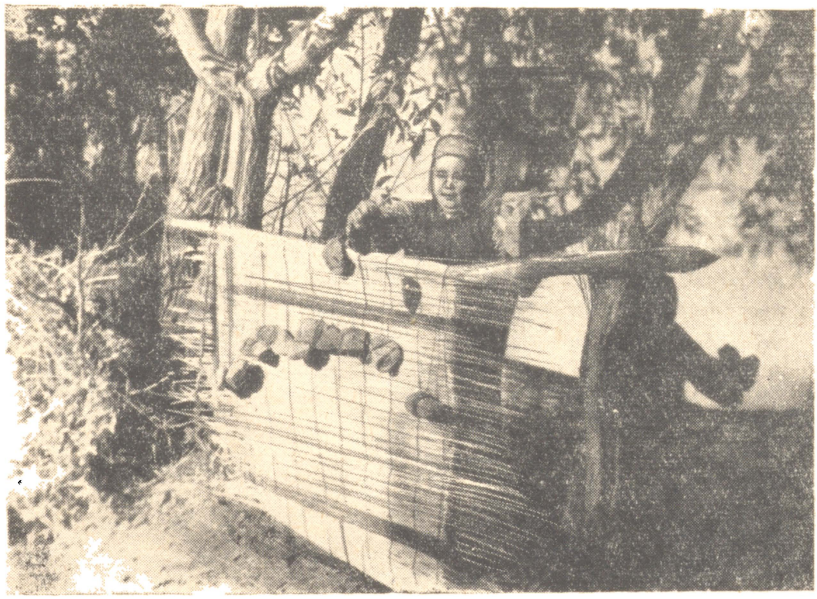


Рис. 20. Изготовление из стебля чияциновок.

мости от размера предполагаемой кошмы, катали трубку от себя вытянутыми от конца пальцев до локтей руками, иногда подбрасывая ее, затем развязывали и разворачивали кошму, снова поливали горячей водой и вновь катали.

Если нужно было делать орнаментированную кошму—ала кийиз, то после первого развертывания трубки женщины накладывали на полуготовую кошму нужный узор из шерсти другого цвета (естественного или окрашенного искусственно), затем поливали кипятком, сворачивали и продолжали катать.

Чтобы свалять кошму на чехлы для сундуков, для головного убора и для кементая (шерстяная одежда вроде халата) отбирали самую лучшую шерсть, особенно тщательно очищали ее от грубого волоса и столь же тщательно выбивали. Катали ее так же, как обыкновенную кошму, но более аккуратно и дольше.

Коврик кошемный—шырдак—отличается от обыкновенной кошмы тем, что на нем нашит орнамент. Шырдаки изготовляются из тонкой, хорошо выделанной кошмы двух цветов. Из двух кошм вырезались по трафарету совершенно одинаковые орнаменты и заменялись один другим. Края соприкосновения узора с полем зашивались цветным шнурком и сшивались с обеих сторон.

Из стебля чия изготовлялись циновки, шедшие для обтягивания кереге с наружной стороны юрты и на подбивку с внутренней стороны дверного занавеса. Каждый стебель чия был обвит шерстяными шнурами разных цветов, а у богатых—шелковыми[1].

С приходом русских, в результате скрещивания местных овец с овцами мериносных и шпанских пород, киргизы стали получать более

[1] Газета „Туркестанские ведомости" за 1894 г. № 31.

качественную шерсть. Шерсть тонкорунных овец имела широкий сбыт, она вывозилась на мануфактурные фабрики России. Оседлые киргизы, особенно те, которые жили по соседству с русскими селами или батрачили у русских, научились обращению с прялкой. Грубая самодельная шерстяная одежда киргизов дополнялась хлопчатобумажной и шерстяной одеждой. Материал для такой одежды завозился из Центральной России.

Если взять обработку кожи и шкур, то и в этом отношении влияние русской культуры было также заметным. Из кожи скота киргизы делали одежду и посуду. Кожа также служила предметом торговли и обмена. Из овечьей шкуры делали шубы, мужскую верхнюю одежду. Процесс работы по выделыванию овчины заключался в том, что с нее сначала тщательно снимали ножом все остатки сала и мяса. После этого овчину заливали айраном, смешанным с солью, и оставляли на 4—5 суток. Когда айран высыхал, то его опять подливали, и это повторялось до тех пор, пока обрабатываемая шкура не становилась достаточномягкой[1].

Рис. 21. Процесс обработки шкуры.

Потом серпом—мангелом или обломком косы со шкуры снимали высохший айран. Для того, чтобы шкуру сделать мягкой, ее мяли руками или ногами. Когда шкура уже становилась мягкой, ее белили мелом. На жаргак—штаны шла выделанная кожа домашнего козла, но лучшим материалом на жаргак считалась шкура горного козла.

Из кож крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей делали обувь, замшу, которая шла на седельные принадлежности, посуду и

[1] Газета „Туркестанские ведомости" за 1871 г. № 31.

др. Выделка кож производилась следующим образом: шкуру мочили в воде, сбривали с нее шерсть, а потом мочили 3—4 дня в айране с квасцами, затем высушивали, резали на ремни и мяли в руках.[1]

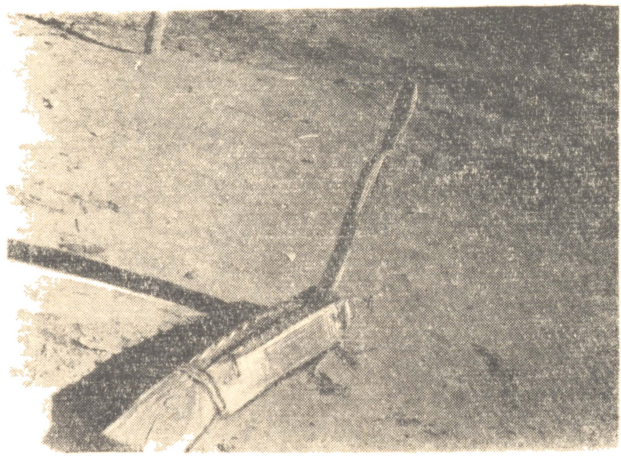


Рис. 22. Орудие обработки кожи—талку.

Из конской кожи делали преимущественно посуду—көнөк—ведра, саба, көөкөр—сосуды для приготовления и хранения кумыса. Чанач выделывался из козьей кожи. Выделанную из кожи посуду держали 20—25 дней в иштыке—коптильной яме. Коптильная яма была глубиной в 1 метр и диаметром 3—4 *м*. На расстоянии 1,5 метра выкапывалась печь. Из печи дым по дымоходу попадал в яму, где была развешана на палочках кожаная посуда. Иштык делали на берегу яра, на дне которого обязательно протекала вода. Верх ямы с подвешенной кожаной посудой тщательно закрывался разным тряпьем, чтобы дым больше задерживался в ней. Через неделю всю кожаную посуду переворачивали и еще оставляли на несколько дней. После того, как посуда достаточно прокоптится, её вынимали из иштыка и смазывали курдючным салом.

Кроме посуды из конской кожи киргизы делали кожаные сундуки. Из кожи теленка и жеребенка делали маленькие мешки—тулуп, в которых держали разную мелочь.

Примитивно обработанная кожа удовлетворяла скромные потребности киргизского кочевого домашнего хозяйства.

С приходом русских переселенцев методы обработки кожи стали иными. Чтобы получить кожу более качественную, киргизы, как и русские, стали обрабатывать сырье в кадушке, засыпая её по русскому способу мукой и солью. Выделка кож самими киргизами постепенно сокращалась, так как они стали покупать предметы фабрично-заводского производства. Изделия из самодельной кожи не могли обеспечить возросших потребностей. „Не только русское население, но даже туземное предпочитает кожи, получаемые из России“,[2]—отмечает Л. Ф. Костенко.

---

[1] Газета „Туркестанские ведомости“ за 1874 г. № 34.

[2] Костенко Л. Ф. Туркестанский край, т. III, СПб., 1880 г., стр. 84.

С приходом русских кожа стала предметом торговли, вывозилась на кожевенные заводы России. Кроме того, в Иссык-Кульской котловине русскими предпринимателями были созданы кожевенные мастерские. В уездном центре, г. Пржевальске, их существовало 6, а в селах уезда—12 кожеобрабатывающих мастерских,[1] в которых работали батраки-киргизы. В эти мастерские киргизы приносили кожу для выделки за плату, так как превосходство русской обработки перед примитивной киргизской было очевидно.[2]

Русские мастера-сапожники делали сапоги и продавали их киргизам на рынках г. Пржевальска. Если обувь—маасы—носили только богатые киргизы, которые покупались на рынках г. Андижана, то сапоги русской поделки стали распространяться среди большей части киргизского населения.

Обратимся теперь к рассмотрению способов и приемов обработки дерева. В киргизском хозяйстве деревообделочное производство не играло значительной роли. Этот вид домашнего ремесла обеспечивал лишь удовлетворение насущных нужд крестьянского хозяйства киргизов.

Обработка дерева не шла далее приготовления деревянных частей для юрт.[3] Правда, киргизы изготовляли из дерева несложную посуду, подставки для складывания постели, для сосудов с кумысом, небольшие сундуки и пр.

При изготовлении деревянных частей юрты (кереге, ууков, чамгараков и дверей) употребляли станок-тез. Станок представлял со-

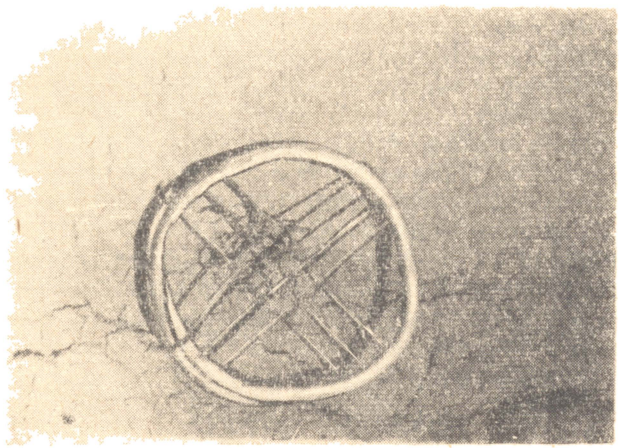


Рис. 23. Верхний круг юрты—тундук.

бой бревно длиной в 1,5 метра, высотой 1 метр. Посередине бревна делался вырез, при помощи которого мастер выгибал палку. Чтобы ууки имели наибольший изгиб и сохраняли его надолго, они время от времени по 2—3 дня согревались в бараньем помете.[4] На ууки и кереге употреблялись тонкие ивовые жерди (тал).

[1] Обзор Семиреченской области за 1912 г., Верный, 1913 г., стр. 70.

[2] Полевая запись. Бекбоев Татан, 1857 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Ак-Дюбинского сельсовета, Джеты-Огузского р-на.

[3] Обзор Семиреченской области за 1893 г., Верный, 1894 г., стр. 27.

[4] Полевая запись. Чоткараев У., 1881 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Карла-Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

На изготовление түндүка предпочитались породы более твердого дерева—береза или клен, при отсутствии их употреблялся и тополь.

Для придания түндүкү формы круга в землю вбивались колышки, по которым и выгибали дерево, пока оно не приобретало определенного изгиба. После этого в түндүке прожигали сквозные дыры для вставления ууков.

Для входа в юрту делались двери, которые состояли из косяков и порога. К косякам иногда привешивалась сплошная или решетчатая дверь.

Из дерева киргизы делали посуду. Из болванки топориком (керки) и ножом выделывали ложки (кашык), чашки (аяк), половники (сүзгү), миски (табак). Ручки ложек и половников укреплялись перпендикулярно к поверхности ложки. Мастера по выделке посуды назывались кырмачы.[1]

С приходом русских самодельная деревянная посуда стала заменяться заводской: фарфоровой, фаянсовой, железной, чугунной, медной. Местные мастера при изготовлении ложек, чашек и т. п. начали принимать за образец русскую посуду, привезенную из России. Киргизы стали выдалбливать из дерева круглые кадушки для хранения воды, бузы и продуктов. Кадушки делались преимущественно из дуплистого дерева. Таким образом, местная самодельная кадушка заменилась русской, которая была легче по весу и более вместительной и прочной.

Выделывались киргизами деревянные части седла. Для седел брали большую болванку тополя и керкой и ножом придавали ей нужную форму. Мужское седло обшивалось кожей. Особенно отделывались украшениями седла у богатых женщин. Седельные принадлежности украшались серебряными бляшками и различными полудрагоценными камнями. Стремена седел богатых мужчин и женщин были серебряные или медные с насечками.

Деревянный остов седла у бедняков прикрывался войлоком, стремена делались из дерева, а сбруя была без всяких украшений.[2]

Деревянные стремена киргизы заменяли железными, приобретенными у русских кузнецов.

Киргизы изготовляли из дерева крышки для казанов (казанбак), лопаты, ружейные ложа, сабельные ножны и колыбели.[3]

Деревянные части юрты, седла и разные деревянные подставки красили охрой.

Краску киргизы добывали сами. Они выкапывали „ышкын-туп"—корни кислички, растущие в горах, растворяли их в воде и таким образом получали желтую краску, которой окрашивали шубы. Из красной глины киргизы добывали красную краску—джошо, которой красили решетчатый остов юрты: уук—палки, соединяющие кереге с дымоходом (түндүк), каалга—двери к юртам, босого—косяки и др.

---

[1] Полевая запись, Калбаев А., 1895 г. рожд., колхозник сельхозартели „Большевик", Тонского района.

[2] Полевая запись. Абышкаев Ж., 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Темировского сельсовета, Иссык-Кульского района.

[3] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа, 1946 г., стр. 31.

С приходом русских деревообделочное домашнее ремесло киргизов получило толчок для развития. Мастера-киргизы усвоили от русских новые орудия труда, топор (ак балта), пилу, рубанок, бурав и др. Мастера, изготовлявшие деревянные части юрт и несложную посуду, научились делать из дерева вещи, в которых появилась потребность в киргизском быту. Они переняли у русских умение изготовлять деревянные части телег, бричек, саней, деревянные кровати, рамы для окон и дверей, грабли, бороны и др.

Уже в предреволюционные годы среди киргизов начало быстрыми темпами развиваться плотницкое и столярное ремесла. Развитию этих ремесел способствовало, во-первых, возникновение в Иссык-Кульской котловине деревообрабатывающей промышленности, в частности, постройка лесопильных заводов в Чон-Джаргылчаке и Теплоключенке;[1] во-вторых,—тесное сближение с русскими крестьянами-переселенцами, у которых киргизские бедняки, особенно батрачившие у зажиточных крестьян, учились плотничеству и столярному делу;[2] в-третьих,—переход бедной части населения к оседлости, что требовало знания плотницкого дела для строительства домов и других хозяйственных построек, для поделки домашнего инвентаря и т. д.

Металл в жизни киргизов не мог играть значительной роли, хотя обработка его была известна им с давних времен. Они добывали железо на оз. Иссык-Куль путем плавки шлихового железного песка. В примитивных горнах получалось железо, которое затем превращалось в сталь.[3]

Бардашев Г. в „Записках о дикокаменных киргизах" указывает: „Железо для выделки оружия и для домашних принадлежностей черные киргизы добывают в небольших размерах и весьма первобытными способами из черного крупного песка, собираемого на берегах Иссык-Куля. Свинцовые руды встречаются также в кочевьях черных киргизов, но не разрабатываются ими".[4]

Киргизы, занимавшиеся обработкой металла, делились на кара-уста—мастеров по кузнечному делу и на шылдар-уста—мастеров по серебру. Это были как раз те ремесленники, к которым можно отнести слова В. И. Ленина: „Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой".[5] Конечно, приведенные выше слова В. И. Ленина применимы к киргизам ремесленникам, занимавшимся одновременно ремеслом и скотоводством. Эти ремесленники работали у себя в аиле, ведя одновременно свое хозяйство и сбывая предметы своего ремесленного изделия, или ездили из аила в аил, из рода в род, из волости в волость, выполняя заказы.

Шылдыр-уста изготовляли из серебра и из цветных камней пуговицы, всевозможные женские украшения, седельные бляшки и т. д. Кара-уста делали кетмени, топоры, серпы, ножницы

---

[1] Газета «Семиреченские областные ведомости», за 1903 г.

[2] Тюрин Ф. А., 1871 г. рожд., колхозник сельхозартели «Большевик», Тюпского сельсовета, того же района.

[3] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946 г. стр. 32.

[4] Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, СПб., 1874 г. т. III, стр. 74.

[5] В. И. Ленин., Соч., т. III, стр. 286.

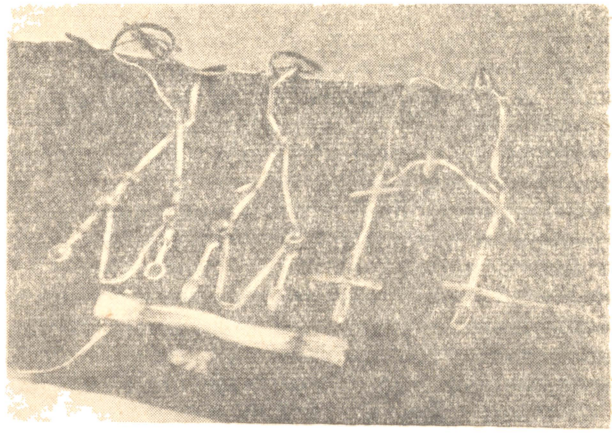


Рис. 24. Конская сбруя, украшенная серебром.

для материи и для стрижки овец, бритвы, подпилки, шила, клещи, сальники для свечей, железные путы, сабли, пики, секиры, фитильные ружья.

Кузница помещалась в той же юрте, где жил сам хозяин-мастер. Устройство ее было самое простое. Горн устраивался на квадратной площадке из глины. На середине ее из глины же приделывали конус, где имелось небольшое углубление для угля. В основание конуса вставлялся ручной мех с таким расчетом, чтобы струя воздуха могла попасть в горн. Наковальня укреплялась в земле.

Железо, добываемое киргизами примитивным способом, не могло обеспечить потребность населения, поэтому они покупали железо у русских и ковали из него нужные вещи.[1]

Кузнечное дело у киргизов поднялось на более высокую ступень только с приходом русских. Если раньше у киргизского кузнеца были примитивные и однообразные инструменты, то теперь, особенно в связи с переходом киргизов к оседлости, появились отдельные кузнечные помещения и киргизы-кузнецы приобрели у русских такие инструменты, которых раньше не имели. Киргизы, беря пример с русских крестьян, стали делать железные части телег, борон, серпы, капканы и т. д. От русских же крестьян-переселенцев киргизы научились и некоторым другим ремеслам, как, например, шорному, кожевенному. Уже в 1913 году среди киргизов было 3614 ремесленников.[2]

Итак, киргизское примитивное ремесло начало совершенствоваться также под влиянием русских мастеров.

Транспорт и связь

В Иссык-Кульской котловине были караванные, верховые и вьючные пути и тропы. К караванным путям (кара жол) относились те пути, по которым ездили купцы из Китая в Среднюю Азию и обрат-

---

[1] Газета «Туркестанские ведомости» за 1874 г. № 32.
[2] Обзор Семиреченской области за 1913 г., Верный, 1914 г., стр. 14.

но. Эти тропы лежали по северному и южному берегам озера и имели не более 1,5 *м* ширины. По тропинкам киргизы совершали иногда большие переходы по опасным горным кручам и берегам быстрых рек. Кроме названных путей, существовали еще бараньи тропинки—кой жол. Ими были испещрены горы вдоль и поперек, по ним киргизы перегоняли скот на высокогорные пастбища. Вот как описывал Каульбарс пути сообщения в Иссык-Куле: „Каждую личную лошадь мы отдельно вели, почти втаскивали на вершину, сделав шагов 10. Несчастные животные останавливались, чтобы собраться с силами и, когда, наконец, караван стоял на вершине перевала, не было почти ни одной лошади без ран на ногах и других частях тела.

Приходилось лезть вверх с камня на камень, от тропинки почти нет следов".[1]

Киргизы ездили на лошадях, верблюдах, быках и яках. Эти животные также использовались под вьюком: „Тяжести перевозили вьюком или на чийне-волокуше, которая служила для перевозки сена, хвороста и других грузов".[2]

Только после появления на Иссык-Куле русских поселенцев улучшились дороги, стали строиться мосты через многочисленные реки и установилось регулярное движение. Первые русские переселенцы прибыли из г. Верного через перевал Санташ по горным тропам, перевозя вьюками свои грузы и телеги в разобранном виде на лошадях.[3]

С образованием русских селений и установлением уездной администрации началось строительство дорог. Первая колесная дорога была построена в 1869 году, она соединила г. Пржевальск с г. Верным. Эта дорога шла почти по ровному грунту. Длина этой благоустроенной дороги равнялась 300 *км*. Но дорога через Санташ имела и свои неудобства. Она часто размывалась водой, к тому же зимой становилась совершенно непроходимой, так как частые вьюги заносили её снегом, вследствие чего прекращалось всякое движение.[4] Это неудобство заставило администрацию строить дорогу через Боом, хотя этот путь был много длиннее и его прокладка стоила огромных трудов и больших средств.

Это строительство началось в 1872 году и в том же году было закончено солдатами Туркестанского военного округа.[5] До постройки дороги по ущелью Боом пролегала узкая тропинка для верховой и вьючной езды.

Строительство дорог и их ремонт возлагались на местное население в порядке натуральной повинности; на устройство мостов и их ремонт производились денежные сборы. Дороги исправлялись два раза в год—весной и осенью. При этом ремонт отдельных участков распределялся с учетом твердости грунта, протяженности и отдаленности от кочевок. Обилие рек, оврагов заставляло население строить мосты, для этой цели собиралось с каждой юрты по 50 коп. Таким

[1] Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные за время путешествия 1868 г. Записки императорского географического общества по общей географии, т. V, СПб., 1875, стр. 414.

[2] Абрамзон С. М. Очерки культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946 г., стр. 40.

[3] Полевая запись. Бекбоев Татан, 1857 г. рожд., колхозник сельхозартели им. Сталина, Ак-Дюбинского с/совета, Джеты-Огузского района.

[4] Шрейдер П. И. По окраинам. Путевые очерки. СПб., 1893 г., стр. 123.

[5] Там же, стр. 124.

образом, в 1875 году было собрано с киргизов на строительство мостов 8256 руб. и так как у киргизов тогда еще не было инструмента для строительства дорог, то значительная сумма—1000 руб.—была выделена на приобретение его.[1]

В 1886 г. были окончательно завершены работы по строительству дороги через Боомское ущелье. На постройку ее было затрачено всего 81.074 рабочих дня и 15232 руб. деньгами[2]. Итак, по примеру русских, киргизы участвовали в постройке колесной дороги по обеим берегам Иссык-Куля и дорог между уездными городами Семиреченской области.

Натуральная повинность и денежные сборы на устройство мостов ложились тяжелым бременем на киргизское трудовое население. Натуральная повинность по постройке и ремонту дорог выполнялась „в течение самого благоприятного времени для найма на полевые работы, пастьбу скота и для других различных заработков у русских или у баев,—байкуш(бедняк) лишается всего этого и семья его к зиме оказывается в самом беспомощном положении: без гроша в кармане и без хлеба в доме".[3]

С момента построения дороги установилось регулярное сообщение как по окружности озера, так и с городами России. Это сделало возможным ввоз товаров широкого потребления, и таким образом, установилась тесная экономическая связь России с Киргизией. В результате улучшения дорог киргизы стали пользоваться заимствованными у русских телегами, бричками и санями, на которых возили хлеб, сено, лес и другие материалы, необходимые в хозяйстве. Киргизы, переняв от русских телеги и сани, заимствовали и соответствующую терминологию из русского языка; оглобли—оглоп, ось—ос, хомут—каамыт, шлея—шилия, дуга—дого и т. д.

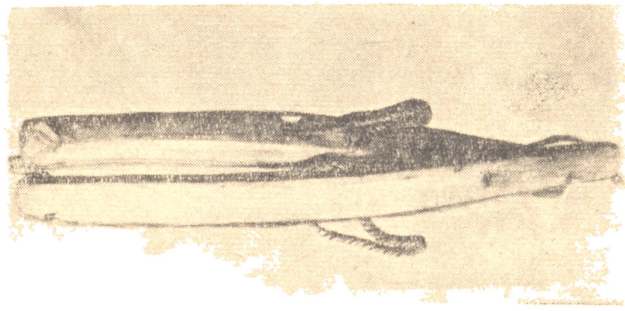


Рис. 25. Жапанза—хомут.

Естественно, что телеги, брички и сани прежде всего появились у оседлых киргизов-земледельцев. Они, покупая или делая телегу и сани, сами „стали терять даже свой облик всадников и ездить, подобно крестьянам, на телегах".[4]

Распространение у киргизов этого транспорта иллюстрируется следующими цифрами: в 1913 году киргизы Иссык-Кульской котло-

[1] Газета «Туркестанские ведомости» за 1895 г. № 83.
[2] Обзор Семиреченской области за 1886 г., Верный, 1887 г., стр. 43.
[3] Шрейдер П. И. По окраинам. Путевые очерки, СПб., 1893 г., стр. 124.
[4] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910 г., стр. 332.

вины имели 402 телеги, 282 арбы—брички и 853 саней.[1] Между городом Пишпеком и Пржевальском с 1871 года существовала регулярная почтовая связь, в связи с чем на протяжении 400 *км* было устроено 15 почтовых станций.[2] Кучерами и проводниками на этих станциях работали в большинстве случаев киргизы.[3]

Итак, киргизы с помощью русских овладели новыми видами транспорта и средствами связи, научились строить широкие грунтовые дороги с прочными и удобными мостами. После постройки почтовых трактов и установления почтового и телеграфного сообщения киргизы стали интенсивнее втягиваться в экономическую и политическую жизнь всей страны.

---

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII, Пржевальский уезд, Петроград, 1915 г., стр. 595.

[2] Дмитриев-Мамонов А. И. Путеводитель по Туркестану и жел. дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской, Петроград, 1915 г., стр. 448.

[3] Шрейдер П. И. По окраинам. Путевые очерки, СПб., 1893 г., стр. 124.

II ГЛАВА

ДОМАШНИЙ БЫТ КИРГИЗОВ В СВЯЗИ С ВЛИЯНИЕМ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселение

Киргизы Иссык-Кульской котловины, ведущие кочевой образ жизни, в поисках свежих пастбищ и чистой воды стремились всегда расселяться аилами (поселениями) на берегах рек, ручьев и родников.

Киргизские аилы по своему составу были немногочисленными и состояли из нескольких юрт (от 2 до 10 и более), обычно принадлежавших членам родового подразделения. Но вместе с ними иногда кочевали и члены других родов, связанные родственными узами по женской или мужской линии. Последние проводили в кочевье один или несколько сезонов и возвращались к своему роду.

Во главе аила обычно стоял манап или бай, занимавший должность „аксакала", который решал судьбу и эксплуатировал сородичей, используя родственные связи.

Поздней осенью кочевники спускались в низины гор или к берегам озера Иссык-Куль, где останавливались на зимовках—кыштоо. Вокруг зимовки „аксакала" располагались в беспорядке кыштоо его подчиненных. В горных долинах и ущельях имелись пастбища для подножной пастьбы скота в зимний период (с октября по март) и, кроме того, сенокосные угодья и земли для посевов зерновых.

Однако упомянутые выше родовые подразделения не являлись хозяйственными объединениями, и члены их, особенно летом, не проживали на общей территории. Еще задолго до принятия русского подданства среди киргизов существовала значительная имущественная дифференциация. Среди кочевавших киргизов имелась часть хозяйств, обладавших незначительным количеством скота, и даже бесскотных, в то время как в руках отдельных богатых владельцев сосредоточивались тысячи голов лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз. Богатые киргизы-скотоводы являлись фактически владельцами больших просторов кочевий и пастбищ, лишь номинально составляющих собственность того или иного рода.

В результате обострившейся имущественной дифференциации к концу XIX и началу XX вв. среди значительной части кочевников-киргизов все больше усиливается стремление к переходу на оседлый образ жизни. Этому во многом способствовало заселение Иссык-

Кульской котловины русскими переселенцами-крестьянами, начавшееся со второй половины XIX века.

Русские поселения Иссык-Кульской котловины расположены по берегам рек или вблизи трактов. Возникали они в начальный период заселения Иссык-Кульской котловины. Такое расселение вдоль рек было вызвано преимущественно наличием на низменных берегах плодородных земель.

Притрактовые селения появились позднее, главным образом в первом десятилетии XX в. Эти селения в большинстве своем вытянуты вдоль почтовых трактов. Дома расположены по обеим сторонам дороги, окна выходят на улицу. Улицы обычно тянутся параллельно тракту.

Планировка селений русскими переселенцами в Иссык-Кульском уезде шла на основе указа царского правительства, изданного после крестьянской реформы 1861 г. Крестьяне-переселенцы планировали села согласно строительному уставу, предусматривавшему проведение параллельных и перпендикулярных улиц. Кроме того, планировались и переулки (прожоги). Как улицы, так и переулки должны были быть широкими. Для жителей были нарезаны усадебные участки для хозяйственных построек, огородов, бань и пр. Баня крестьянами строилась обычно в стороне от жилых и хозяйственных построек, в огороде или в саду, чтобы предупредить возникновение пожара.

Одним из первых русских селений в Иссык-Кульской котловине был город Каракол[1] (ныне г. Пржевальск)—бывший административный уездный центр, возникший в 1868 году „на месте пустынном, изредка посещавшемся юртами кочующих кара-киргизов"[2].

К 1889 г. в г. Пржевальске насчитывалось более 5 тыс. человек. Было проведено некоторое благоустройство, так, например, улицы его освещались керосиновыми лампами.

В Караколе 20 октября 1889 г. скончался знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский. Согласно его предсмертной воле, он похоронен на высоком берегу озера Иссык-Куль. После смерти Н. М. Пржевальского Каракол был переименован в г. Пржевальск. „Память покойного (писала в свое время газета „Туркестанские ведомости") достойно была почтена народною волею, и наш город гордится выпавшей на его долю честью именоваться Пржевальском"[3].

О городе Пржевальске начала XX в. так писал А. И. Краснов: „Каракол в сущности очень большая южно-русская деревня. Он утопает в зелени. Прямые длинные улицы с чистенькими, беленькими домиками, с арыками и аллеями высоких деревьев производят приятное впечатление. Туземцы здесь живут в домах, построенных на русский образец, и вы сразу не отличите их от русских"[4].

В городе были открыты мужская прогимназия, женская гимназия, русско-туземная и сельскохозяйственная школы. Имя знаменитого русского путешественника Пржевальского было присвоено городской читальне и библиотеке.

---

[1] До середины XIX в. местность Каракол была покрыта сплошными лесами.
[2] Газета „Туркестанские ведомости", 1889 г. № 24.
[3] Газета „Туркестанские ведомости", 1900 г., № 7.
[4] Краснов И. А. Азиатская Россия, М., 1903, стр. 252.

Расходы на благоустройство города, здравоохранение и просвещение его населения были небольшими. Например, в 1905 г. они выражались суммой в 2515 рублей. В 1910 г. в Пржевальске жило 13948 человек. Его расходный бюджет в этом году составлял всего 45015 рублей.

Царское правительство выделяло больше средств на содержание администрации, армии, полиции и др., чем на благоустройство города и рост благосостояния народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции город Пржевальск совершенно преобразился. В послевоенные годы проведена большая работа по благоустройству памятника Н. М. Пржевальскому. Вокруг него на 16 гектарах заложен парк, в котором высажено около 50 тысяч декоративных деревьев. Открыт мемориальный музей Н. М. Пржевальского.

Как отмечалось выше, в Иссык-Кульской котловине почти все русские селения расположены по берегам рек. Такое расположение диктовалось в основном стремлением иметь питьевую воду и возможность вывести по арыкам воду для полива пашни, огорода, приусадебных участков и др.

Примером такого русского села может служить Преображенское, основанное в 1870 г. на левом берегу реки Тюп. В настоящее время оно переименовано в село Тюп, ставшее центром Тюпского района.

Село Преображенское было основано астраханскими и воронежскими крестьянами-переселенцами. Улицы в нем вытянуты с востока на запад, и названы они были по имени тех губерний, откуда прибыли сами переселенцы (например, Астраханская улица, Воронежская и др.). К концу первого года своего существования село Преображенское насчитывало всего 40 дворов. К 1904 году село разрослось и имело уже 327 дворов с населением 3475 человек[1].

В 1870 г. было основано село Теплоключенское, названное так потому, что в семи километрах от него, в живописном ущелье на берегу горной речки Ак-Су, бушующей между поросшими елью скалами, бьют из земли теплые целебные ключи, которые пользуются большой известностью у киргизов. Эти минеральные источники, в частности теплый целебный ключ Алма-Арасан, привлек внимание первых русских путешественников.[2].

Село Теплоключенское расположено на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль, вытянувшись параллельно реке Ак-Су. К началу основания села в нем насчитывался всего лишь 21 житель,[3] а к 1904 г. в нем было уже 215 дворов с населением 1898 человек[4]. В настоящее время село Теплоключенское является центром Пржевальского района.

В 1871 г. в устье реки Большой Ак-Су, на северном побережье озера Иссык-Куль, было основано село Сазановка (Байсоорун). Оно первоначально было названо Кунгей Ак-Су, а затем переименовано

---

[1] Шкапский О. А. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Вопросы колонии, 1907 г., стр. 21.

[2] Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань 1856—1857 гг. М., 1957 г. стр. 249.

[3] Русский Туркестан. Сб., изданный по поводу политехнической выставки, вып.1, М., 1872 г., стр. 39.

[4] Дьячков П. А. Известия Туркестанского отдела императорского русского географического общества, т. 1, вып. 1, Ташкент, 1898 г., стр. 4—5.

в село Сазановку. Свое наименование оно получило от многочисленных „сазов", т. е. болот. К началу основания в Сазановке было всего 15 переселенцев,[1] а к 1898 г. в нем насчитывалось уже 1580 жителей из самых разных губерний России. В 1910 г. население села выросло до 3535 человек. Здесь жили не только русские, но и украинцы, чуваши и др[2].

В настоящее время село Сазановка переименовано в село Ананьево в честь Героя Советского Союза, одного из 28 гвардейцев-панфиловцев Ананьева—уроженца села. Ананьево—центр Иссык-Кульского района.

В 1873 г. было основано русскими переселенцами-крестьянами село Сливкино (ныне Покровка)[3]. Одним из его первых основателей был тамбовский крестьянин Сливкин, поэтому и село было названо его именем. В первые годы существования в селе проживал 31 человек,[4] а затем оно начало расширяться и пополняться крестьянами, постепенно прибывавшими из Центральной России. Особенно пополнилось село Покровка в годы революционного движения в России (1905—1907 гг.), когда малоземельные и безземельные крестьяне выселялись на окраины.

Есть и такие русские села, которые получали названия по местной киргизской топонимике (Ой-Тал, Кудурга-Кутырга, Джергез и др.).

Необходимо отметить, что на Иссык-Куле имелись отстоящие от села или города на порядочное расстояние кулацкие (или помещичьи) усадьбы. На восточной окраине села Покровки, например, в конце 90-х годов XIX в. была построена усадьба. Киргизам эта усадьба была известна под названием „Көпөлөкчү Торонун багы", т. е. сад господина, занимающегося ловлей бабочек. На расстоянии 1,5—2 *км* на запад от гор. Прежевальска была основана усадьба крупного татарского помещика, известная киргизам как „Селделуу Молдонун багы", т. е. „сад муллы под чалмой". При таких усадьбах находились группы крестьянских изб, в которых обычно жили работники.

В наиболее живописных местах селений, в окружении декоративных деревьев и плодовых садов, располагался обычно дом старосты села и дома кулаков с их службами. Видное место занимала церковь, которая, как правило, строилась в центре села.

В 1900 г., в результате сильного упадка благосостояния, с одной стороны, и под влиянием общения с русским населением,—с другой, киргизы-бедняки местности Бозучук Тургенской волости впервые изъявили желание перейти к оседлой жизни. Эти киргизы были исключены из киргизской волости и образовали общество, приравненное к русским переселенцам. Перешедшие к оседлости киргизы представляли собой, главным образом, бедноту. Многие из них до того времени жили в работниках у богатых киргизов. К этой группе присоединились также киргизы, батрачившие у русских за-

[1] Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 1, М., 1872 г., стр. 39.
[2] Дьячков П. А. Указ. соч., стр. 6.
[3] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, 1910 г., стр. 210.
[4] Русский Туркестан. Сборник., изданный по поводу политехнической выставки, вып. 1, М., 1872 г., стр. 39.

житочных крестьян. Они, осев на землю, образовали селение Бозучук, которое вначале состояло из одной улицы, обсаженной тополями. Жители построили себе дома русского типа, преимущественно деревянные, с двускатными крышами и небольшими окнами. Однако многие из них еще жили в юртах и не строили домов. Село Бозучук имело в 1900 г. население 614 человек с земельным наделом около 6480 десятин пахотной и сенокосной земли. Киргизские крестьяне были освобождены от кибиточной подати и переведены на оброк, но с освобождением от уплаты его и всех повинностей на первые три года. Здесь выбирался старостой киргиз, а писарь назначался из русских[1].

Однако оседлое киргизское крестьянское село Бозучук быстро распалось. Попытка крестьян изменить веками установившийся строй жизни встретила ожесточенный отпор со стороны баев и биев, не останавливавшихся не только перед всякими насилиями, но даже и перед убийствами. Об этом говорится в одной из газет того времени: „... настолько велико еще значение и дикое влияние манапов, этих паразитов киргизского населения, что они смело и беззаконно противопоставляют всякому культурному начинанию дикий произвол и насилия"[2].

Несмотря на такой произвол баев и биев, поддерживаемый царским управлением, в 1912 г. все же создается ряд киргизских крестьянских селений, организованных малоскотными бедняками-киргизами.

Киргизские бедняки спустились из высокогорных долин к берегу озера на удобные для земледелия земли и в некоторых случаях совместно с русскими переселенцами образовали чисто земледельческие селения, которые „отразили на себе планировочную и строительную культуру русских деревень".[3] Такие киргизские села—Дархан, Темировка, Тон и др.—по существу ничем не отличались от обычной русской деревни. В них имелись широкие улицы, дворы с фруктовыми садами, огородами и декоративными деревьями.

С 1911 года заселение Иссык-Кульской котловины становится более интенсивным. Появляются новые русские села. „Там, где прежде были одни почтовые станции или виднелись редкие хутора на арендованной киргизской земле, теперь стоят русские поселки, цепь которых уже протянулась за гор. Пржевальск и по направлению к селу Покровское на южном берегу озера Иссык-Куль"[4]. Были созданы новые селения—Семеновка и Озерно-Фольбаумовское (ныне село Кутурга). Первое образовано на надельной земле сазановского общества выходцами из села Сазановки и отчасти русскими переселенцами, второе—одними переселенцами.

К числу селений, созданных в это время, относятся также Лизогубовка (ныне село Советское), расположенное к востоку от города Пржевальска, село Высокое (ныне районный центр Джеты-Огуз)—к

---

[1] Шкапский О. А. Киргизы крестьяне. Известия Русского географического общества, т XI, вып. IV, стр. 766.

[2] Газета «Туркестанские ведомости», № 16, 24 февраля 1900 г.

[3] Белоусов Б. Я. О социалистическом расселении Киргизской ССР, М.—Л., 1935, стр. 23.

[4] Газета «Семиреченские областные ведомости», № 249, 1911 г.

западу от Пржевальска, Богатыровка, Липенка, Иваницкое (ныне Шалба), Светлая Поляна и другие.

Жилище

Своеобразные исторические судьбы киргизов, кочевой образ жизни наложили отпечаток на тип и форму их жилища. Преобладающей формой жилища, в котором киргизы жили раньше как на зимовках, так и на летовках, являлась юрта. Она состояла из двух частей—деревянной и войлочной. Юрта легко собиралась и разбиралась, несколько человек могли ее перенести с места на место, ни-

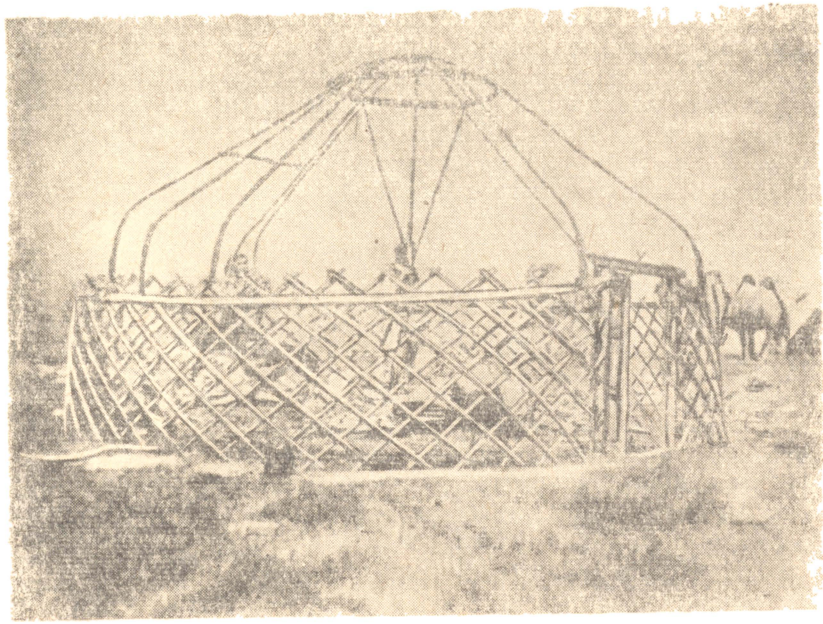


Рис. 26. Деревянный остов юрты (Музей антропологии и этнографии АН СССР, фото-фонд № 365).

сколько не нарушая взаимного соотношения частей. Летние юрты были больших размеров, покрывались одним слоем кошмы, а зимние—меньше и покрывались состоятельными киргизами двойными кошмами; бедные же киргизы за неимением второй кошмы утепляли юрту камышом.

Для защиты от ветров и метелей кочевники обычно выбирали места в лощинах, прикрытых лесом или зарослями. Киргизы всегда старались, чтобы поблизости зимовки или летовки были вода и топливо. Зимой юрту покрывали войлоком (туурдуки и узуки) серого цвета, а летом—белого. Киргизская юрта отличалась несколько по устройству деревянных частей от юрт среднеазиатских народностей[1],

[1] Об узбекской юрте см. Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1956 гг. М., 1952, стр. 355—356.

но она почти не отличалась от казахской. Купол киргизской юрты немного круче, чем казахской.[1]

До настоящего времени в среде киргизов нередко бытует юрта (боз уй). Такая юрта средних размеров, состоит из 6 отдельных решетчатых складных стенок—„канат", которые вместе называются „кереге". Они слегка выпуклы к наружной стороне.

Кереге отличаются размером ячеек (көз) решетки. Различают два вида: „жел көз" и „тор көз". Клетки, или ячейки, решетки у „жел көз" бывают больше по размеру, чем у „тор көз". Если среднюю по величине юрту определяют количеством „канат" (обычно 6), то при этом имеют в виду клетки кереге „жел көз", ибо на такую же юрту, при величине клеток решетки „тор көз" уходит семь, иногда—восемь звеньев. Следовательно, при покупке или продаже, как и в других случаях, размер решетки юрты определяется количеством звеньев, ячейки или клетки которых более крупные, т. е. названные „жел көз". Решетка юрты изготовляется из отдельных ивовых палок диаметром 2 *см*, выгнутых на специальном станке (тез). Палки эти прикрепляются крест-накрест с помощью ремешков из сыромятной кожи (көк), на расстоянии 15 *см*. Все палки кереге (за исключением боковых) размером должны быть одинаковы (боковые делаются короче). Ремешки продеваются сквозь пробуравленные шилом отверстия в местах скрещивания палок и закрепляются узелками по обеим сторонам. У богатых иногда вместо ремешков применялись медные и серебряные гвозди.

Описанный способ крепления позволяет сдвигать и раздвигать решетку. Каждое звено (канат) состоит из 10 пар палочек, образующих решетку с ячейками или клетками ромбовидной формы. Верхние развилки решетки кереге, образующиеся из концов связанных палок, называются „керегенин башы" (голова кереге), нижние развилки—„керегенин аягы" (ноги кереге), а боковые—„керегенин жагы" или „керегенин капшыты". Высота кереге 140—160 *см*.

При установке юрты решетки кереге ставятся вертикально на земле по кругу, так чтобы они плотно примыкали друг к другу боковыми развилками, и скрепляются особой волосяной веревкой или тканой из шерсти тесьмой (керегенин жанжиби). По верху кереге проходит шерстяная веревка (или тканая полоса—башчалгыч) для крепления его. Между канатами оставляют промежуток для двери, и концы двух крайних кереге прикрепляются тканными полосами к косякам двери (босого таяк). Числом звеньев или крыльев кереге киргизы отмечают величину юрты (в четыре, шесть, восемь, десять канат). На косяки вверху надевается притолока (босого), в которой имеются два отверстия для вставки боковых косяков. В нижней части двери ставится массивный порог (жербосого) с двумя углублениями, в которые вставляются нижние концы косяка (босого таяка). Косяки боковые прямоугольной формы, изготовляются из березы или ели.

---

[1] О казахской юрте см. «Казаки». Сб. статей. Издание АН СССР. Ленинград, 1930 г., стр. 7—8; Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896; Потанов Л. П. Особенности материальной культуры казаков, обусловленные кочевым образом жизни. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 56—58. Куфтин Б. А. Киргиз-казаки. Центральный музей народоведения. Этнографические очерки, М., 1926.

К верхним развилкам (рогаткам) кереге прикрепляются шерстяными веревками (уук боо) палки—уук. Уук в нижней своей части слегка изогнуты при помощи станка (тез). Делаются ууки из тальника специальными мастерами, которые обрабатывают молодой высушенный тальник при помощи тесла и особого струга. После предварительной обработки на ууки из тальников кладут овечий помет и держат их несколько дней в тлеющем навозе для распаривания. Навоз время от времени поливают водой, чтобы палки не загорались, после чего им придают определенную форму на станке и дают высохнуть.

В богатых юртах ууки украшались серебряными и медными пластинками. Кереге, ууки, дверные косяки и притолока красились обычно в красный цвет.

Верхнюю часть остова юрты образует обруч из более твердого дерева (березы, карагача) с накрест лежащими 6 или 8 палками, выгнутыми кверху. Эта куполообразная верхушка—дымовой круг—называется түндүк. Диаметр его 180—190 *см*. В түндүке делают сквозные косовыдолбленные отверстия, в которые входят концы выпукло изогнутых палок—уук, образующих крышу. Отверстий в дымовом круге должно быть столько же, сколько и самих ууков.

В нижнем своем изгибе ууки довольно сильно изогнуты, отчего и зависит куполообразная форма юрты. Ууки скрепляются друг с другом с помощью шерстяной тесьмы (уук тизгич) шириной 6—8 *см*. Верхние концы ууков на расстоянии примерно метра ниже түндүка скрепляются между собой другой шерстяной тесьмой шириной 2—4 *см*. Деревянный остов юрты покрывается кошмами, состоящими из нескольких отдельных частей. Нижняя часть юрты до изгиба, т. е. в основном кереге, закрывается сначала двумя или более циновками, сплетенными из степного растения—чия.

Чиевые циновки являются обязательной принадлежностью киргизской юрты. Стебли чия переплетаются цветной шерстью, образующей красивые узоры. Такие циновки пользуются широким спросом у населения. Чиевые циновки служат для обкладки решетки—кереге. „Циновки из чия в большом употреблении у киргизов,—писал один из путешественников,—и бока кибитки непременно заставляются чием, он плотен настолько, что защищает кибитки от пыли, огонь—от сильного ветра и вместе с тем пропускает свежий воздух и отчасти свет. Стебли чия связываются шерстяными нитками, которые окрашиваются так, что получается узорчатая циновка“[1].

Вертикальная часть юрты покрывалась четырьмя кошмами (туурдук) размером приблизительно 4 х 2 *м*. Каждая часть туурдука обязательно окантовывается по краю волосяным шнурком (жээк). Туурдуки прикреплены к остову кибитки так, что низ их обычно касается земли.

Раньше у бедных киргизов низ юрты на зиму засыпался землей, чтобы стекающая по кошме снеговая и дождевая вода не могла проникнуть в юрту; кроме того, эта насыпь частично защищала от холода. У баев юрты покрывались плотной водонепроницаемой кошмой, поэтому необходимости в засыпке землей не было.

---

[1] Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, М., 1950, стр. 263.

Туурдуки имеют по 2 петли для перевязывания шерстяной веревкой (туурдук боо), служащей для крепления.

Куполообразная часть остова юрты покрывается двумя кошмами —узук: алдынкы узук и арткы узук. Эти узуки доходят своей верхней частью до түндүка (дымового отверстия), а нижней покрывают верх туурдука, т. е. спускаются ниже изгиба ууков. Каждый узук имеет три веревки („узук боо"—верхнюю, среднюю и нижнюю), если большая юрта, то количество веревок, которыми узук прикрепляется к остову юрты, увеличивается до 6. Все края узука, как и туурдука, обшиты обычно красной шерстяной тесьмой (жээк), что, с одной стороны, является украшением, а с другой предохраняет края кошмы от быстрого износа. Для покрывания круглого дымового отверстия в юрте (түндүк) служит „түндүк жабуу", который представляет собой четырехугольной формы войлок. Тремя углами он прикрепляется к аркану (юрта кырчоо), которым юрта для скрепления частей опоясана снаружи. Четвертый угол имеет длинную веревку (түндүк боо), с помощью которой түндүк жабу откидывается или закрывает дымовой круг—түндүк. Через отверстие түндүка проходит свет и выходит дым от очага из юрты. От түндүка (с двух внутренних его сторон) свисают шерстяные арканы (жел боо). Они предназначены для того, чтобы во время дождя или снега в дневное время приподнять с внутренней стороны жердью (баканом) түндүк жабуу для света и выхода дыма. Кроме того, на эти веревки—боо—вешают сырое мясо над очагом для копчения.

Для придания юрте устойчивости при сильном ветре через нее перекидываются сверху несколько толстых и прочных арканов. Концы натянутых арканов прикрепляются к вбитым в землю кольям.

Юрта имеет традиционное деление на несколько частей. У противоположной входу стенки находится центральное, почетное место, где размещаются гости. Это место называется төр, оно покрыто лучшими цветными орнаментированными кошмами (алакийиз), коврами, медвежьими шкурами и др. За этим почетным местом, ближе к решетчатой стенке—кереге, стоят уложенные один на другой сундуки, тюки, на которые сложены одеяла и подушки (жүк). С внутренней стороны над кереге свешиваются кисти полосы (тегирич), сделанной на ткацком станке. Над тегирич протянут „ак этек" (шириной 15—20 *см*), над последним—"жабык баш" с художественной отделкой на высококачественной тонкой кошме.

В середине юрты, под дымовым отверстием, имеется площадка (коломто), огороженная поленьями или глиняным валиком размером 100х100 *см*. Здесь разводится огонь и устанавливается на трех ножках железная подставка (тулга) под котел или казан, служащий главной посудой для приготовления пищи. Левая от входа сторона юрты называется „мужской"—эркек жак. Она завешена занавеской (көшөгө), которая на день подбирается и затыкается за ууки, а ночью опускается, отделяя постель хозяина юрты от остальных членов семьи.

Правая сторона юрты является „женской"—эпчи жак. Она отгорожена циновкой из чия, разукрашенной разноцветной шерстью. На женской половине помещается чыгдан—кладовая с продовольственными запасами. В прошлом сырое и копченое мясо вешалось на стоящей тут же, богато отделанной серебром палке „ала бакан" с крючками (у богатых) или же на деревянном сучковатом шесте (у

бедняков). Между чыгданом и жүком находится место для жены хозяина, ее дочерей и маленьких детей, а у кереге, между чыгданом и жүком, обычно стоит „саба“ на подставке. Саба—это сосуд для приготовления и хранения кумыса, сшитый из конской кожи. Вблизи чыгдана, у дверей, помещается посуда и домашняя утварь. Дверь юрты (ешик) представляет собой кусок войлока, к которому пришит чий, опускающийся с самого түндүка. Дополнительно к такой двери часто делают двустворчатые деревянные двери на железных петлях. Створки дверей с внешней стороны запираются на железные цепочки.

Дверь юрты в большинстве случаев была ориентирована по направлению к озеру Иссык-Куль, потому что вся местность, расположенная вокруг озера, имеет к нему скат. Иногда дверь юрты ставилась в зависимости от направления господствующего ветра, с подветренной стороны. У верхней части войлочного ешика имеется боо—веревка, предназначенная для его крепления. Ешик с двух боковых сторон также имеет боо для привязывания к кырчоо юрты, чтобы в юрту не забирался скот.

Киргизская юрта раньше вмещала в себя все нужное для домашнего обихода. Все здесь было рассчитано, всему определено свое место. Для каждого гостя и члена семьи отводилось определенное место. В таком малом помещении нередко собиралось до 20—25 человек.

Для киргиза-бедняка юрта служила и хозяйственным помещением, где хранилась утварь, в ненастные и холодные дни укрывался молодняк скота. Богатые киргизы имели несколько юрт. Одни из них служили жильем для жен и детей, другие—для прислуги, третьи—специально для гостей. Богачи ставили отдельную юрту для хранения имущества и продуктов питания.

Ак уй—белая юрта раньше в большинстве случаев состояла из 12 канатов—крыльев решетки кереге. В ней жили только богатые киргизы. Все деревянные части у юрты были богато отделаны серебряными и медными украшениями. Покрывали эту юрту исключительно белыми кошмами, отчего она принимала особо красивый вид. Распространенным видом жилья для среднего киргиза являлась боз уй (серая юрта), которая сохранилась до настоящего времени. Она обычно состояла из 6 канатов (рис. 27).

Юрта для новобрачных называлась „өргө“. Ее отделывали внутри и снаружи орнаментированными украшениями и аппликацией из красного шелка или бархата.

Другим типом киргизской юрты был шалаш конической формы—алачык (рис. 28). Алачык—жилище бедного киргиза—внешне не похоже на обычную круглую юрту. Алачык состоял из 20—22 ууков, воткнутых прямо в землю. Верхние концы ууков вставлялись в түндүк—дымовой круг из дерева, который у этой юрты наполовину меньшего размера, чем у обычной юрты. Покрытие алачыка состояло обычно из разной кошмы и отрепьев. Такое жилье получило название „черного шалаша“.

А. Левшин дал правдивую характеристику тяжелых условий домашнего быта казахов зимою, которую можно целиком отнести и к киргизам. Он писал, что „жилища зимою часто со всех сторон заносятся снежными сугробами, дрожащие от несносного холода киргизы согреваются только путем постоянного поддержания огня у оча-

Рис. 27. Юрта середняка „боз уй" (Музей антропологии и этнографии АН СССР, фото-фонд № 262).

га. Они в одно и то же время страдают, с одной стороны, от жары, а с другой—от мороза. Между тем, ветер через верхнее отверстие и дверь наносит к ним хлопья снега и иногда, превращаясь в сильную бурю, опрокидывает войлочное жилище со всеми укрывающимися в нем. Между тем, нагие дети выползают из-под войлоков или овчин, которыми они обыкновенно бывают покрыты, и, садясь в горячую золу, обжигают себе руки и ноги; вопли их раздирают слух"[1].

С приходом русских киргизы стали постепенно строить на своих зимовках жилища нового типа. Оседлые киргизы, занимающиеся хлебопашеством, в первую очередь стали строить землянки и избы южно-великорусского типа с глинобитным полом. Деревянные дома киргизы строили очень мало. Бедняки не могли их строить, так как у них не было ни средств, ни транспорта, ни рабочих рук. Богатые же киргизы в деревянных домах жили только зимой. Строительством домов у богатых киргизов занимались преимущественно русские плотники.

Для иллюстрации приведем следующие статистические сведения, относящиеся к 1913 г., о характере киргизских жилищ по волостям, ныне входящим в состав Иссык-Кульской области[2].

[1] Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III, стр. 197—198.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VIII, вып. 1, Петроград, 1916, 11 сводная таблица статистических сведений о киргизском хозяйстве по административным аулам и волостям.

Рис. 28. Шалаш конической формы -алачык (Музей антропологии и этнографии АН СССР, фото-фонд № 207).

Из этих статистических данных видно, что в киргизском жилище еще преобладала юрта, однако уже твердо входили в быт и дома.

Наименование волостей	Постройки			Население 1913 г.		
	землянки	деревянные постр.	юрты	мужчин	женщин	всего
Торуайгырская	135	2	1506	4132	3346	7478
Кунгей-Аксуйская	37	7	1486	4177	3267	7444
Курментинская	13	2	1338	3676	2914	6590
Кенсуйская	50	34	1553	4196	3274	7470
Тюпская	184	9	1225	3220	2488	5708
Тургенская	92	8	2201	5961	4677	10638
Восточная Джеты-Огузская	237	17	1337	3633	3107	6740
Западная-Джеты-Огузская	589	38	1316	3828	3234	7062
Заукинская	200	38	1179	5222	2665	7887
Барскаунская	24	11	871	2415	1929	4344
Тонская	361	13	2038	5530	4515	10045
Улахолская	235	4	1957	4911	3795	8706

Глинобитное жилище (там) до революции широко бытовало среди беднейшей части киргизов. Строительство такого дома начиналось с того, что сначала очищалась и выравнивалась площадка, потом намечался размер жилища. Затем приступали к сооружению стен. Дом начинали воздвигать с боковых стен. Для этого вкапывали в землю два столба на расстоянии 59—60 *см* друг от друга, потом на расстоянии 2 *м* от них опять ставили два столба на таком же расстоянии друг от друга, как и первые. Все 4 столба соединялись жердями, которые привязывали к столбам. Между жердями клали глину, которую затем утрамбовывали. После того, как глину утрамбовали, вынимали с обеих сторон боковые жерди и перекла-

дывали их выше, затем опять накладывали глину и опять трамбовали. Для трамбовки использовалась большая деревянная колотушка.

Для устройства окна в стене оставляли свободное пространство шириной 40—50 *см*; затем этот проем перекрывали доской или поленом и продолжали возводить стены дальше. Окна делали на высоте не более 25—30 *см* от пола. Это объяснялось тем, что киргизы не пользовались столом и стульями, а отдыхали и ели на полу, на котором расстилалась кошма или овчина. Поэтому было нецелесообразно устраивать окна высоко от пола.

Окна всегда были снабжены одинарными деревянными рамами четырехугольной формы. Из-за отсутствия стекол в оконные рамы иногда вставляли пузырь или желудок домашнего животного.

Двери делались размером 150 х 80 *см*, обращены они в большинстве случаев были на юг, изредка ставились по направлению господствующего ветра, так, чтобы не дуло в них. Ручки дверей были деревянные или веревочные, последние пропускали насквозь через доску дверной створки.

Покрывали дом в следующем порядке. Бревно—устун длиной **4** *м* клали обоими концами посередине поперечных стен дома. Столб должен был возвышаться над стенами не менее, чем на 20—30 *см*. Это делалось для того, чтобы получить скат. На устун (перпендикулярно к нему) с двух сторон клали вплотную друг к другу жерди, шыргый толщиной 6—8 *см*. Поверх образовавшейся решетки накладывали камыш или тростник, затем клали пласт соломы, а на нее накидывали землю—топурак слоем 10—12 *см*. На топурак накладывали слой размешанной на воде глины—ылай, а затем смазывали ею внутренние стены жилья.

Для устройства пола сначала выравнивали грунт лопатой, после чего поливали на грунт воду и трамбовали его; когда получался твердый утрамбованный земляной пол, его намазывали тонким слоем глины, смешанной с коровьим навозом.

Печь—очок устраивалась в переднем углу, ближе к двери. Вытяжная труба шла вдоль стены к отверстию в крыше. Для сохранения тепла дымоход удлинялся, благодаря чему уменьшалась тяга и увеличивалась площадь нагрева. Очок служил как кухонной печью, так и печью для отопления.

Жилище киргизов Иссык-Кульской области, кроме глинобитного дома, имело мало отличий от жилищ русских, проживающих там же. Весь процесс строительства дома проходил в основном так же, как у русских. В большинстве случаев строительство вели русские мастера, особенно у богатых киргизов, а помощниками их являлись киргизы, батрачившие у баев. Во всех образованных с 1907 года по день революции киргизских селах имелись свои русские мастера, которые строили дома на договорных началах. Эти мастера жили в селах по нескольку лет и пользовались всеобщим уважением.

К 1917 г. жилища как у русских, так и у киргизов делились на следующие виды: однокамерный дом, пятистенный, связной и крестовый. Эти дома строились из сырцового кирпича и леса.

Необходимо отметить, что связные и крестовые дома строились исключительно баями и манапами. Мы считаем нужным дать описание связного дома, т. к. он представляет значительный этнографический интерес, ибо к моменту Великой Октябрьской социалистической

революции этот дом довольно широко бытовал среди имущих классов киргизского общества. Баи и манапы специально нанимали русских плотников, каменщиков для строительства своих домов.

Постройка кирпичного дома начиналась с закладки каменного фундамента. Сперва копали ямы глубиной до 50 *см*, во всю длину и толщину внутренних и внешних стен дома. Яму заполняли камнями и продолжали поднимать каменный фундамент на 30—40 *см* выше уровня земли.

Стены домов воздвигались из сырцового кирпича, приготовленного из глины, к которой примешивали саман (измельченная солома). На выбранных для выделки кирпича местах выкапывали кетменем неглубокие ямы, большею частью возле арыков, и в эти ямы, наполненные разрыхленной почвой, впускали воду. Затем туда спускался рабочий с кетменем, который тщательно размешивал ногами глину. Густую тестообразную массу топтали довольно долго, переворачивая ее кетменем, пока она не делалась вязкой. Когда масса была готова, ее собирали в кучу и оставляли до утра следующего дня, чтобы она затвердела. Готовую массу лопатой накладывали в деревянную форму (калып) в виде прямоугольного ящика с дном. Наполнив форму, ее тянули волоком или несли до места, предназначенного для просушки и, перевернув, опоражнивали. Кирпич на солнце сох несколько дней, для чего его переворачивали несколько раз; после просушки он сразу же употреблялся для постройки, или же складывался в пирамидки. Для предохранения кирпича от дождя и снега все пирамидки сверху обкладывались соломой, хворостом или же обмазывались глиной.

При возведении стен строения кирпичи скреплялись разведенной глиной. Толщина стен варьировала от 50 до 60 *см*.[1] До определенного уровня (130—140 *см* от земли) кирпичные стены делались сплошными, после чего в них на определенных местах оставляли проемы для окон. Когда кладка кирпича достигала верхнего уровня окна, то проемы окон с верхней стороны покрывали планкой—чистой толстой доской. Затем кирпичи закладывались выше окна еще на 30—40 *см*.

При возведении стен (кереге) постоянно следили за их кладкой при помощи натянутого шнурка и таким образом выявляли неровности. Когда стены были воздвигнуты, на них клали четырехгранные балки—матки толщиной 25—30 *см*. Количество балок в каждой комнате могло быть от 2 до 3. В проемах окон ставили косяки (кашек), также заранее сделанные плотником.

На балки клали и прибивали гвоздями доски—тактай, служившие потолком дома. У киргизов не было специального термина для обозначения потолка, они называли его описательно „верхние доски потолка" (уйдун устунку тактайы). На потолок наливали толстый слой сырой глины, смешанной с соломой, чтобы предохранить помещение от холода зимой и от жары летом.

Крыша дома, если она была плоско-двускатная, устраивалась на стропилах высотой 1 или 1,5 *м*, которые были расположены с обоих концов дома. На них клали длинную балку (ортонку устун), длина которой была соразмерна с длиной дома, а толщина равна 30 – 35 *см*.

---

[1] Полевая запись. С. Суранчиев, с. Ак-Дюбе Джеты-Огузского района, 1954 г.

По краям дома, с обеих сторон над стенами, клали тоже балки (четки устун). К балкам прибивали доски, соединяя среднюю балку с крайней, после чего образовывалась деревянная крыша, которую заливали толстым слоем серой глины, смешанной с соломой, чтобы предохранить дом от снега и дождя. Богатые киргизы делали из железа двускатную и четырехскатную крышу или деревянную—из теса.

Когда внешние стены дома были закончены, принимались за внутреннюю отделку. В оставленные проемы для окон вставляли рамы. Большие застекленные окна в домах баев и манапов имели ширину 80—90 *см* и высоту 115—125 *см*. Форточки в домах русские переселенцы не делали, поэтому в жилищах киргизов они также не практиковались. Двери между комнатами в некоторых случаях бывали двустворчатые, шириной 90—100 *см* и высотой 170—180 *см*. На дверях ставили задвижки, ручки и замки, навешивались они на железных петлях. Двери и окна покрывались краской[1].

В богатых домах пол настилался из досок. Для этого на подпольные балки прибивали гвоздями чисто строганные ровные доски (уйдун астынки тактайы).

Когда деревянные части дома были готовы, приступали к обмазке стен. Для этого приготовляли раствор, смешивая пополам саман с жидкой глиной. Полученной массе давали постоять несколько часов, а затем употребляли для первоначальной грубой штукатурки. После этого производили вторичную штукатурку, которая делалась более тщательно, с выравниванием поверхности железными терками. Это первичное выравнивание, при котором сглаживались все неровности, швы и шероховатость кирпича, по-киргизски называлось кара шыбак. Затем накладывался третий слой раствора, который приготовлялся из просеянной глиняной пыли, песка и воды. После этого поверхность получалась уже совсем гладкая, называемая по-киргизски—кум шыбак. Внутри и снаружи помещение в богатых домах иногда белили известью.

К дому, хотя и редко, пристраивали террасу, которую киргизы называли колидор, или айванча. Ширина террасы—от 1,5 до 2 *м*. Она проходила по всей длине дома, но только с внутренней его стороны, с выходом во двор.

Подполье, которое киргизы называли и называют подполом, делали глубиной от 1 до 1,5 *м*, в нем в большинстве случаев хранились хозяйственные вещи.

Отеплялись жилые дома железными печами, топили их еловыми дровами, хворостом и кизяком.

Кроме кирпичных домов, в Иссык-Кульской долине были распространены деревянные дома, строительство которых киргизы также заимствовали от русских. Местная тяньшанская ель, как и ель в России, считается плохой строевой породой, так как ствол ее неровный: с корневой части он очень толст, а на конце тонок. Для строительства домов всегда использовалась старая ель, так как она прочнее и крупнее.

Заготовка леса производилась наемными рабочими, осуществлявшими постройку, и силами ближайших родственников. Стены домов не складывались, как в России, из крупных бревен, так как тянь-

[1] Полевая запись. К. Калкабаев, Барскоон Покровского района, 1954 г.

шанские деревья для этого непригодны. Их распиливали в длину и получали большие толстые (20 *см*) доски.

Фундамент дома укладывался на высоту 75—100 *см* из сырцового кирпича, скрепленного между собой глиной. На кирпичный фундамент дома клали довольно толстые бревна. Затем возводили сруб из распиленного леса. Потолок и пол делались из досок. Иногда дома ставились не на фундаменте, а просто на большие камни, подложенные под четыре угла.

До Великой Октябрьской социалистической революции деревянные дома строились в основном однокомнатные. Богатые киргизы строили пятистенные, связные и крестовые дома, состоявшие из нескольких комнат. Бревна мохом не прокладывали и не конопатили. Иногда срубные дома штукатурились только изнутри. Для сохранения тепла стены в большинстве случаев штукатурились с внешней и внутренней стороны. Штукатурка из глины, смешанной с соломой, наносилась толстым слоем.

Крыши деревянных домов бывали высокие, двускатные и четырехскатные у богатых, а у бедных—плоские, двускатные. С внутренней стороны двора имелись террасы. У богатых киргизов жилые дома чаще всего делились на три части: изба—сени—изба. Все эти части представляли собой отдельные срубы, которые соединялись нижними и верхними бревнами. В домах обычно были железные печи.

Из хозяйственных построек имелись сараи, навесы, овчарни и др.[1]

Обычным сезоном для возведения жилого дома и хозяйственных построек являлись летние месяцы: с мая по август. В течение этого времени заканчивались все строительные работы, что давало возможность своевременно приготовить жилое помещение к зиме, основательно его просушить.

Резные украшения раньше применялись в богатых кулацких домах и у татарских купцов. Украшались наличники, карнизы, веранда и т. д. Резьба, сделанная путем пропиловки, очень разнообразна по орнаментике. Особенно богаты резьбой дома в русских селениях и в г. Пржевальске.

В передней комнате у богатых киргизов главным украшением являлся настенный ковер—тушкийиз, который отличался высокими художественными декоративными достоинствами. Тушкийизами украшали центральные стены против входа. С обеих сторон тушкийиза висели вышитые полотенца, лисьи шкуры. Пол обычно устилали орнаментированными цветными кошмами. На окна вешали занавески—пардоо. Занавески делались из хлопчатобумажной или шелковой белой ткани.

В киргизском доме постепенно начинали входить в быт деревянные кровати. На кроватях складывали несколько стеганых ситцевых, сатиновых или шелковых одеял (журкан), покрывали их пикейным одеялом с подзором (керевет жанкыч). Такая кровать изменяла внешний вид комнаты киргизов, постепенно вытесняя стоявшую вдоль переднего угла деревянную подставку, на которую складывали постель. Иногда в киргизском доме постоянного типа можно было видеть столы, стулья, табуретки и скамейки. До революции мебель у

[1] Полевая запись. К. Макымбетов, с. Темировка Иссык-Кульского района, 1953 г.

русского населения была неподвижная и изготовлялась при постройке дома. И по сей день сохранилась в некоторых домах неподвижная мебель – лавка, стол, длинный стул и т. д. (села Тюп, Покровка, Ананьево и др.). В настоящее время мебель состоит из обычных столов, стульев, шкафов, диванов и др.

Из посуды постепенно входили в обиход киргизов чугун (чонко) для варки пищи, большие деревянные медные чашки или блюда для еды и замешивания теста, деревянные большие сосуды.

У входа в дом висели жестяные русские подносы (патмус), украшенные узорчатой росписью. На этих подносах разносили чай, когда было много гостей.

Баи и манапы в большинстве случаев строили дома на своих основных зимовках, где они могли проводить большую часть года. Домом русского типа, например связным домом, хотели показаться перед администрацией царской власти, поэтому не случайно, что в богатых домах была одна или несколько комнат, хорошо меблированных, с внутренним убранством, где сочетались элементы киргизского и русского быта. В таких домах нередко останавливались приезжие чиновники царского управленческого аппарата.

Из вышеизложенного видно, что киргизы под влиянием русских крестьян с переходом на оседлость начали строить такие же дома, как у русских. В селениях оседлого типа при строительстве домов они переняли строительную технику русского народа. Влияние русской культуры также сказалось на изменении внутренней обстановки жилища киргизов.

Однако, несмотря на распространение домов, до Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство киргизского населения оставалось жить в юртах.

Одежда

Киргизы до присоединения к России преимущественно носили одежду собственного изготовления, сделанную, главным образом, из кожи и шерсти животных.

Мужская одежда обычно состояла из рубахи – көйнөк и штанов — дамбал. Они шились из различных бумажных тонких тканей, предпочтительно белого цвета. Наиболее бедные шили их из шерстяной ткани домашней работы.

Мужская рубаха была туникообразного покроя, широкая и длинная, почти до колен, с разрезом, проходившим посредине груди. Воротник рубахи завязывался тесемками. Дамбал — штаны доходили до щиколотки; они были широкие сверху, но сравнительно узкие у щиколотки. Дамбал кроились без разрезов, с широким шагом и носились на вздержке на бедрах. Если они надевались поверх халата, то затягивались на талии. Кожаные штаны носились поверх сапог, а штаны, шитые из хлопчатобумажных материй, заправлялись в сапоги. Бедные киргизы носили штаны навыпуск, главным образом из жаргака, то есть из выделанной в виде замши овечьей кожи.

Поверх рубахи у состоятельных киргизов надевался кемсал – камзол, со стоячим воротником и длинными рукавами. Кемсал у богатых шился из сукна, черного сатина и ластика, а у бедных — из грубой дешевой или домотканной ткани. Длина кемсала не доходила до колен. За-

стегивался он на несколько пуговиц и петель, которые делались из той же ткани.[1] На боках кемсала делали карманы.

На ногах богатые киргизы носили сапоги—маасы, с мягкой подошвой без каблуков и с кожаными галошами—кепич. Зимою носили сапоги с войлочным чулком (кийиз байпак), валяным на особой колодке. Бедные киргизы носили чарык—обувь, состоявшую из куска невыделанной кожи мехом наружу, затянутой на ноге веревкой (чаще использовалась кожа с головы крупного рогатого скота или лошадей). Зимою пастухи привязывали на чарык к ступне тай туяк (копыта жеребенка), чтобы не скользить по горам при пастьбе скота.

Бедняки на голое тело надевали короткие бешметы на меху, сделанные из овчины; такие же были брюки, которые носили зимой. Поверх такого бешмета в холодное время года надевался еще шерстяной халат (чепкен). На его изготовление употреблялась ткань из овечьей или верблюжьей шерсти.

Богатые носили зимой лисьи и волчьи шубы (ичик), крытые сукном или бархатом, а бедняки—овчинные тулупы, окрашенные в коричневый цвет корою ивы. Более состоятельные киргизы носили такие же тулупы (ак тон), но из неокрашенной овчины лучшей выделки. Полы их были окаймлены черным овечьим мехом, кроме того, они имели черный откидной воротник из того же меха[2]. Мужчины носили на голове топу—конусообразную мягкую шапочку, похожую на тюбетейку. Старики предпочитали носить топу, сшитую из белой хлопчатобумажной ткани, а молодые—из черной или красной материи. На топу летом надевали конусообразную белую войлочную шляпу (ак калпак), с разрезанными по бокам и загнутыми кверху полями. Поля калпака обшивались черным бархатом или простой материей. Зимой киргизы надевали на топу еще шапку (тебетей), опушка которой делалась из меха ягненка, лисицы, куницы и др., а верх из различных материй.

Одежда женщин состояла из широкой рубахи (көйнөк) с широкими рукавами (жең). Рубаха женщины служила одновременно платьем и нательной одеждой. Штаны (дамбал) делались у женщин широкими и длинными, доходящими до щиколотки. Как рубаха, так и штаны шились из разного материала, чаще всего из ситца, сатина и маты. Женская рубаха была туникообразного покроя, а штаны—такого же покроя, как и у мужчин.

Богатые женщины шили рубахи из дорогих материалов—шелка, бархата; эти рубахи были очень широкими у подола (до 120 *см*). Ткани употреблялись различного цвета. Чаще всего это были ткани голубые, зеленые, красные, розовые и малиновые с набивными или тканными рисунками. На груди рубах делались сборки.

На ногах женщины носили ичиги—маасы, так же как и мужчины, а бедные мужчины и женщины—чарык.

Головной убор богатой молодой женщины состоял из высокой, отделанной украшениями, конусообразной шапки—шөкүлө. В праздничные дни женщины носили круглый, довольно высокий головной

---

[1] Полевая запись. Умарова С., 1893 г. рождения, колхозница сельхозартели «Большевик» Тонского района.

[2] Полевая запись. Сыдыкбеков А., 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина Ак-Булунского сельсовета Ново-Вознесеновского района.

убор—элечек, состоящий из 15—20 *м* белой ткани, несколько раз обернутой вокруг головы. На лобной части элечека богатые женщины пришивали повязку—кыргак, отделанную серебром. Часть элечека спускалась сзади на спину в виде шелкового или полотняного покрывала, сшитого из узкого полотнища.

Девушки носили круглую шапку—тебетей, тулья которой была из красного или голубого бархата; шапка была оторочена (на 10—12 *см* ширины) мехом выдры, бобра или куницы. Поверх тебетея пришивалась кисточка (чок) из цветных ниток, украшенная прикрепленными к ней перьями филина—уку.

Молодые женщины носили дома платок—жоолук.

Любимым праздничным нарядом девушек и молодых женщин являлся яркий бархатный кемсал малинового или зеленого цвета, украшенный позументом и обшитый на бортах амулетами (тумар), миниатюрными серебряными бубенчиками, монетами и др. Поверх кемсала надевался чапан из яркого бархата, бедные же делали его из верблюжьей шерсти.[1]

Волосы как у женщин, так и у девушек заплетались в косы, причем у первых в две косы, а у вторых—в большое количество тонких косичек (до 40), в которые вплетались яркие шелковые, а у бедных—шерстяные шнурки.

Уши украшались серебряными и золотыми серьгами с драгоценными камнями, руки—перстнями и браслетами. Бедные женщины надевали украшения из меди или вообще их не носили.

Поверх кемсала женщины надевали красиво вышитую плахтообразную одежду—бельдемчи. Бельдемчи „изготовлялись бедными киргизами из овечьих шкур (шерстью внутрь), а богатыми—из бархата, с вышивкой и оторочкой из меха куницы или выдры"[2].

Богатые киргизы подпоясывались поясом (кемер), отделанным серебром, или шелковым платком, а бедные—куском простой домотканой ткани или веревкой.

С приходом русских и проникновением в край капиталистических отношений, с развитием торговли киргизы начали пользоваться фабричными тканями более широко. Они постепенно стали заимствовать и русскую одежду. Распространению русской одежды среди киргизов способствовало экономическое общение обоих народов. В связи с этим частично изменялась старинная киргизская одежда, появились новые, более совершенные виды костюмов.

Местное мужское население восприняло от русских рубашку-косоворотку, которая шилась из фабричного ситца или сатина. На такую рубашку нашивались пуговицы. Поверх нижних штанов иногда одевались брюки русского образца. В зимнее время некоторые мужчины носили теплое верхнее платье, похожее на русскую поддевку. Зимою оседлые киргизы стали носить русскую шапку-ушанку, т. к. киргизская шапка плохо защищала от холода. Получили распространение сапоги, сшитые русскими сапожниками или киргизами, научив-

---

[1] Полевая запись. Багишева К., 1873 г. рождения, колхозница сельхозартели им. Ленина, Шалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

[2] Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника М. П. Кошарова. Сборник музея антропологии и этнографии, М.—Л., 1953 г., стр. 155.

шимися у русских сапожному делу. Зимой некоторые носили русские крестьянские валенки.[1]

Женщины у оседлых киргизов носили на голове платки различного размера, как и русские женщины. Они стали носить также вязанные из шерсти жакеты.

Пища

Пища киргизов в прошлом состояла главным образом из мясных, молочных и растительных продуктов.

Мясо употреблялось киргизами (за исключением бедняков) в большом количестве. Из него готовили разные кушанья. Самой любимой пищей киргизов был нарын, или беш бармак. Для его приготовления в казан клали мясо и варили долго, пока оно не становилось мягким. Затем вынимали из котла и крошили острым ножом в деревянное блюдо, перемешивали его с горячим бульоном. Ели готовое кушанье руками (отсюда и название его—беш бармак, то есть „пять пальцев"). Запивали нарын мясным наваром сорпо (бульон), в котором варилось мясо. С приходом русских и развитием земледелия киргизы стали на мясном отваре (сорпо) варить лапшу, мешая ее вместе с крошеным мясом. Однако лапшу с мясом ели главным образом киргизы-земледельцы, не имевшие большого количества мяса.

В летние месяцы на высокогорных пастбищах (джайлоо) состоятельные киргизы употребляли исключительно мясо ягнят, которое считалось очень полезным для здоровья. Вследствие этого в летние месяцы происходило массовое хищническое истребление молодых овец. Летом перед едой и после нее пили кумыс. Между прочим, киргизы, встречая во время летних перекочевок на своем пути айылы манапов и баев, обязаны были доставлять последним „шыбага", то есть вареное мясо для угощения.

Лошадей и крупный рогатый скот на мясо летом, как правило, не резали. Если же этих животных и приходилось резать (по причине увечий, болезней, ран и старости), то мясо их съедалось с меньшей охотой. Богатые киргизы мясо рогатого скота и лошадей отдавали летом своим бедным сородичам в долг, чтобы сделать тех еще больше зависимыми от себя.

В конце октября и ноября киргизы возвращались со своим скотом на зимовку. Начинался массовый убой скота (согум) для заготовки мяса на всю зиму. На согум богатые киргизы резали жирных старых лошадей, крупный рогатый скот и несколько овец. Только бедные киргизы резали на согум коз и баранов. Чтобы сохранить дольше мясо, его подвешивали для копчения на двух толстых, идущих от тундука, веревках (жел боо) над очагом юрты. Хранили мясо за чыгданом юрты на шесте—ала бакане. Предварительно, до копчения, мясо солили. Копченое мясо не портилось, могло долго сохраняться. После копчения его хранили в мешках—капах. Манапы получали от своих сородичей лучшую часть согума. Из конины делали казы—вид жирной колбасы, но она была доступна только богатым и считалась лакомством. Из мяса приготовляли также „куурдак", то есть нарезанное мелкими кусочками мясо, смешанное с салом и поджаренное в

[1] Полевая запись. Зыков П. В., 1870 г. рождения, колхозник сельхозартели „Большевик". Тюпского сельсовета, Тюпского района.

котле. С течением времени приготовление этого блюда подвергалось влиянию со стороны русской кухни—его стали дополнять овощами (картофелем), и оно получило новое название—жаркоп (жаркое).

Из внутренностей барана, особенно из легких, делали вкусное блюдо—олобо, внутрь легких наливали теплое молоко с топленым маслом и затем варили в котле.

Когда приезжали знатные гости или родители по мужской или женской линии (особенно жены), резали годовалого жеребенка. Мясо варили сообразно числу присутствующих гостей. Однако сколько бы гостей ни было, киргизы никогда для угощения не подавали внутренностей и ног. Большую часть мяса подавали в вареном виде, частично же мясо обжаривали на вертеле. Для этого его нарезали кусками, нанизывали на вертел и жарили на углях.

Другим распространенным продуктом питания у киргизов были молочные продукты. Хотя эта пища носила сезонный характер, она все же играла решающее значение в жизни киргизов. За все время весны и лета и до середины осени киргизы преимущественно питались молочными продуктами. Для получения сливок молоко кипятили в казане, после чего снимали и ставили в деревянных чашках для того, чтобы оно отстоялось, и через несколько часов снимали сливки—кам каймак.

Из кипяченого и квашеного молока приготовляли различные продукты. Одним из них являлось густое кислое молоко (жуурат). Для того, чтобы получить его, в молоко клали небольшое количество старого жуурата. Через несколько часов молоко свертывалось и получался очень густой жуурат. Жуурат киргизы считали очень питательным и вкусным продуктом. Самым лучшим считался жуурат, приготовленный из молока овец, потому что в овечьем молоке больше содержится жира. Из снятого молока приготовляли также айран—кислое молоко. Отличие айрана от жуурата заключалось в том, что для получения айрана с молока снимали жир и добавляли небольшое количество воды и жуурата, благодаря чему молоко свертывалось, превращаясь в айран.

Кроме того, из снятых сливок приготовляли сливочное масло, а из молока—эжигей, иримчик, сүзмө.

Сүзмө получали из жуурата и айрана, из которого удалена сыворотка, путем подвешивания его в мешке. Разбавляя сүзмө водой, приготовляли жидкий напиток (чалап), который пили для утоления жажды.

Из сүзмө делали также курут—сыр, в виде маленьких шариков, высушиваемых на солнце.

Одним из любимых напитков была куурма. Для ее приготовления в казане жарили муку с маслом, затем наливали некоторое количество молока, разбавленного водой и пили напиток в горячем виде.

Хлеба киргизы в прошлом ели очень мало. Только с приходом русских его стали больше употреблять. Готовили боорсоки—кусочки теста, испеченные в бараньем жире. Лепешки пекли в казане. На стенки казана налепляли тесто и ставили на сильный огонь; когда нижняя сторона испекалась, казан снимали с треножника и опрокидывали над горящими углями, опирая один его край на треножник, чтобы лепешки испеклись с верхней стороны.

Киргизская беднота почти весь год питалась молоком в различном видах, больше всего айраном, напитком жарма, приготовленным

Рис. 29. Доение верблюдицы (Музей антропологии и этнографии АН СССР, фото-фонд № 8).

из подсушенного на огне ячменя, который мололся на жернове, и талканом—толокном из ячменя.

Из напитков широко распространенным у киргизов был чай. К чаю подавали сахар в тех семьях, которым покупка его была доступна. В жаркие дни чай пили часто и помногу.

Богатые киргизы заваривали фамильный и кирпичный чай, а бедняки—суррогаты чая или просто корочку горелого хлеба. Чай богачи делали также из сахара: в горячий казан клали сахар вместе с салом, сахар перегорал, становился твердой черной массой, которую потом разбавляли водой. Богатые киргизы заваривали чай очень густо, пили его с молоком, медом и сахаром. Чай являлся раньше у богатых киргизов первым угощением, а после него уже следовали другие блюда.

Из хмельных напитков киргизы употребляли бузу (бозо), которую делали из проса и ячменя, а также кумыс, приготовленный из молока кобылицы. Раньше киргизы из кумыса гнали водку—арак. Позднее они стали выкуривать из пшеницы и ячменя самогон, а из сахара и хмеля приготовляли медок, заимствовав все это от русских крестьян.

Употребляли киргизы в пищу и ягоды дикорастущих растений.

Рыбу ели только бедные киргизы—и то редко. Богатые киргизы рыбу не употребляли из-за предрассудков. Домашней птицы киргизы до перехода к оседлости не разводили и поэтому ее не ели. Дичь употреблялась в пищу сравнительно мало, обычно теми, кто охотился. Определенного времени для приема пищи у киргизов не суще-

ствовало. Однако поздней ночью киргизы обязательно ели мясо или другие жирные блюда.

Киргизская посуда состояла в основном из деревянных чашек (аяк) для еды и питья кумыса, деревянных блюд (табак) для мяса и деревянных поварешек для супа, айрана и молока.

Наряду с деревянной посудой, широко бытовала и кожаная. Для разлива кумыса и доения кобылиц использовалось ведерко с носиком (конок), ручкой которого служила веревка, сплетенная из волоса конского хвоста.

Кожаное ведро употреблялось также для хранения воды и айрана. Для перевозки на дальнее расстояние айрана, кумыса и воды использовался бурдюк—чанач. Существовал также кожаный сосуд (саба), в котором приготовляли и хранили кумыс.

Кожаную посуду, прежде чем ввести ее в употребление, коптили в специальных коптильнях в течение 22—25 дней. Конок и саба делали из сыромятной лошадиной кожи, предварительно обработав и удалив из нее волос, а чанач—бурдюк—из козьей.

Под влиянием общения с русскими переселенцами, знакомства с богатой и разнообразной русской кухней пища киргизов стала более разнообразной, обогатилась новыми блюдами. Появились новые продукты питания, новые способы приготовления пищи.

Под влиянием русских в пищу киргизов, наряду с мясом и молочными продуктами, широко вошли продукты растениеводства, различные приправы, сладости, куриные яйца и т. п. С развитием земледелия киргизы стали больше употреблять муки и крупы. Хлеб выпекали в виде лепешек различного размера из пшеничной и ячменной муки, а киргизы, жившие в русских поселках, пекли его в русской печке на листах, на сковородке, а также жарили лепешки на растительном масле или животном сале.

Тесто замешивалось в больших деревянных или медных блюдах вместо деревянного (табак). Иногда киргизы, жившие вместе с русскими крестьянами, клали в тесто дрожжи. В тесто для жарения, чтобы оно хорошо поднималось, богатые киргизки, мужья которых работали в уездном управленческом аппарате, иногда примешивали хлебную соду, заимствовав это от городских русских жителей. Если хлеб пекли в тандыре или в русской печке, с верхней стороны его обмазывали яйцом, смешанным с топленым маслом, чтобы „подрумянить".

Иногда на сковородке или в казане пекли на масле пирожки с мясом или с картофелем, луком и перцем. (Имеется в виду кухня немногих киргизов, окончивших русско-туземные сельскохозяйственные школы и работавших в уездных административных управлениях).

Вошло в употребление как повседневное блюдо жаркое (жаркоп). Оно готовилось из мяса и картофеля с луком и перцем.

Овощи киргизами употреблялись обычно в небольшом количестве. Распространение получил картофель, который клали в жидкие блюда и ели как отдельное кушанье.

Суп с лапшой приготовлялся следующим образом. На масле поджаривалось мясо, нарезанное мелкими кусочками вместе с луком, перцем, овощами. Когда все это поджаривалось, наливали определенное количество воды. После того, как вода закипала, в нее опускали тонко нарезанную лапшу, приготовленную из пшеничной муки.

Иногда киргизы, батрачившие у русских кулаков, готовили борщ в казане. Наливали растительное масло или растапливали сало, клали туда нарезанное кусочками мясо и жарили его вместе с луком. Когда мясо достаточно поджаривалось, клали нарезанную капусту с помидорами и все это жарили на сильном огне. Затем наливали воду и доводили ее до кипения. Когда вода закипала, опускали в нее нарезанный картофель. При подаче борща в него добавляли кислое молоко[1].

Из риса или пшена варили кашу с подливой из топленого масла или сметаны.

Кипяченое цельное коровье и овечье молоко употреблялось взрослыми только с чаем. Кроме того, коровье молоко шло для кормления детей. От молока киргизы отделяли жировую часть. Из сливок сбивали масло, которое затем перетапливали. Из молока иногда делали творог по русскому способу; для приправы последнего употребляли топленое масло или сметану.

Кроме масла и сала, в пищу шли также и растительные жиры. Под влиянием русских крестьян киргизы начали сеять для получения растительного масла сурепку и подсолнечник. Одним из распространенных кушаний у киргизов стали куриные яйца. Их варили вкрутую и подавали к чаю, примешивали в тесто при выпечке хлеба, жарили на сковородке или в казане с луком и перцем.

Бедные киргизы употребляли в пищу рыбу: османа, сазана, форель, чебака. Из них готовили вид русской ухи, жарили рыбу в масле на сковородке,обваливая в муке, с луком и перцем. Приготовляли и употребляли также вяленую, копченую и соленую рыбу.

Во многих оседлых киргизских хозяйствах разводилась домашняя птица—куры, утки, гуси, мясо которых также шло для приготовления разнообразных вкусных блюд.

С развитием садоводства у киргизов стали употребляться в пищу фрукты: яблоки, урюк, сливы, вишни. Из некоторых фруктов варили иногда варенье, так же, как из ягод. Кроме того, фрукты (яблоки, урюк, сливы, груши) разрезали тонкими кусочками и высушивали на солнце.

Из сладостей наиболее любимым раньше являлся мед (бал). Он подавался к чаю и употреблялся также как пища для детей.

В киргизский быт вошли от русских железная, медная, чугунная, фарфоровая посуда; ножи, ложки, поварешки, чашки, медные и никелированные самовары, чайники и фарфоровые тарелки, кружки заводского изделия. Они постепенно вытеснили (хотя и не совсем) старую киргизскую деревянную и кожаную посуду.

Семейные отношения

Семейно-брачные отношения киргизов до революции регулировались адатом и шариатом. Обычное право устанавливало нормы брака, согласно которым запрещалось вступать в брак преимущественно с родственниками по мужской линии. Но в то же время с родственниками по женской линии брак мог быть заключен вплоть до второго колена, иногда же в редких случаях (сөөк жаңыртуу) брак заключали и в первом колене.

---

[1] Полевая запись. Мусаев А., 1883 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Ленина, Шалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

Обычное право и шариат позволяли киргизу жениться на нескольких женщинах одновременно, но только не на двух родных сестрах.

Возраст для вступления в брак определялся в 15—16 лет. Иногда этот брачный возраст снижался до 12—13 лет, особенно для девушек. Об этом у киргизов существовала поговорка: „Если девушка устоит на ногах, когда ее ударишь тебетеем (зимний головной убор), то она уже достойна быть женщиной".

Брачный сговор у киргизов совершался иногда еще при детском возрасте жениха и невесты.[1] Среди зажиточных киргизов и местной феодальной знати было распространено даже сватовство еще не родившихся детей (бел куда). Когда у одной из сговорившихся сторон рождалась девочка, а у другой—мальчик, то отец мальчика со дня рождения девочки начинал постепенно вносить калым.

У киргизов существовал обычай женитьбы и без калыма: это делалось тогда, когда у двух мужчин имелись сестры или близкие родственницы, которыми они и обменивались (кайчы куда).

Бедняки же чаще сватали своих детей в младенческом возрасте, так как это давало возможность выплачивать калым постепенно, по частям, что было гораздо легче.[2]

Бывали такие случаи, когда бедняк, не имеющий ни скота, ни денег, ни имущества, обращался за „помощью" к своему богатому сородичу. Богатый сородич выплачивал за него калым, а за это бедняк был обязан проработать определенное время у богача. Если же бедняк не мог погасить калым, то он и его жена оставались батраками богатого сородича, иногда на всю жизнь.

Существовало и такое положение (күч күйөө), по которому будущий жених, не имеющий ни родителей, ни родственников, входил в дом отца невесты и жил с женой вместе с ее родными.

Размер калыма зависел от материального состояния отца невесты и жениха. Богатый киргиз выдавал свою дочь только за богатого человека и требовал большого калыма, а бедные выдавали за бедного и получали меньший калым. Размер калыма зависел также от внешних, физических и других данных невесты (ее красоты, трудоспособности и т. д.)

Социальные и классовые различия играли роль и при определении приданого невесты (сеп). Размер приданого зависел от материального состояния ее отца. В приданое богатой невесты входило большое количество дорогих нарядов, несколько десятков одеял, дорогие ковры, шырдаки, посуда, скот; наконец, родители невесты ставили молодоженам новую „белую юрту"—өргө (со всеми внутренними и внешними украшениями), в которой молодожены должны были жить[3].

Приданое же бедной девушки состояло из нескольких платьев и стеганых одеял, небольшого количества посуды из дерева и кожи.

Приданое невесты и приготовления к свадьбе делались с участием самих молодых, хотя они совершенно не знали друг друга, и

---

[1] Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871, стр. 36.

[2] Там же, стр. 35.

[3] Полевая запись. Черников Э., 1886 г. рождения, колхозник сельхозартели «Ала-Тоо», Дарханского сельсовета, Покровского района.

никто у них не спрашивал согласия на брак. Их судьбу решали родители, главным образом отцы.

Никакого значения не придавалось тому обстоятельству, нравятся молодые люди друг другу или нет. Браки заключались только на основе сословно-классовых и материальных расчетов. Калым выплачивался несколькими частями, но до окончательной выплаты калыма жених имел возможность ездить в айыл невесты вместе со своими товарищами (күйөө жолдош). Перед отъездом жених наряжался в самое лучшее платье, садился на самую лучшую лошадь-иноходца, в богато отделанное серебром седло.[1] Когда все приготовления были закончены, приглашали стариков и муллу, которые читали молитву и просили духов умерших предков пожелать жениху здоровья и легкого пути.

О посещении жениха заранее давали знать родителям невесты, которые, в свою очередь, приготовляли все необходимое, ставили для жениха отдельную юрту, готовили угощения. Недалеко от айыла невесты ее родственники встречали жениха и сопровождали его в отведенную для него юрту. С помощью подарков жених добивался расположения близкой родственницы невесты для того, чтобы она была посредницей между ним и невестой. Эта родственница, чаще всего жена брата (жене), получив подарок, удовлетворяла просьбу жениха (күйөө), провожала его в юрту невесты и оставляла их одних. Только таким способом молодым людям удавалось видеть друг друга.

Таким образом жених посещал айыл невесты несколько раз, вплоть до полной уплаты калыма. Во время приездов жениха в его юрте всегда устраивались различные игры, состязания в песнях (кайым айтышу). Прогостив несколько дней, жених, в свою очередь тоже получивший подарки, уезжал домой. При посещении жениха родители невесты делали вид, что они ничего не знают о происходящем в юрте их будущего зятя и свидании их дочери со своим женихом.[2]

Свадьба начиналась сразу же после уплаты калыма. О дне свадьбы договаривались родители молодых. Когда все приготовления были закончены, отец невесты давал знать отцу жениха о назначенном дне свадьбы. Родители и родственники жениха и его друзья прибывали со скотом и другими подарками в айыл невесты на свадьбу.

Свадьба продолжалась несколько дней. В первый же день ставилась белая юрта өргө (приданое невесты), где во время свадьбы должны жить молодожены. Венчание происходило в юрте отца невесты перед ужином, на нем присутствовали самые почетные люди—аксакалы. Посадив в юрту жениха и невесту, мулла читал вначале молитву, а затем поднимал чашку с водой и спрашивал каждого в отдельности о согласии соединить свою жизнь с другим. Молодожены давали утвердительный ответ, после чего мулла поил их водой из чашки.

При венчании обязательно должны были быть два свидетеля, которые подтверждали согласие молодоженов на брак. За венчание

---

[1] Полевая запись. Черников Э., 1886 г. рождения, колхозник сельхозартели «Ала-Тоо», Дарханского сельсовета, Покровского района.

[2] Полевая запись. Шайбыров С., 1872 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

мулла получал со стороны родителей щедрое вознаграждение. После венчания начиналось угощение, которое сопровождалось песнями. На свадьбах всегда бывало несколько певцов-импровизаторов, которые пели, восхваляя родителей молодоженов за их доброту, богатство, за то, что они вырастили таких детей, что устроили такую богатую свадьбу („мяса много, подобно горе Ала-Тоо; бульона много, подобно озеру Иссык-Куль"). Далее певец восхвалял присутствующих гостей, а затем переходил к пожеланиям молодоженам: любить друг друга всю жизнь, быть счастливыми, иметь много детей, дожить до глубокой старости. За свои песни импровизатор получал в подарок лошадь или богатую шубу.

Молодежь собиралась отдельно от старших, в специальной юрте, где устраивала игры и распевала песни; если было лето, то выходили на зеленую лужайку и проводили игры при свете луны.

После угощения поздно ночью молодых вели в өргө и оставляли одних. Снаружи өргө, у того места, где была поставлена постель молодоженам, сидели ближайшие родственницы невесты, чтобы проверить ее целомудренность. На постель молодоженов постилали совершенно белую простыню. Если утром родственники невесты убеждались в ее целомудрии, то спешили сообщить радостную весть родителям невесты и жениха, требуя за это подарок (суюнчу). Если невеста не оказывалась целомудренной, то жених прогонял ее с позором и требовал от родителей невесты их меньшую дочь. Если младшей дочери у тех не было, родители жениха требовали полного возвращения калыма.[2]

Свадьба длилась несколько дней, а у богатых киргизов—иногда неделю. В течение этого времени проводились различные игры и состязания: скачки, козлодрание (көкбөрү), пешая борьба (күрөш), борьба верхом на лошадях (оодарыш), стихотворные поединки импровизаторов (кайым айтуу) и т. д. Скачки проводились по возрасту лошадей; были скачки двухлеток, так называемые „малые скачки", на дистанцию 4—5 *км*, и „большие скачки"—аламан-байга, на дистанцию от 20 до 50 *км*. Борьба (күрөш) состояла в том, что на площадку выходили два борца, один из рода жениха, другой—из рода невесты, окруженные народом. Молодежь веселилась и пела лирические песни. Все участники свадебных увеселений награждались со стороны отцов жениха и невесты подарками.

После окончания свадьбы зять и его родители сообщали о своем возвращении домой. Родители невесты, приготовив все необходимое, давали дочери разрешение на отъезд из дома. Перед тем, как сесть на лошадь, дочь по очереди обходила все юрты и в песнях выражала свою печаль, вызванную тем, что она оставляет места, где родилась и выросла, ни в чем не нуждалась, где ее очень любили и заботились о ней. Прощаясь, невеста желала счастья своим родителям и родственникам.

Из айыла невесты молодоженов провожали за несколько километров ближайшие родные, друзья и подруги невесты. При приближении же к айылу жениха их также встречали с пением и сопровож-

[1] Полевая запись. Сулайманов А., 1883 г. рождения, колхозник сельхозартели «Ала-Тоо» Дарханского сельсовета, Покровского района.

[2] Полевая запись. Жеентаев Ж., 1879 г. рождения, колхозник сельхозартели «Кызыл-Туу», Кытайского сельсовета, Джеты-Огузского района.

дали до юрты. Немедленно ставили юрту (өргө) и вводили в нее невесту, где она оставалась до приглашения в большую юрту. Через несколько дней невесту приглашали в большую юргу, где жили родители мужа, для совершения обряда „вхождения в огонь" (отко киргизуу). После этого невестка могла общаться со старшими родственниками мужа[1].

После посещения большой юрты несколько вечеров подряд невестка по очереди приглашалась в юрты родных жениха. При входе в эти юрты она кланялась всем присутствующим, бросая при этом в огонь кусок жира. После окончания угощения молодоженам дарили скот.

Совершенно иначе происходила свадьба у бедных киргизов, которые для угощения ограничивались забоем одной или нескольких овец, приготовлением напитка бузы и т. д.

У киргизов существовал ряд запретов в отношениях невестки к свекру и свекрови, а также к старшим и младшим братьям и сестрам мужа. Невестка не могла, например, называть по имени всех старших и младших родственников мужа как в присутствии их, так и в их отсутствие. Названия предметов, созвучные с их именами, она должна была заменять в разговоре другими словами[2]. Запрет произносить имена родных мужа распространялся не только на живых, но и на умерших. Невестка не могла также садиться на почетном месте юрты у свекра и старших братьев мужа и вступать в разговор с ними.

Существовали и запреты по отношению к жениху. Он должен был избегать встреч с будущими тестем и тещей, не называть их по имени (в их присутствии), а также не веселиться при них, не разговаривать громко, мало кушать, не раздеваться перед ними и т. д.

Через несколько дней после обряда „вхождение в огонь" женщина входила в круг сложных и тягостных хозяйственных забот и обязанностей. Она должна была раньше всех вставать и позже всех ложиться. Вся домашняя работа ложилась на нее: целый день она работала не покладая рук, не имела права никому жаловаться на свою безрадостную, тяжелую жизнь.

Жизнь женщины становилась еще тяжелее, если она являлась второй или третьей женой. Старшая жена (байбиче) наблюдала за хозяйством и руководила работой младших жен. Байбиче всячески старалась показать свое преимущество и держала в повиновении младших жен.

После смерти мужа жена обязана была сидеть в трауре, строго соблюдая принятые обычаи. Только через год по исполнении поминок (аш) женщина могла выйти на улицу, заняться хозяйством и привести себя в порядок. Родня мужа назначала вдове нового мужа[4], заставляя ее выйти замуж за младшего брата или родственника покойного; в очень редких случаях, если таковых не было, ее выдавали за старшего брата или родственника.

---

[1] Н. Дыренкова. Сборник этнографического материала № 2 (Брак, термины родства и психические запреты у киргизов), 1928, стр. 18.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же.

[4] Там же.

Женщина-киргизка должна была работать до самых родов. При приближении родов в юрту собирались родственницы и соседки. Женщина садилась на корточки и держалась за шест (бакан), стараясь разрешиться; если роды задерживались, то присутствующие женщины обхватывали ее за живот и давили его. Если, несмотря на такие „усилия" женщин, роды все же затягивались, то это объясняли присутствием в теле роженицы „злого духа" албарсты.[1] Для того чтобы ускорить роды, приглашали бакши, который начинал кричать и вопить, бить палкой роженицу, место, где она сидит, юрту, показывая при этом на дверь, чтобы „злой дух" ушел прочь. В тех случаях, когда старания бакши не совпадали с моментом разрешения от бремени, рядом с роженицей сажали беркута (орла), которого по представлениям киргизов страшно боится „злой дух". Но существовало такое поверие, что при благополучных родах беркут обязательно должен погибнуть, поэтому многие охотники не давали своих беркутов для изгнания „злого духа".[2]

При особо тяжелых родах рядом с роженицей всегда сидел мулла, который своими молитвами „возвращал ее душу", следя, чтобы она не упала в обморок и не забылась.

Сразу же после родов новорожденного обмывали в теплой воде, давали ему в рот немного топленого масла и заворачивали в тряпки. Появление ребенка у киргизов считалось счастьем. Когда рождался сын, говорили, что появился наследник; если же дочь, то говорили, что она принесет 40 лошадей, то есть богатство, получаемое от калыма. После родов в дом роженицы приходили соседи и родственники, которых угощали жентеком (топленое масло, смешанное с пшенным толокном и медом). При этом женщины, уже сидящие у роженицы, спрашивали подарки у вновь вошедших (көөрүмдүк) за смотрины новорожденного. Обычно давали деньги, если девочка—серьги, браслеты и т. д. Каждый вошедший высказывал свое пожелание новорожденному. Вечером в юрту собирались близкие родственники и соседи. Для угощения у бедных киргизов резали барана, а шейные позвонки его надевали на палочку и подвешивали в юрте на 40 дней, считая, что благодаря этому шея новорожденного быстрее крепнет, головка хорошо держится.

С первых же дней ребенка начинали кормить грудью. До семи дней после рождения ребенка купали часто, подбавляя в воду немного соли. Это делалось для того, чтобы тело было крепче и невосприимчиво к болезням. Если по каким-либо причинам ребенка приходилось кормить искусственно, то для этой цели употребляли коровий рог, на тонкий конец которого надевали сосок, только что отрезанный от вымени козы. Во внутрь такой соски наливали кипяченое молоко.

Родители младенца обычно через 7дней устраивали „бешик той"—колыбельный праздник, на который приглашались родные и соседи. На этом празднике угощали гостей мясом и другими кушаньями, а затем проводили обряд укладывания ребенка в бешик (колыбель).

Колыбель (бешик) делалась из дерева ивы, длиной 1 *м* и ши-

---

[1] Сочинение Чокана Чингисовича Валиханова, т. XXIX, СПб., 1904, стр. 200.

[2] Полевая запись. Боронченев А., 1887 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

риной 30—40 *см*, на 4 коротеньких ножках. Во всю длину бешика стелили маленький мягкий матрац, посредине которого делали круглое отверстие для стока мочи и экскрементов. На матрац стелили простыню и клали на нее ребенка. Завернув младенца простыней, плотно перевязывали его широкой тесьмой в двух местах (на груди и у колен).

На бешик привязывали всевозможные игрушки, которые якобы имели магическую силу и предохраняли ребенка от злых духов, различные талисманы, волчьи и овечьи альчики, маленькие самодельные куколки и т. д. Вечером, перед сном ребенка, мать окуривала бешик сухой ветвью арчи (можжевельника), чтобы ребенок спал спокойно. Завертывая ребенка, мать все время приговаривала о хорошем сне и просила „мать умай" (умай э н е) охранять младенца[1].

Ребенок спал в таком бешике около двух лет, пока у родителей не появлялся следующий.

Киргизские дети с малых лет начинали привыкать к кочевому образу жизни. С шести лет мальчики ездили на лошади и уже выполняли различные поручения отца; девочки же помогали матери в домашнем хозяйстве.

Детей воспитывала, главным образом мать. Отец вмешивался в их жизнь только тогда, когда они становились вполне взрослыми Он вел переговоры о женитьбе сына, выбирая невесток, о размере калыма и т. д.

У киргизов были часты случаи усыновления, причем в большинстве случаев оно наблюдалось между родственниками. Усыновляли только бездетные семьи, которые брали ребенка главным образом у многодетных людей. Усыновляли также сирот, не имеющих ни родителей, ни родственников. Если ребенок усыновлялся в младенческом возрасте, то старались ему не говорить о том, кто его истинные родители. Приемные родители обращались с ним, как с родным, не давая ни малейшего повода подозревать, что он чужой.

Усыновленного учили, как и родного сына, верховой езде, джигитовке, охотничьим навыкам, управлять хозяйством. По достижении совершеннолетия ему подыскивали невесту и платили за нее калым.

Если брали на воспитание девочку, то ее учили домашнему хозяйству. За нее брали калым и готовили ей приданое (сеп).

Если усыновленные дети знали, кто их настоящие родители, то они относились к ним лишь как к родственникам, то есть с должным уважением, но не питая особой любви. К своим же воспитателям они относились с большим чувством любви, считая их подлинными отцом и матерью и испытывая к ним на протяжении всей жизни сильную привязанность.

В большинстве случаев в киргизской семье жена обычно беспрекословно подчинялась мужу. Действовали законы шариата. „Муж смотрел на жену, как на рабыню".[2]

Жена раньше всех вставала и позже всех ложилась спать. При входе мужа в юрту она обязана была встать и только после его разрешения могла садиться. Жена, как правило, не могла разговаривать с мужем по важным хозяйственным вопросам и не участвовала

---

[1] Полевая запись. с. Ак-Терек, Тонского р-на, 1954 г.
[2] Газета «Туркестанские ведомости», 1892, № 35.

в общественных делах, не имела возможности сидеть вместе с гостями и участвовать в общей трапезе. Женщина со своими детьми кушала только то, что оставалось после еды мужа. Лишь после рождения нескольких детей женщина начинала приобретать некоторое влияние в семье, некоторую самостоятельность в общественной и хозяйственной жизни.

Взаимоотношения мужа и жены в богатой семье определялись богатством и общественным положением их самих и их родственников. Чем богаче было приданое жены и чем выше было положение, которое занимали ее родители, тем сильнее было и влияние жены в семье. Если муж ее умирал или был в отлучке, она участвовала в общественной и политической жизни общества.

Богатая и знатная женщина мало была зависима от своего мужа, она не уступала бедным мужчинам, не старалась обходить их и т. д.

Взаимоотношения между мужем и женой в бедных киргизских семьях были гораздо проще, там больше царило взаимное понимание и жена имела некоторые права.

Проникновение капиталистических отношений в хозяйство киргизов оказало некоторое влияние на их семейные отношения. Это проявлялось в том, что мужчины малосостоятельных и бедняцких хозяйств стали уходить на заработки, нередко в русские селения, где знакомились с семейными отношениями русских крестьян, видели, что женщина держит себя более свободно. Общение с русским народом оказывало положительное влияние на семейные отношения киргизов, как бы смягчало отношение киргиза к женщине.

Несмотря на барьеры, искусственно поставленные всей политикой царского правительства, несмотря на пропаганду великорусского шовинизма, взаимоотношения рядовых киргизов с трудящимися русскими, естественно, становились более тесными. Трудовое русское население и киргизы стали даже родниться. Приведем такой пример. В 1914 г. русская девушка Кулагина Анастасия Дмитриевна вышла замуж за киргиза из рода Такабай—Мукамбета Раимбекова[1]. Свое детство Анастасия Дмитриевна провела вместе с детьми киргизов и в совершенстве овладела киргизским языком. По соседству с родителями Анастасии Дмитриевны жили киргизы, в том числе родители Мукамбета Раимбекова. Молодые люди полюбили друг друга и договорились соединить свою жизнь.

По существовавшему в то время положению запрещался выход русской девушки замуж за „инородца". Поэтому Анастасия Дмитриевна и Мукамбет решили бежать. В темную ночь тайком, собрав свою одежду в узелок, девушка вышла со двора и села на лошадь, ожидавшую ее за усадьбой. Молодые люди хотели скрыться в горах Терскей Ала-Тоо среди киргизов и казахов. На следующий день после побега Анастасии Дмитриевны и Мукамбета родители стали разыскивать своих детей. Об исчезновении их сообщили волостному старосте Преображенской волости (ныне село Тюп). Это стало известно и начальнику Пржевальского уезда. Последний вызвал отца Анастасии Дмитриевны в гор. Пржевальск, где обрушился на него. Он приказал отцу Анастасии Дмитриевны „разыскать свою развра-

[1] Полевая запись. Арботоева К., 1892 г. рождения, село Талды-Су, того же района.

ную дочь и вырвать из рук дикого киргиза".[1] Чтобы розыск проходил более успешно, дали нескольких солдат. Отец Анастасии Дмитриевны, староста Преображенской волости и солдаты нашли молодых только через месяц в горах среди казахов. Когда связанных их привезли в Пржевальск, уездный начальник посадил Мукамбета в тюрьму, угрожая отправить его в Сибирь на каторгу, а Анастасию Дмитриевну заставлял отречься от мужа-киргиза и выйти замуж за русского. В случае невыполнения этих условий он угрожал ее застрелить, как опозорившую русского царя и христианскую религию.

Так как Анастасия Дмитриевна не отреклась от мужа, ее посадили в тюрьму. Через месяц отец взял ее к себе домой, получив при этом строгое указание от начальника уезда никуда не выпускать ее из дома, постоянно держать под строгим наблюдением и не допускать никаких сношений ее с киргизами.

Уездный начальник хотел добиться от Анастасии Дмитриевны показания, что киргиз похитил ее насильно, чтобы выслать всю семью ее мужа на каторгу в Сибирь.

Мужа Анастасии Дмитриевны Мукамбета выпустили через два месяца. Он получил от уездного начальника предупреждение о том, что брак между русскими и киргизами запрещен и что он должен отречься от своей религии и принять христианство, если хочет жить с русской девушкой.

Мукамбет из тюрьмы приехал домой и стал искать встречи с Анастасией Дмитриевной. Поскольку она находилась под строгим наблюдением семьи, было невозможно установить какую-нибудь связь. Однажды, когда не было отца Анастасии Дмитриевны, Мукамбет переоделся в платье нищего и пришел к ней домой за милостыней. Она сразу узнала своего мужа и вынесла ему хлеба. Муж сказал: „Завтра будь готова к побегу. Я подъеду на двух лошадях, ты быстро выходи на улицу и опять ускачем в горы". Молодые люди на следующий же день опять ускакали в горы. Они скрывались большей частью в Казахстане, где батрачили у богатых казахов. Он пас табуны лошадей, а она работала в доме бая с раннего утра до поздней ночи.

В Казахстане их опять нашли и привели, связанных, пешком в Пржевальск. Начальник уезда посадил Мукамбета в тюрьму в ту же камеру, где он сидел и раньше, и только через месяц его выпустили домой. Анастасия Дмитриевна все это время находилась дома под замком, и ее выпускали из запертой комнаты лишь тогда, когда семья садилась к столу. Через несколько месяцев родители ее решили, что дочь больше не убежит с киргизом. Когда Анастасия Дмитриевна получила относительную свободу, она сразу постаралась связаться с мужем. Однажды, когда отец с матерью уехали в Пржевальск, Анастасия Дмитриевна и Мукамбет совершили третий побег.

Они укрывались у родственников Мукамбета. Днем они прятались, а ночью работали. В это время Анастасия Дмитриевна родила мальчика, который вскоре умер из-за отсутствия нормальных условий для жизни. Восстание киргизов 1916 г. застало их батраками у бая. Часть киргизов бежала в Китай. Среди бежавших были и Мукамбет с Анастасией Дмитриевной. Находясь в местности Текес, Анастасия Дмитриевна скрывалась теперь не от начальника уезда и его сыщиков, а от киргизских баев и манапов.

---

[1] Полевая запись. Арботоева К., с. Талды-Су, того же района.

Через год они возвратились в родные места, где стали жить вместе открыто. В 1917 году царские каратели убили Мукамбета.

После установления Советской власти Анастасия Дмитриевна начинает активно работать среди женщин киргизок и широко вовлекает их в общественную работу. В 1918 году Анастасия Дмитриевна выходит замуж за Арботоева Саалы—члена партии и председателя ревкома.

Во время коллективизации она помогала местным партийным и советским организациям вовлекать женщин в колхозы и сама первая вступила в колхоз. Анастасия Дмитриевна работала в колхозе до 1945 года, была неоднократно премирована за хорошую работу. В настоящее время ей 61 год, она не работает.

Дочь Анастасии Дмитриевны, Саалиева Батый, 1921 года рождения, имеет высшее образование и работает Министром социального обеспечения Киргизской ССР. Сын, Саалиев Уленбай, 1927 года рождения, в 1950 году окончил Киргизский педагогической институт, в настоящее время работает преподавателем истории в той средней школе, в которой он получил образование. Другой сын, Саалиев Эмиль, 1930 года рождения, окончил Киргизский государственный медицинский институт, сейчас занимается в аспирантуре института. Жена Уленбая работает старшим бухгалтером в райфо.

У Анастасии Дмитриевны есть две внучки и один внук. Кроме того, она взяла на воспитание сына брата мужа, Алиева Кемиля, который учится в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Анастасия Дмитриевна говорит: „Моя жизнь становится с каждым днем прекраснее. Если мои молодые годы прошли в мучениях, то мои дети и внуки занимаются в советских школах и институтах и выбирают себе друга жизни по склонности, невзирая на национальность. Мои дети теперь активно участвуют в общественной и хозяйственной жизни, идут в ногу с советскими людьми, вкладывая свой труд в строительство коммунизма в нашей стране".

Добровольное принятие киргизами подданства России и приход последних в Иссык-Кульскую котловину оказали прогрессивное влияние на семейные отношения киргизов.

Среди трудового населения киргизов, особенно работавших батраками у русских (зажиточных крестьян и кулаков), киргизские свадебные обряды постепенно стали упрощаться и терять свое значение.

III ГЛАВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗОВ В СВЯЗИ С ПРОГРЕССИВНЫМ ВЛИЯНИЕМ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Народное просвещение

В период господства на территории Иссык-Кульской области Кокандского ханства не могло быть и речи о подлинном народном просвещении. Правящие феодальные круги заботились только о насаждении религии. Однако мусульманская религия, насаждавшаяся кокандскими ханами, не вошла глубоко в сознание трудящихся киргизов, которые в большей мере усвоили внешнюю обрядовую сторону мусульманства, и не очень-то были тверды и сильны в его догмах.

В большей степени и глубже был распространен ислам в байманапской верхушке. Муллы обучали байских и манапских детей арабской грамоте по корану и молитвенникам. „Учение оканчивается, как только мальчик научится читать и писать, узнает пять молитв и правила омовения",—отмечал современник.[1]

Арабская грамота заключалась в механическом чтении и зубрежке арабских текстов и молитв без перевода на родной язык учащихся. Никакого практического значения в жизни киргизов такая „грамота", разумеется, не могла иметь.

Трудовое население в подавляющем большинстве не знало и этой грамоты, только некоторые дехкане-киргизы знали правило омовения и необходимые для намаза молитвы. После того, как киргизский народ вошел в состав великого Русского государства, положение с образованием изменилось. С этого времени в среду киргизов начало проникать русское просвещение. После основания селений Преображенского, Теплоключенского, уездного города Каракола и Сазановки начали строиться избы-школы для обучения детей русской грамоте. В этих школах с русскими детьми обучались и дети киргизов.

В 1872 г. в г. Каракол открылось приходское училище, а затем в 1879 г.—городское двухклассное училище. За эти же годы были „устроены школы в Теплоключенке, в Жергесе"[2]. Пионером, положившим начало распространению среди киргизов народного просвещения, был учитель Дмитрий Дамаскин, который старался всеми силами способствовать умственному развитию народа.

В 1886 г. в г. Пржевальске, впервые на территории Киргизии, открылась русско-туземная школа,[3] в которой обучались дети рус-

[1] Газета „Туркестанские ведомости" за 1874 г. № 28.
[2] Газета „Туркестанские ведомости" за 1900 г. № 63—64.
[3] Фонд ИЯЛИ Кирг. АН ССР, инв. 680, стр. 23.

ских гражданских и военных чиновников, а также дети киргизских баев и манапов и зажиточных слоев населения. Русско-туземная школа готовила переводчиков, писарей для местных административных учреждений.

В двухклассном училище г. Пржевальска обучалось 80 мальчиков и девочек, в числе которых были и дети киргизов.[1]

В 1911 г. в г. Пржевальске была открыта русская женская прогимназия, состоящая из четырех основных и одного подготовительного класса. Кроме общеобразовательных школ, имелись специальные ремесленные и сельскохозяйственные школы. В 1901 г. в с. Преображенском было открыто ремесленное училище, в котором русских и киргизских мальчиков-сирот обучали сапожному, кузнечному и портняжному ремеслу.[2]

С 1883 года в г. Пржевальске начала работать низшая сельскохозяйственная школа с четырехлетним сроком обучением. Эта школа распространяла русскую сельскохозяйственную технику и агрономические сведения среди киргизского населения.[3] В нее принимались исключительно дети киргизов с тем, чтобы они несли свои знания в среду киргизов, переходивших с каждым годом все больше и больше к земледелию. Однако эта школа не имела твердого устава и определенного режима, поэтому ученики в любое время года могли уйти из нее. Обычно ученики приходили в школу в зимнее время — от нужды, когда в бедных киргизских семьях не оставалось ни продуктов питания, ни топлива. В школу поступали до 20 учеников, но как только наступала весна, все они уходили в кочевья, а на их место поступали другие, чтобы пробыть несколько месяцев. Состоятельные киргизы никогда не отдавали в школу своих детей. „Главный состав учеников составляли нищие, голодные и оборванные, не имеющие притом родных, которые могли бы прокормить их в течение зимы".[4]

В этой школе обучали ведению земледельческого хозяйства, методам повышения продуктивности скота, огородничеству и др. Школа и существовавшая при ней ферма сыграли в хозяйственной жизни киргизов положительную роль.

В предреволюционные годы сеть русско-туземных школ постепенно расширялась, такие школы были открыты в селах Покровка и Сазановка.

Кроме обучения грамоте и счету, ученики получали некоторые знания по истории и природоведению, главных образом элементарные сведения и познания, полезные в практической жизни. Школы были снабжены необходимыми учебными пособиями: географическими картами, моделями и физическими приборами, диаграммами.

Наряду с русско-туземными школами, на территории Иссык-Кульской области имелись мусульманские мектебы (начальные школы), но медресе (специальные богословские высшие мусульманские школы) не получили своего распространения среди киргизов Иссык-Кульской котловины. Задача мектебов заключалась в обучении начал мусульманской религии, религиозным обрядам и правилам мусульман-

---

[1] Шрейдер П. И. По окраинам. Путевые очерки, СПб., 1893 г., стр. 153.
[2] „Туркестанские ведомости" за 1901 г., № 101.
[3] „Туркестанские ведомости" за 1893 г., № 53.
[4] Газета „Туркестанские ведомости" за 1901 г., № 101.

кого благочестия, а медресе готовили духовных лиц, способных распространять и укреплять ислам среди местного коренного населения.

Возглавляло мектебы мусульманское духовенство, которое руководило школой и направляло ее деятельность. Учителями школы были обычно имамы, которые сами были едва грамотны. В школы дети поступали 5—6 лет. Здесь их обучали на непонятных арабском и чагатайском языках. Кроме того, ученики заучивали на память молитвы и историю мусульманских пророков, читали, не понимая содержания, коран. Методика преподавания в мектебах была очень примитивна. Дисциплина в них держалась на палочной системе, поэтому ученики часто убегали или оканчивали школу тупыми догматиками, фанатиками ислама.

По окончании мектеба более „выдающиеся" ученики могли поступить для углубления знаний по корану и истории пророков в медресе—средневековую схоластическую школу. В мектебах, как и в медресе, в большинстве занимались дети баев, манапов и духовных лиц, эксплуатировавших трудящиеся массы киргизского общества. Дети беднейшей части киргизского населения почти не имели возможности заниматься в школе, ибо их родители не могли делать учителям этих школ всевозможные подарки. Дети бедняков, как указывалось, могли пойти только в сельскохозяйственную школу.

В начале XX века в Киргизии появляются так называемые „новометодные" мектебы. Распространителями идей „новометодного обучения были „джадиды". Эти школы по сравнению с мектебами отличались тем, что в них обучение грамоте проводилось не по старому схоластическому методу зубрежки, а по звуковому методу. Введено было объяснительное чтение по мироведению.

Преподавателями „новометодных" школ в Киргизии нередко были выходцы из татарской национальной буржуазии, которые именовали себя мугалимами. Литературным языком в „новометодных" школах был татарский язык. В „новометодных" школах письму, арифметике и другим предметам придавалось второстепенное значение. Основная задача обучения сводилась к распространению среди трудящихся панисламизма и пантюркизма. „Джадиды" ставили определенную цель—отделить Среднюю Азию от России и отдать ее во власть колонизаторов и турецких реакционеров.

Русско-туземные школы открывались царским правительством за счет населения. Материальное положение учителей русских и русско-туземных школ было нищенским. В. И. Ленин ярко охарактеризовал положение народных учителей дореволюционной России. Он говорил, что Россия бедна, когда речь идет о жаловании народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают, мерзнут в нетопленых и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Эта характеристика вполне может быть распространена на дореволюционную Киргизию. Русские и русско-туземные школы, независимо от политики царизма, имели все-таки большое положительное значение в деле распространения в Киргизии просвещения, передовых идей.

Не может быть никакого сомнения в том, что русские и русско-туземные школы стояли намного выше по содержанию и методам обучения по сравнению с местными мусульманскими духовными мектебами и медресе. Русская прогрессивная интеллигенция в лице учителей русских и русско-туземных школ сыграла большую роль в де-

ле ознакомления киргизов с достижениями передовой русской мысли и науки. Киргизский народ не мог не видеть, что новые школы несут в самые отдаленные уголки Иссык-Куля передовую культуру.

До присоединения к России на территории Киргизии вообще, а в Иссык-Кульской котловине,—в частности, не было никаких культурно-просветительных учреждений. Лишь после присоединения Киргизии к Российской империи начали возникать культурно-просветительные учреждения. Так, 14 мая 1902 г. была основана в г. Пржевальске первая библиотека.[1] Инициаторами ее организации были ученики великого русского путешественника и ученого, исследователя природы Киргизии Н. М. Пржевальского — В. И. Роборовский и П. К. Козлов.

После смерти Н. М. Пржевальского, для увековечения его памяти они прислали в г. Каракол (ныне Пржевальск) местному краеведу Я. И. Королькову 200 рублей для организации в городе общественной библиотеки. Библиотека Пржевальска с первого года своего основания привлекла широкий круг читателей. По вечерам здесь проходили чтения, способствовавшие распространению среди русского и киргизского населения передовых идей русских поэтов, писателей, ученых и путешественников. Библиотека была общедоступной. Ею пользовалась киргизская молодежь, обучавшаяся в русско-туземных, сельскохозяйственных и других школах. Книжный фонд исчислялся в тысячах экземпляров. Здесь имелись произведения Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского. В первые три года после организации библиотеки ее посетило 5239 человек.[2]

Кроме того, в гор. Пржевальске были созданы комитет Красного Креста и драматический кружок имени Островского.[3] Это были признаки нового цивилизованного мира, о котором киргизы до присоединения к России не имели представления.

Большое значение для развития культуры киргизского народа имело и то обстоятельство, что многие русские путешественники, ученые, художники описывали и зарисовывали природу, изучали быт и дореволюционную жизнь трудящихся масс Киргизии. Так было положено основание научным знаниям о киргизском народе.

В составе экспедиции Семенова-Тян-Шанского был художник П. М. Кошаров, который в своих работах показал культуру и быт киргизов. Благодаря деятельности русских художников киргизский народ и окружающая его природа нашли отражение в высоком русском искусстве, что способствовало распространению знаний о киргизах во всем цивилизованном мире.

Во второй половине XIX в. известный русский художник-баталист В. В. Верещагин написал ряд этюдов из быта киргизского народа и природы Киргизии. В 1871 г. он написал свой известный этюд „Богатый киргизский охотник с соколом". В 1869—1870 гг. В. В. Верещагин написал картину, посвященную кочевому образу жизни киргизов,—„Киргизские кибитки в долине реки Чу" и ряд других картин, главным образом, этнографического характера.[4]

---

[1] Газета „Туркестанские ведомости", за 1902 г., № 39.

[2] Там же, 1905 г., № 56,

[3] Там же.

[4] В. В. Верещагин. Альбом репродукций. Гос. изд-во изобразительного искусства, Москва, 1954, рис. 3—6.

Художник Б. В. Смирнов в начале нашего столетия написал серию рисунков и этюдов, посвященных жизни и быту киргизов. Работы, написанные русскими художниками, знакомили русский народ с культурой, бытом киргизского народа и прекрасной природой Киргизстана. Произведения знаменитого художника-баталиста В. В. Верещагина до сего времени занимают почетное место в экспозиции Третьяковской галереи и в музеях Ленинграда, Москвы и Фрунзе.

Работы В. В. Верещагина, Б. В. Смирнова, П. М. Кошарова свидетельствуют о том, что лучшие представители русского народа любовно изучали и изображали природу Киргизии и ее народ. Представители передовой культуры своими работами способствовали ознакомлению русского общества с Киргизией, укреплению дружбы между русским и киргизским народами.

Наука в Киргизии зародилась и постепенно начала развиваться также после вхождения края в состав русского государства. Главная роль в этом принадлежит русским ученым, которые проводили свои научно-исследовательские работы на территории Киргизии. Одним из первых исследователей географии и орографии Киргизского Ала-Тоо в середине XIX века явился П. П. Семенов-Тян-Шанский. Он изложил результаты своей научной работы в книге „Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг". Эта книга Семенова-Тян-Шанского до сих пор не потеряла своего значения и является одним из первоисточников для исследователей истории и этнографии киргизского народа.

Н. В. Северцов побывал на Иссык-Куле, Тянь-Шане и выпустил книгу „Путешествие по Туркестанскому краю. Исследования горной страны Тянь-Шань" (СПб., 1873 г.). В его работе даны почти исчерпывающие материалы по зоологии Киргизии. В середине второй половины XIX века знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский побывал на территории Иссык-Куля, исследуя природу этого живописного края. В дневнике второго путешествия в Центральную Азию „От Кульджи через Тянь-Шань на Лобнор и по Джунгарии до Гучена" великий путешественник писал: „С неописанной радостью увидали мы снеговые вершины Тянь-Шаня, где нас ждет и свобода, и обильная научная работа". Умирая, Н. М. Пржевальский завещал: „Об одном прошу не забыть, чтобы похоронили меня непременно на берегу Иссык-Куля в походной экспедиционной форме".[1]

В конце XIX века ученый-садовод Фетисов произвел на Иссык-Куле и его сыртах ботанические сборы. В этот же период профессор-ботаник Сорокин собирал ботанические коллекции на Иссык-Куле.

В 1888—1889 гг. Иссык-Куль был посещен русским путешественником Г. Е. Грум-Гржимайло. Пионером-исследователем недр Киргизии был крупный геолог прошлого века И. В. Мушкетов. Его перу принадлежит монография „Туркестан—геологические и географические описания, собранные во время путешествия 1874 по 1880 г.", т. 1 (1915 г.).

Язык и культура киргизов были впервые исследованы в шестидесятых годах прошлого века русским ученым-востоковедом академиком В. В. Радловым. Свои материалы Радлов опубликовал в 1885 г. в книге „Образцы народной литературы северных тюркских племен.

[1] Великий русский географ Н. М. Пржевальский, М., 1879 г., стр. 65.

Наречие дикокаменных киргизов". Материалы, записанные Радловыма являются первым памятником живого киргизского языка. От сказителей-манасчи он записал отрывки знаменитого киргизского эпос, „Манас". История Средней Азии вообще и Киргизии,—в частности, была исследована историком-востоковедом академиком В. В. Бартольдом, создавшим основные труды по истории и этнографии Киргизии. Необходимо отметить заслуги Ф. Пояркова, Н. Пантусова, Н. Аристова, которые описали быт и хозяйство киргизов. С 1902 по 1915 гг. профессор-ботаник В. В. Сапожников изучал флору и фауну Киргизии.

Кроме вышеуказанных русских ученых, исследованием природы, народного быта и истории Киргизии занимались и другие, менее известные русские путешественники и ученые.

По трудам русских ученых и передовых общественных деятелей мир узнавал ценные сведения по истории и культуре киргизов, а также о богатой природе Киргизстана. Культуру русского народа несли не царизм и его сатрапы, а передовые представители России. Выдающиеся русские ученые-исследователи Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тян-Шанский, Пржевальский впервые раскрыли и описали несметные богатства края. Могучая русская культура стала источником быстрого прогресса киргизского народа. Русские путешественники, ученые-востоковеды, историки, географы, лингвисты, этнографы, геологи, изучая природу, жизнь, быт и культуру Киргизии, пробуждали у прогрессивных деятелей России интерес к Киргизии и способствовали сближению киргизского и русского народов.

Народные знания

Связанный со скотоводством и пастбищным хозяйством, киргизский народ вел кочевой образ жизни, и в этих условиях накапливал запасы эмпирических знаний. Народные знания и представления киргизов основывались на многовековом, передаваемом из поколения в поколение, опыте познания природы. Среди киргизского народа широко бытовало летоисчисление с 12-летним животным циклом. Каждый цикл из 12 лет киргизы называли мүчө, по которому определяли возраст. По году рождения определялся характер человека, его судьба и т. п. Если человек родился в год тигра, то он должен быть сильным и храбрым, как тигр, в год змеи—острым на язык, в год барана—спокойным и т. д. У киргизов бытовал годовой календарь (с 12-месячным циклом). Календарный год делился на 4 сезона: весна (жаз), лето (жай), осень (күз), зима (кыш). Из трех месяцев зимы самым страшным для киргизов были—41 день—чилде Это самое холодное и потому тяжелое для скота время начиналось со 2-й половины декабря и продолжалось до начала февраля.[1]

Зима делилась на периоды морозов (аяз). Каждый мороз, по мнению киргизов, держался 10—15 дней. Например, „железный мороз" (темир аяз—самый жестокий и крепкий, как железо) приходился на январь, во время чилде, „мороз рога" (мүйүз аяз)—немного слабее, чем железный, наступал в феврале месяце. В конце февраля и в начале марта наступал „мороз войлока" (кийиз аяз), то есть слабый, мягкий, с оттепелями, но внезапно на несколько дней устанавливал-

[1] Чильде—от таджикского слова „чилля", обозначающего „40-дневные".

ся „мороз старухи" (кемпир аяз), когда наступала гололедица и начинался джут.[1]

В киргизском календаре многие месяцы именовались по видам диких животных: июнь—теке (самец горного козла), май—кулжа (самец горного архара), апрель—бугу (самец оленя) и так далее.

Ночью счет времени производился по созвездиям, отдельным звездам и луне. Пастухи во время длительных перекочевок определяли путь движения по плеядам и по Большой Медведице.[2]

По положению луны киргизы исчисляли месяцы. Опыт наблюдения за цветением растений и их ростом, за поведением животных и птиц позволил киргизам выработать ряд примет, по которым они пытались определить время наступления весны или зимы, предвидеть количество осадков, качество травяного покрова.[3] Киргизы прекрасно знали животный мир и ориентировались в анатомии животных. По народному календарю киргизы знали время наступления весны и зимы, определяли сроки перегона скота на джайлоо и обратно, время для посева и уборки.

В результате общения с русскими крестьянами, подавляющее большинство киргизов постепенно знакомилось с русским календарем. Исчисление месяцев со временем стало производиться по русскому календарю.

К народным знаниям киргизов относятся меры расстояния, длины, веса и т. д. Расстояние определялось приблизительно по времени (дальнее и близкое). Близкие расстояния—это путь, который можно проехать не более чем за полдня или за время, необходимое для того, чтобы вскипятить чайник (имеется в виду чугунный чайник—кумган—30—40 минут или напиться чаю (15—20 минут), сварить мясо (последнее разделялось на мясо ягненка—1,5—2 часа, барана—3—3,5 часа). Самое близкое расстояние—8—10 минут езды—называлось мигом (не успеешь моргнуть, уже будешь там). Все эти сроки устанавливались с учетом скорой езды, в среднем 10—12 *км* в час.

Дальние расстояния киргизами определялись числом дневных переходов верхом на лошади. Число дневных переходов бралось во внимание только по ходовой способности хорошей лошади при скорости езды 12—15 *км* в час.

Кроме определения расстояния по времени, киргизы определяли расстояние также пределом нормального зрения. При таком определении расстояния в ясный день обязательно брался ориентир на какой-нибудь предмет—гора, скала, холм, дерево, юрта, река и т. д. При определении расстояния на глаз были расстояния дальние—гора, скала, река, большой холм и близкие—юрта, дерево, пасущийся скот и т. п. На сильнопересеченной местности в качестве ориентира избирался хорошо видимый предмет, а для дальних расстояний—ус-

---

[1] Полевая запись. Сыдыкбекова В. А. 1889 г. рождения, колхозник сельхозартели им. Сталина, Ак-Булакского сельсовета, Ново-Вознесеновского района.

[2] Приведем некоторые киргизские названия созвездий и звезд: Плеяды—Уркор, Венера—Чолпон, Полярная звезда—Алтын Казык, Большая Медведица—Жетиген, Млечный путь—Кербен Жол и т. д.

[3] С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946, стр. 65.

ловные предметы с описанием их объема, цвета, названия и других признаков, отличающих его от окружающей среды.[1]

У киргизского народа широко бытовала мера—чакырым. Это расстояние, на котором можно слышать крик человека, было приблизительно равно русской версте. Широко применялись в быту киргизского народа мелкие линейные меры. К таким мерам длины относился кулач—размах рук, вытянутых в стороны. Кулач равнялся примерно полутора метрам. Размеры таких предметов, как желе, аркан, уук определялись кулачами. Следующей мерой была „төш жары", т. е. расстояние от конца вытянутой руки до середины груди. Этой мерой определяли ширину материи. Затем она заменилась русским аршином (кез). Другая мера—карыш равнялась примерно $^1/_4$ аршина. Более мелкими единицами измерения считались: сөөм—расстояние между концами большого и указательного пальцев и эли—ширина пальцев (такой мерой определялась жирность зарезанной лошади, сметаны и др.). Глубина измерялась средним ростом человека, длиной палки, подпирающей юрту,—3,5—4 метра и, наконец, арканом.

Длина определялась расстоянием—эшик төр, то есть от двери до төра—почетной стороны—юрты, около 4—5 метров, длиной одного аркана,[2] либо длиной прицельного полета пули, выпущенной из берданки (100—150 *м*).

С поселением на Иссык-Куле русских крестьян неточные и весьма несовершенные киргизские меры определения расстояний, длины и времени начали исчезать. Крестьяне-переселенцы привезли точные меры длины и времени, которые входили в хозяйственную жизнь киргизов. Расстояние стало определяться верстами, широкое распространение получили в быту киргизов мелкие русские линейные меры: вершок, аршин, сажень.

Для измерения пахотной земли киргизы употребляли несколько своих мер. Самой меньшей была мера „чонок"—около полсотки гектара. Затем шел „танап"—около $^1/_6$ *га* земли, после него—теше, равный десятине.[3] Но все это киргизами измерялось на глаз. Только от русских крестьян киргизы получили точные измерения пашни. Не было у киргизов и разработанной меры веса. Сыпучие тела мерили капами—мешками, а жидкие тела—чаначами (кожаный бурдюк), көнөками (кожаное ведро) и др. У русских крестьян киргизы переняли меры—пуд (пут), фунт (кадак), весы и безмены.

Для определения времени у киргизов существовали свои примитивные приемы. Время восхода солнца летом приходилось на 4—5 часов утра. Киргизы вставали и умывались до восхода, чтобы достойно встретить его.[4] Положением солнца над горизонтом определяли „найза бою" (около 5 часов утра), т. е. время, когда солнце стоит на высоте пики, затем „аркан бою" (около семи часов утра), т. е. солнце на высоте аркана. Далее следовали „кичи шашке" (около $8^1/_2$ часов утра) и „чон шашке" (около $10^1/_2$ часов), „чактуш" (пол-

---

[1] Полевая запись. Сулайманов А., 1883 г. рождения, колхоз «Ала-Тоо». Дарханского сельсовета, Покровского района.

[2] Арканы были различной длины—в 12, 8, 6 маховых сажень, т. е. длины вытянутых в горизонтальном положении рук.

[3] Полевая запись. Саткараев У., 1881 г. рождения, колхоз им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

[4] Полевая запись, Курманбаев А., 1882 г. рождения, колхоз им. Ленина, Барскаунского сельсовета, Покровского района.

день), „чон бешим“ (время между 3 и 4 часами пополудни), „кичи бешим“ (около 6—7 часов вечера), „намаздигер“ (около 8 часов вечера) и закат. Время наступления темноты называлось „куугум кирди“ (около 9 часов вечера), далее отмечались—„эл орунга отурду“—время, когда все сидят на месте, т. е. находятся дома (около 10 часов вечера), затем—„жылдыз толду“ (около 11 часов вечера), когда небо сплошь усеяно звездами, „тун ортосу“—полночь, „зоор“ (около 3 часов утра) и „тан“—рассвет.[1]

Таким образом, не имея часов, киргизы вели исчисление своим способом. Они определяли по солнцу и стороны света, имея для этого свою терминологию. Восток—күн чыгыш (т. е. восход солнца), запад—күн батыш (закат солнца), север—түндүк, юг—түштүк.

Народные киргизские знания проявлялись и в области народной ветеринарии и медицины. Пастбищное содержание скота нередко сопровождалось различными видами простудных и инфекционных заболеваний животных. В течение многовекового опыта киргизы изобрели некоторые методы лечения скота.

При заболевании сибирской язвой киргизы применяли лекарство составлявшееся из смеси угля и соли, растворенной в керосине. У животного, пораженного сибирской язвой, мазали больное место, а у животного, страдающего ящуром, этим же лекарством промывали рот. То место, где появлялась язва, прижигали каленым железом.

Киргизы были совершенно беспомощны перед эпидемией чумы у скота. Они в таких случаях покидали зараженное место и перекочевывали в другой район, нередко способствуя таким образом распространению эпидемий. Опухоль на ногах животного лечили человеческой мочой, а к нарывам прикладывали тесто, чтобы оно вытянуло гной. В случае змеиного укуса высасывали яд. На часоточных животных насыпали золу или мелкую табачную пыль. Простудный кашель лошадей лечили опиумом или серой, завернув их в платок, и привязав к узде на удила. Киргизы очень искусно выправляли разные вывихи и самостоятельно лечили и переломы костей и вывихи позвоночника.[2]

Конечно, все подобные меры лечения мало помогали. Отсутствие научной ветеринарии весьма тяжело сказывалось на состоянии скотоводства. Особенно были страшны эпизоотии, в результате которых беднейшие слои населения окончательно разорялись. Огромные падежи скота от эпизоотий довольно часто имели место на Иссык-Куле.

Научная ветеринария начала проникать в жизнь киргизов с прибытием русских. Последние привезли такие средства лечения, как медный и железный купорос (кеперес), нашатырный спирт (ашатыр), иод, ихтиол (кара май), сера (кукурт) и др. Разведенным нашатырным спиртом лечили скот от поносов, особенно в летнее время, железным купоросом—от глистов. Всякие раны смазывали иодом. Чирьи и язвенные места на потертой спине (жоор) животных намазывали ихтиоловой мазью.[3]

---

[1] Полевая запись. Чоткараев У., 1881 г. рождения, колхоз им. Карла Маркса, Ак-Терекского сельсовета, Тонского района.

[2] Полевая запись. Шайбыров О., 1869 г. рождения, колхоз им. Сталина, Курментинского сельсовета, Тюпского района.

[3] Полевая запись. Саяков К., 1873 г. рождения, колхоз им. Ленина, Щалбинского сельсовета, Джеты-Огузского района.

В селах Покровка, Преображенское и Сазановка появились ветеринарные фельдшеры, которые лечили скот. В указанных селах имелись пункты стационарного лечения, где киргизы оставляли только верховых лошадей. Русские также оказывали помощь лекарствами, предотвращающими ту или иную болезнь. В случае массового падежа скота от болезней на помощь киргизам приходили гарнизонные ветеринарные врачи г. Пржевальска.

Изложенное выше показывает, что народные знания киргизов были весьма примитивны, крайне недостаточны и отражали довольно низкий уровень культуры трудящихся масс. Лишь в результате общения с русскими киргизские народные знания стали обогащаться и развиваться.

Народная медицина

Народная медицина у киргизов до их присоединения к России основывалась, с одной стороны, на некоторых эмпирических способах и средствах лечения, а с другой—на религиозно-магических, преимущественно первобытных верованиях, прикрытых налетом мусульманской религии. Как справедливо заметил профессор Толстов: „...Туркмения, Казахстан и Киргизия—области, где ислам укрепился наименее прочно, составляя тонкую верхушку над мощным слоем древней шаманской религии кочевников"[1].

Влияние ислама на киргизскую народную медицину было вообще незначительным. Оно ограничивалось обращением больных к помощи аллаха и мусульманским святым. Больше было всяких церемоний и магических приемов, не имеющих ничего общего с мусульманской религией.

Материалы по народной медицине, как и другие материалы, связанные с народными религиозными верованиями киргизов, говорят о том, что ислам не проник глубоко в психологию трудовых масс киргизов, настолько, чтобы вытеснить первобытные анимистические и шаманские верования. Об этом Ч. Ч. Валиханов пишет: „Буруты (киргизы,—М. А.) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухамед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду".[2]

До присоединения Киргизии к России на ее территории не было ни одного медицинского работника, ни одного лечебного пункта. Лечение находилось в руках знахарей (бакшы), мулл и народных лекарей. Муллы и бакшы обычно стремились изгнать „злого духа", поселившегося в больном.

Бакшы у ложа больного пел, кричал диким голосом, обращаясь к небу, бил больного плетью и т. д. Иногда, чтобы изгнать засевшего „злого духа", приглашались вместе бакшы и мулла. За отсутствием бакшы приглашался только мулла, который читал над больным коран, дул и плевал на больного, беспрерывно бормоча молитву.

Нередко, убедившись в беспомощности средств лечения бакшы и муллы, больные киргизы посещали „священные места" (мазар). Такими местами были некоторые почитаемые деревья, горы, камни

[1] С. П. Толстов. Религия народов Средней Азии. Сборник «Религиозные верования народов СССР», т. 1, М.—Л., 1931.

[2] Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, СПб., 1904, стр. 63.

и др. В Покровском районе имелось несколько „священных мест" для паломничества больных киргизов: Дунгуреме, Ак-Терек, Джалгыз-Орук и др. Общей известностью пользовались раньше такие священные места, как Алтын-Арашан, Чолпон-Ата, Манжлы-Ата и другие. На этих местах в настоящее время созданы благоустроенные курорты: Чолпон-Ата, Ак-Су, Джеты-Огуз, Иссык-Куль, Койсара и др.

Наряду с почитанием „священных мест", киргизы верили в священные свойства огня, воды, земли и некоторых камней. Религиозно-магическими свойствами также наделяли отдельных животных: медведя, тигра, волка, верблюда, лошадь, барана и др., а из птиц — орла, филина и др.

Вместе с этим киргизы имели некоторые сведения о медицине, приобретенные в результате эмпирических способов лечения. Народные лекари (табып) умели, например, по пульсу определять состояние больного. Организм людей они разделяли на холодный и теплый, сухой и влажный. Применительно к этому готовились и лекарства, главным образом, из растений, характерных для флоры Иссык-Куля. К последним относились солодковый корень, полынь, щавель и др. Употребляли с лекарственными целями перец, гвоздику, корицу. Кроме того, применялись в качестве лекарств медный и железный купорос, ртуть, камфора, нашатырь, сулема и т. п. покупные средства.

Желудочно-кишечные заболевания лечились, например, отваром щавеля, солодкового корня. В качестве слабительного употреблялось топленое масло, принимаемое в большом количестве. Его же пили и при болезни груди. При ревматизме употреблялись зола растения „иссык-кульский корень" и медвежье сало. Корень сжигали и, смешав золу с салом, натирали такой мазью больные места. Чахотку лечили составом, в который входили сахар, верблюжье молоко, соль, коровье масло, лук и гвоздика или корица, перец, смешанные с медом. Кожные болезни лечились мазями из ртути и сулемы. Из этого видно, что до вхождения киргизов в состав русского государства на Иссык-Куле, по существу, не было никакой научной медицинской помощи. Это крайне тяжело отражалось на состоянии здоровья киргизов. Справедливо указывает один из исследователей, что „много гибнет народа от тифа, от простуды, от сифилиса и других болезней, от того только, что некому подать больным медицинскую помощь".[1]

Только с включением киргизов в состав русского государства к ним начала проникать научная медицина, возникли врачебные пункты. Этому способствовало, конечно, и постоянное общение киргизов с русским народом. Пионерами распространения научной медицины были передовые прогрессивные представители русского народа: В. Фрунзе, Ф. Поярков, И. Колбасенко, Н. Барсов, Феоктистов и др. От русских врачей и даже крестьян в киргизскую народную медицину проник ряд приемов и средств лечения, характерных для научной медицины этой эпохи.

Наряду с этим киргизские народные лекари (табыпы) покупали у русских препараты и применяли для лечения болезней. Целебные свойства ряда покупаемых препаратов киргизам становились известны в результате тесного экономического и хозяйственного общения

[1] Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, СПб., 1904, т. 29, стр. 200.

не только с русскими врачами, но и с крестьянами. С приходом русских киргизы начали применять иод, сулему, медный купорос, аспирин, ртуть, соляную кислоту, хинин, нашатырь, серу и др.

Наряду с применением медицинских препаратов киргизы пользовались непосредственными услугами русских врачей. Из окрестностей Пржевальска они привозили на прием к русским врачам больных в уездный приемный покой и в больницу.

Нижеследующая таблица может дать некоторое представление о посещаемости Пржевальского приемного покоя.

Годы	1870	1871	1872	1892	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Число больных	101	260	482	500	503	576	776	814	910	1001	1002	1157[1]

Из приведенных данных видно, что киргизы с каждым годом все больше и больше обращались к русским врачам и что они с большим доверием относились к ним, так как все больше убеждались в пользе медицинской практики русских врачей.[2]

Особенно губительной для населения в свое время была оспа. Раньше киргизы не умели применять противооспенные меры. Только с приходом русских они стали применять подобные меры (сначала при помощи врачей). „Наибольшую по своим результатам для края,—писала в свое время местная газета,—приносит привитие предохранительной оспы. Эта санитарная мера применяется в довольно больших размерах и год от года оспопрививание развивается".[3] Прививки оспы производили оспопрививатели из среды киргизов, а также уездные фельдшеры и врачи.

В результате принятых мер смертность от оспы среди киргизского населения из года в год уменьшалась. Если в 1870—1875 гг. в среднем от оспы умирало 230 человек, то в 1890 году умерло 34 человека.[4] Несмотря на большое доверие киргизов к русским врачам, они далеко не все могли попасть на прием, так как организация медицинской помощи не учитывала потребностей киргизов. Зеланд писал о состоянии здравоохранения среди киргизов: „Единственный пункт, где киргизы могут получить помощь врача,—уездный приемный покой. На каждый покой приходится 80000—100000 кочевников, рассеянных на огромных расстояниях... Вообще киргизы с большим доверием относятся к русским врачам и только неудобства, сопряженные с поездками в город, заставляют их отдавать преимущество знахарям".[5]

Духовенство и знахари противодействовали тому, чтобы трудящиеся киргизы обращались к русским врачам. Несмотря на это, киргизы стремились получить помощь со стороны представителей рус-

[1] Вышпольский В. Военно-медицинский журнал № 10. СПб., 1895, стр. 154.
[2] Об этом писала и газета «Туркестанские ведомости» за 1884 г., № 19.
[3] Там же.
[4] Вышпольский В. Указ. соч., стр. 153.
[5] Зеланд Н. Указ. соч., стр. 60—81.

кой научной медицины. Об этом говорится в трудах ряда авторов.[1] Следовательно, несмотря на колониальную политику царизма, тормозившую культурное развитие киргизского народа, все же после присоединения Киргизии к России народная медицина у киргизов испытала положительное влияние более передовой русской культуры.

Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда киргизский народ вошел в единую семью советских народов во главе с великим русским народом, научная медицина прочно вошла в быт киргизов.

---

[1] Вышпольский В. Указ. соч., стр. 154.
Кушелевский В. И. Указ. соч., ч. III,. стр. 285.
Колесов Г. В. Медицинская помощь инородцам Туркестана и их отношение к русским врачам. Труды Антрополог. о-ва при импер. военно-мед. Академии, т. VI, СПб., 1903, стр. 110.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная русским пролетариатом, освободила народы России от социального и национального гнета. „Декларация прав народов России" провозгласила их свободное развитие и полное равноправие.

Национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства нашла отражение в таком историческом документе, как обращение „Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока", где говорилось: „Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваше право, как и право всех народов России, охраняется всей мощью революции и ее органов—Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".[1]

Окончательная победа пролетарской революции и установление Советской власти на территории Киргизии произошли несколько позднее. К середине 1918 года власть Советов в Киргизстане окончательно упрочилась.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции союз русских рабочих с трудящимися массами Киргизии рос и все более укреплялся. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны киргизский народ вместе с другими народами вел победоносную войну против врагов Советской власти, хотя контрреволюция имела за спиной „помощь Англии, Америки оружием и припасами в громадных размерах".[2]

Контрреволюционные националистические организации „Алаш-Ордо", „Шуро ислам", „Улама" и организованные из числа русских кулаков банды потерпели поражение. Трудящиеся массы Киргизии победили в гражданской войне потому, что они сражались за великие завоевания Октября, за построение социализма. Во главе Туркестанского фронта стояли верные сыны русского народа М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Д. М. Фурманов.

В. И. Ленин считал важнейшим делом создание на национальных окраинах трудовых крестьянских Советов, обеспечивающих лик-

[1] Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.). Сборник документов под редакцией А. Я. Вышинского. Юриздат. Наркомюст СССР. М., 1938, стр. 293—294.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 232.

видацию патриархально-феодальных отношений. Крестьянские Советы, как всеобъемлющий и всеохватывающий орган, обеспечивали союз русского рабочего класса с киргизским крестьянством.

В соответствии с задачами, поставленными Коммунистической партией, укрепление Советов в Киргизии шло путем создания коммунистических организаций. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в Киргизии создавались волостные земельно-водные комитеты, которые претворяли в жизнь декрет Советского правительства о национализации земли, обеспечении крестьян земельными участками.

Второй съезд Советов Семиреченской области, состоявшийся 12 февраля 1918 года, принял постановление о проведении земельно-водной реформы, об организации помощи голодающим путем запашки 6 тыс. десятин земли, о снабжении нуждающихся продовольствием, о борьбе со спекуляцией и эпидемическими заболеваниями[1].

Несмотря на тяжелые финансовые затруднения в стране, В. И. Ленин 27 апреля 1918 года подписал декрет об ассигновании 50 млн. рублей на строительные работы в Туркестане и на окончание постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тыс. десятин.

По указанию В. И. Ленина были проведены мероприятия по возвращению беженцев из Китая и ограждению их от преследования со стороны кулаков, по обеспечению их землей, продуктами питания, инвентарем, тягловой силой; велась большая работа и по интернациональному воспитанию трудящихся масс различных национальностей. В марте 1918 года в Пржевальском уезде были открыты 3 питательных пункта для беженцев, возвратившихся из Китая[2].

Рабочие и крестьяне г. Царицына в июне 1918 года отправили 100 вагонов зерна для трудящихся Туркестана. Из Москвы, Ленинграда и других городов страны Советскому Киргизстану отправлялись десятки вагонов с товарами широкого потребления.

Благодаря заботе партии, Советского правительства и бескорыстной помощи советского народа не только были ликвидированы голод и нищета, но и начато восстановление разрушенного народного хозяйства.

Задачи восстановления и развития народного хозяйства требовали разрешения земельного вопроса. Центральный комитет РКП(б) в июле 1920 года дал указание партийным и советским органам о разрешении земельного вопроса. Опираясь на эти решения, Компартия Туркестана и IX съезд Советов Туркестанской АССР провели в ряде районов земельно-водную реформу, направленную на ликвидацию последствий аграрной политики царизма. Наряду с другими районами, в число ударных районов входил и Пржевальский уезд.

X съезд РКП(б), состоявшийся 8 марта 1921 года, принял важнейшие решения по экономическим и национальным вопросам. Земельно-водная реформа, проведенная в 1921—22 годах в Киргизии, явилась практическим претворением в жизнь указаний ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 года. В результате этой реформы 1578 семей беднейших дехканских хозяйств Пржевальского уезда получили хорошие земли, скот, инвентарь и семенные ссуды.

---

[1] ЦГА МВД Кирг. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 63, л. 375—376.

[2] „Заря свободы", г. Верный, 31 марта 1918 года.

Землеустройство населения сыграло огромную роль, при этом не допускалось земельно-водное объединение по родовому признаку. Для укрепления вновь землеустроенных бедняцких безинвентарных хозяйств была оказана помощь выдачей кредитов в рассрочку для приобретения тягла и сельскохозяйственного инвентаря и на возведение построек.

Необходимо отметить, что по земельно-водной реформе наделялись на одинаковых правах с коренным населением русские, узбеки, дунгане и др.

В деле вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство большую роль сыграло, кроме землеустройства кочевого и полукочевого населения, возникновение потребительской кооперации. Проникновение ее в аил подрывало экономическое господство баяторговца, перекупщика-ростовщика. Налоговая реформа освободила от налога бедноту, понизила нормы налога для середняков и перенесла налоговую тяжесть на байские, манапские и кулацкие хозяйства.

В 1921 году на территории Киргизии были созданы сельскохозяйственные потребкооперации. Кооперирование крестьянских хозяйств дало широкий толчок для высвобождения их из-под экономического влияния баев и кулаков и тем самым укрепило смычку между рабочим классом и крестьянством.

Земельно-водная реформа проводилась на основе повышения политической активности бедняков и середняков, которые брали инициативу в свои руки. Земля наделялась по классовому, а не по родоплеменному признаку, и это стимулировало рост политической сознательности трудящихся масс киргизов. Земельно-водная реформа подорвала влияние баев, манапов, кулаков и нанесла удар по патриархально-феодальным пережиткам. До проведения земельно-водной реформы плодородные поливные земли находились в руках баев и кулаков, которые скопляли значительные массивы лучших угодий.

5-я областная партийная конференция, подводя итоги земельно-водной реформы в Киргизии, записала, что земельно-водная реформа обеспечила осуществление фактической национализации земли и социалистического воздействия на сельское хозяйство.[1]

В успешном проведении политики партии и правительства большую роль сыграла массовая организация бедноты—союз „Кошчу". Он сплотил киргизскую бедноту вокруг Коммунистической партии, вел разъяснительную работу среди трудящихся масс, развивал политическую активность дехкан в борьбе за новую жизнь, укреплял связи между русскими и киргизскими трудящимися.

Большую роль сыграло в укреплении власти Советов и тесного взаимоотношения с великим русским народом постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 1 февраля 1926 года о преобразовании Киргизской Автономной области в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

В Постановлении ЦИК РСФСР было указано: „Обеспечить Киргизскую АССР денежными и техническими средствами и кадрами (из числа русских) для быстрейшего развития экономики и культуры киргизского народа".

---

[1] „Резолюция 5-ой Облпартконференции Киргизии, изд. Киробкома РКП(б), стр. 12.

С помощью РСФСР Киргизская АССР достигла значительных успехов в расцвете экономики и культуры киргизского народа. Преобразование Киргизской Автономной области в Киргизскую АССР было большим историческим событием в жизни киргизского народа.

Партийная организация и правительство Киргизской АССР приняли постановление „О выселении из пределов Киргизстана наиболее крупных скотоводов из коренного населения, препятствующих советизации аила". Это мероприятие освободило трудящихся из-под влияния баев и манапов. В постановлении говорилось: „В целях освобождения трудового кочевого дехканства из-под бай-манапского влияния, а также в целях создания необходимых условий для скорейшего экономического подъема и культурного развития трудящихся Совет Народных Комиссаров Киргизской АССР постановляет провести... в Каракольском, Таласском кантонах... выселение тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодально-патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аила"[1].

В результате установления Советской власти в Киргизиии, проведения земельно-водной реформы и землеустройства киргизского населения, развития сельскохозяйственной кооперации, выселения баев и кулаков, советизации аила, увеличения сельскохозяйственного кредита были подготовлены условия для проведения коллективизации в Киргизии.

Коллективизация сельского хозяйства в Киргизии проходила в обстановке ожесточенной классовой борьбы, в том числе и с местными националистами, которые требовали организации колхозов по родовому признаку: „в каждом роду—свой колхоз". Однако трудящиеся массы Киргизстана, следуя призывам партии и опираясь на помощь русского народа, развернули борьбу за сплошную колллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. Коллективизация хозяйства была глубочайшим революционным переворотом в жизни киргизского народа.

Сплошная коллективизация на Иссык-Куле первоначально происходила в зерновых районах, таких как Иссык-Кульский, Теплоключенский, Тюпский, а в животноводческих районах получили широкое распространение товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Колхозы в указанных районах организовывались только по территориальному признаку.

Коллективизация сельского хозяйства в Киргизии завершила некапиталистическое развитие киргизского народа по пути к социализму. Русский народ оказал киргизам огромную помощь в коллективизации сельского хозяйства и построении колхозов. Областные Советы Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска брали шефство над Киргизией. Так, в 1928—29 гг. было завезено 222 трактора, 31 тыс. плугов, завоз сеялок увеличился в 4 раза.[2] Текстильщики Ярославля шефствовали над Фрунзенской областью, они оказали помощь в приобретении тракторов, минеральных удобрений, сортовых семян. Рабочие Москвы, Ленинграда, Ярославля посылали в Киргизию из своих рядов квалифицированных трактористов, агрономов и т. п.

---

[1] Сб. „20 лет со дня образования Киргизской Советской Социалистической Республики", Фрунзе, 1946, стр. 13.

[2] См. „Киргизия к Всесоюзной выставке", Фрунзе, Киргосиздат, стр. 14.

ЦК ВКП(б) направил в Киргизию из числа 25-тысячников 217 русских рабочих для проведения организационно-хозяйственного укрепления колхозов в Киргизии. Они организовали в колхозах новые формы труда—социалистическое соревнование—и проводили среди населения воспитательную работу в духе коммунистического интернационализма.

В развитии колхозного движения основную роль сыграли машинно-тракторные станции и совхозы, созданные русскими рабочими, через которые местное население познакомилось с преимуществами ведения коллективного хозяйства и новой техникой—тракторами, сеялками и другими сельскохозяйственными машинами.

В результате киргизы Иссык-Кульской области в кратчайший срок организовали коллективные хозяйства. К 1938 году на территории Иссык-Кульской области было 217 колхозов с общей площадью земельного фонда 1517,2 тыс. га. Машинно-тракторные станции в 1938 году обслуживали 197 колхозов, обрабатывая 93,8% всей посевной площади.

Русские рабочие и интеллигенция воспитали из лучших трудящихся киргизов руководителей колхозов. Они дали колхозному движению стойкие и испытанные кадры.

В результате победы колхозного строя в Иссык-Кульской области увеличилась посевная площадь и товарность сельского хозяйства. Животноводство, как одна из главных отраслей сельского хозяйства, начало интенсивно развиваться только с переходом населения Иссык-Кульской области к коллективным формам хозяйства. Подгорные и горные степи, субальпийские луга Иссык-Кульской области, ее тучные поля и обильные пастбищные угодья обеспечивали благоприятные условия для развития скотоводства.

В колхозах и совхозах стали строить светлые и просторные помещения, где в зимнее время содержали молодняк и коров молочно-товарных ферм. Получила дальнейшее развитие, особенно в послевоенные годы, механизация животноводства, в том числе электрификация скотных дворов и оборудование их автопоилками, электродоильными и электростригальными аппаратами.

Еще до выпуска животных на пастбища колхозники-животноводы вместе с заведующими фермами и зоотехниками составляют планы использования выпасных угодий. Выделенные пастбища разбивают на загоны, устанавливают календарный план стравливания их. Особое внимание животноводы уделяют подготовке скота к выходу на пастбища. Перед выгоном осматривают весь скот колхоза. Животные взвешиваются, производятся профилактические прививки.

Часть общественного скота по сей день содержится круглый год на отгонных пастбищах—сыртах. Пастбищные угодья—сырты—представляют собой неравноценные пастбища по составу трав.

Отгонное колхозное скотоводство рационально использует каждый гектар земли, чтобы зимой было больше подножных кормов. Колхозники-животноводы создают надежный страховой запас кормов. Они стали сеять на сыртах ячмень, чтобы не зависеть от случайностей погоды.

Кроме создания зерновой базы, несмотря на короткое лето, здесь выращивают много разнообразных кормовых культур: эспарцет, люцерну, клевер, ежу сборную, райграс, овсяницу и др. Этим новшеством киргизы обязаны русскому народу.

Для максимального использования содержания колхозного скота на сыртах прилагают силы научные экспедиции Академии наук Киргизской ССР и Киргизский научно-исследовательский институт животноводства, созданные при помощи и содействии русских советских ученых.

Машинно-тракторные станции помогают колхозам посеять и убрать зерновые и сено на сыртах. В долинах все работы по уборке урожая и заготовке кормов производятся с помощью современной мощной техники.

За годы Советской власти проделана большая работа по улучшению породного состава скота. Киргизы разводят высококачественные породы лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз.

Ученые Киргизского научно-исследовательского института животноводства совместно с учеными других институтов вывели новые породы сельскохозяйственных животных. Молочно-товарные фермы колхозов местами состоят из коров алатауской, аулиэатинской и симментальской пород. Кормление этих коров производится по научно-обоснованным нормам, рационы составляются из разнообразных кормов.

Выведены новые горные тонкорунные породы овец, которые дают в среднем 3—4 *кг* шерсти. На конном заводе № 54 и в передовых колхозах области успешно проведена работа по выведению новой породы улучшенной киргизской лошади.

Благотворное влияние советской передовой и в первую очередь русской науки мы видим и в области киргизского земледелия. Применение передовой советской агротехники дало возможность колхозам Иссык-Кульской области получать высокие урожаи.

В некоторых колхозах созданы дома сельскохозяйственной культуры, где проводится пропаганда научных знаний и передового опыта, а также агротехническая и зоотехническая учеба колхозников. Здесь организуются различные курсы и доклады, демонстрируются научно-популярные фильмы. Роль русских работников в этой просветительной работе трудно переоценить. Эта работа ведется и на высокогорных пастбищных участках, где скот содержится круглый год. Там имеются красные юрты. Колхозники-животноводы получают газеты и журналы, агитаторы и депутаты местных советов знакомят их с последними новостями из жизни своей Родины и зарубежных стран. Кинопередвижки регулярно показывают кинокартины, дублированные на киргизский язык.

Опыт работы передового сельского хозяйства популяризируется через областные и районные газеты, радио, через Областное общество по распространению политических и научных знаний и становится достоянием широких масс.

Применение сельскохозяйственных машин, электрификации, химизации и достижений агробиологической науки в сельском хозяйстве содействует укреплению колхозов.

Одной из движущих сил в колхозах Иссык-Кульской области является социалистическое соревнование. В. И. Ленин писал: „Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый

родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами".[1].

Социалистическое соревнование в колхозах Иссык-Кульской области основано на товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи киргизских и русских колхозников. В колхозах Иссык-Кульской области выросла плеяда орденоносцев, Героев Социалистического Труда, мастеров земледелия и животноводства как из среды киргизского, так и русского населения.

Прогрессивное влияние культуры русского народа на улучшение бытовых условий киргизов наиболее быстро стало проявляться в годы Советской власти. Помощь русского народа сказалась прежде всего в массовом переходе киргизов к оседлости. В 1931 году Киргизский Областной Комитет ВКП(б) принял постановление о плановом переводе кочевых хозяйств на оседлость. Постановление это имело огромное политическое и хозяйственное значение в деле перестройки животноводства на социалистической основе. Партийная организация области, опираясь на Советы и другие массовые организации трудящихся, развернула борьбу за ломку вековых устоев кочевого хозяйства, преодолевая сопротивление баев, манапов и местных националистов[2].

Буржуазные националисты выступали против оседания кочевников. Они говорили, что кочевой образ жизни — „естественный" для киргизов.

Плановое оседание кочевников создавало новый и более совершенный тип социалистических селений. Оседанию кочевников оказали большую помощь русские крестьяне, колхозники и рабочие. Они помогали в планировке селений, строительстве домов, школ, больниц, помещений для скота.

В день 25-летия Киргизской ССР трудящиеся киргизы писали: „Мы, киргизы, в недавнем прошлом вели кочевой образ жизни. Почти единственным родом занятий у нас было примитивное скотоводство. Теперь мы, применяя передовую советскую агрономическую науку и технику, возделываем и выращиваем высокие урожаи зерновых, хлопка, сахарной свеклы, табака, конопли, кенафа, лекарственных и многие другие культуры. Мы стали садовниками и виноградарями".[3]

В настоящее время каждый поселок пересекает главная артерия водоснабжения, текущая с гор и веером расходящаяся от главного арыка на сельскохозяйственные угодья. Современные поселки представляют собой параллельные улицы, по краям их проложены арыки, обсаженные деревьями. Улицы ориентированы часто в зависимости от рельефа. Во многих поселениях они имеют направление с востока на запад. Уличная планировка характеризуется наличием двух рядов домов, поставленных фасадами к улице друг против друга. Новые дома колхозников ставятся в ряд. Ширина улиц колеблется от 50 до 70 метров. Каждая улица в селах имеет свое название.

В настоящее время в колхозных селах много зданий, в которых сосредоточивается не только производственная, но и общественно-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 357.

[2] Сб. „25 лет Киргизской ССР", г. Фрунзе. 1951, стр. 105.

[3] Письмо т. Сталину от трудящихся Советской Киргизии в связи с 25-летием Киргизии, Киргосиздат, 1949, стр. 7.

политическая и культурная жизнь. Появились общественные здания правлений колхозов, сельсоветов, клубы, больницы, детские ясли, библиотеки. Чаще всего общественный центр располагается в середине села. Нередко этот участок обнесен изгородью и на нем разбит цветник, сквер; у зданий правления и сельского совета—художественно оформленные доски почета. Часто в центре усадьбы или непосредственно у здания воздвигнуты монументальные скульптуры. В каждом колхозе созданы хозяйственные усадьбы, сельскохозяйственные фермы, мастерские, электростанции.

Правления колхозов им. Кирова Ичке-Джергесского сельсовета, Ново-Вознесеновского района, им. Карла-Маркса, Тонского района, им. Ленина, Иссык-Кульского района и многих других колхозов области расположены в новых одноэтажных зданиях, здесь имеются комнаты для бухгалтерии, кабинет председателя колхоза и комнаты для заседаний правления, для партийной организации. Сельский Совет занимает иногда отдельный дом, но в большинстве случаев находится в одном здании с правлением.

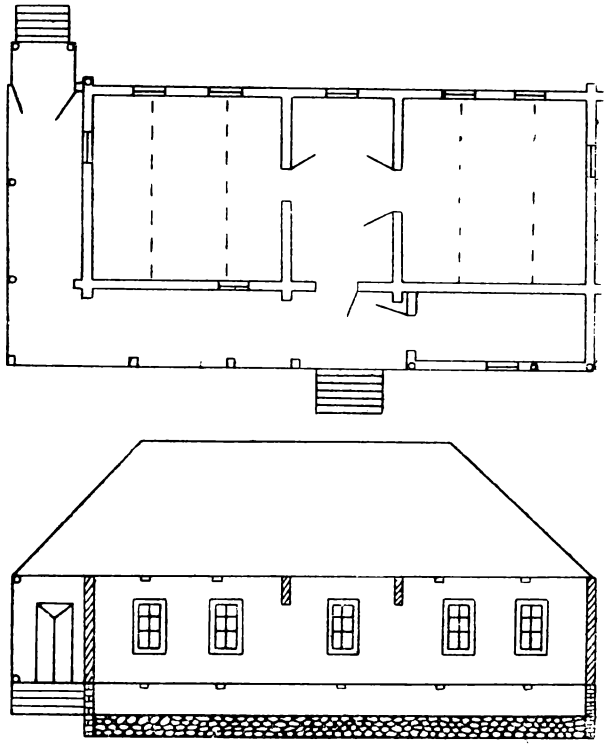


Рис. 30. Срубный дом. Правление колхоза им. Кирова, Ичке-Джергесский сельсовет, Ново-Вознесеновского района.

Вокруг общественных зданий посажены молодые деревья. Иногда во дворе общественного центра колхоза имеется хозяйственный двор, где находятся склады с зерном, плотничья и столярная мастерские, кузница и др. Возьмем к примеру здание правления колхоза им. Кирова, Ичке-Джергесского сельсовета, Ново-Вознесеновского

района. Оно срубное, с четырехскатной крышей, на каменном фундаменте (рис. 30). Расположение комнат произведено с таким расчетом, чтобы посетители и колхозники могли попасть отдельно к председателю правления, бухгалтеру, секретарю колхоза. С улицы имеется лестница, по которой поднимаются и попадают на широкую (около 2 *м* ширины) веранду. На этой веранде висит красиво оформленная доска почета, стенная газета и пр. Плакаты, лозунги развешены внутри комнаты. Все комнаты меблированы и по виду не уступают районным и городским служебным помещениям. Во дворе здания правления расположены производственные мастерские, склад сельскохозяйственного инвентаря, зернохранилище, кузница, сарай для стоянки автомашин, где стоят тракторы, телеги, брички и др.

После укрупнения колхозов иногда хозяйственные постройки оказывались разбросанными. В качестве примера можно сослаться на колхоз им. Сталина, Ак-Дюбинского сельского совета, Джеты-Огузского района. Общественный центр у него находится в селе Анустен, а хозяйственные постройки сосредоточены еще на трех участках.

На окраине села Ак-Булун, Ново-Вознесеновского района, построено красивое кирпичное здание для МТФ с электрическим освещением и застекленными окнами. Оно представляет собой длинное одноэтажное помещение с двухскатной крышей. Хозяйственные постройки нередко строятся из огнеупорных материалов кирпича, цемента, а для крыши применяют шифер, черепицу и железные листы. До настоящего времени крыши хозяйственных построек были покрыты тесом, соломой или камышом. Покрытие этими легко воспламеняющимися материалами запрещено ввиду возникновения очага пожара. Существенное значение имеет начавшееся строительство общественных бань в колхозах.

В районных центрах Боконбаевское, Талды-Су, Тюп, Покровка и др. построены здания районных учреждений, машинно-тракторные станции, оснащенные современной техникой мастерские, общественные столовые, средние школы с интернатами, районные больницы с амбулаториями, районные магазины, ветеринарные пункты и пункты искусственного осеменения животных, клубы, радиоузлы, электростанции.

Строительство общественных и животноводческих помещений ведется большей частью наемными строительными рабочими и плотниками, которые организуют бригады, состоящие как из русских, так и киргизов. Такие бригады имеются почти во всех колхозах области. В некоторых колхозах („Ала-Тоо", им. Ленина, им. Шевченко, „Дыйшин") имеются свои лесопилки (пилорама). Плотничное дело вошло в среду колхозников-киргизов, перенявших его у русских плотников. Улицы колхозных сел и дома колхозников освещены электрическим светом, но пока еще не во всех колхозах. Большинство колхозов радиофицировано. Правления связаны телефоном с районными и областными центрами. Наряду с колхозными селениями имеются рабочие поселки совхозов.

На западной оконечности озера Иссык-Куль, на стыке двух шоссейных дорог, за годы Советской власти вырос рабочий поселок Рыбачье. В 1952 году он был переименован в город Рыбачье. Он является важным экономическим центром Иссык-Кульской области. В городе Рыбачье имеются: гостиница, магазины, столовые. С 1948 года в городе работает железнодорожная станция, что способствовало его

дальнейшему экономическому развитию. Работают мясокомбинат, лесопильные, деревообделочные, рыбоперерабатывающие и другие предприятия.

Областной центр Иссык-Кульской области г. Пржевальск стал научным и культурным центром. В нем имеется Государственный педагогический институт, 5 специальных средних учебных заведений, 4 средних, 5 семилетних и 4 начальных школы, областная больница,

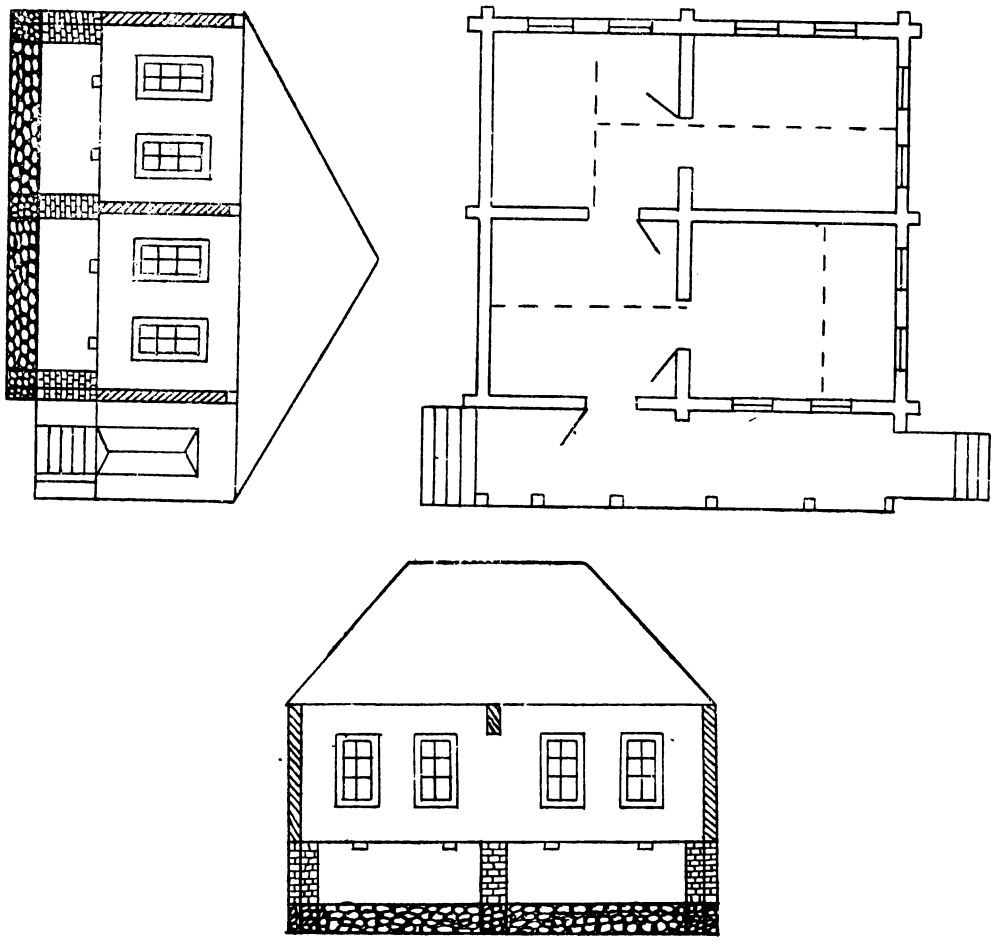


Рис. 31. Срубный дом с четырехскатной крышей. С. Тюп, Тюпского района.

областной драматический театр. Развивается пищевая и легкая промышленность, работают пивоваренный, винодельческий, кожевенный, кирпичный и цементный заводы и т. д.

В жилищном строительстве киргизов в настоящее время произошли коренные изменения, связанные с изменением условий материальной жизни. Дома в большинстве строятся из сырцового кирпича или дерева (срубные) (рис. 31). Стали строиться также дома из жженого кирпича.

Успехи социалистического хозяйства привели к тому, что колхозники стали жить в просторных, светлых и уютных многокомнат-

ных домах, К дому теперь часто пристраивают веранду. Одноэтажная жилая постройка типична для Прииссыккулья.

Возрастающие культурно-бытовые потребности киргизов-колхозников, обусловленные ростом их благосостояния, вызвали строительство домов городского типа. Примером стремления колхозников жить в светлых, просторных, уютных домах является дом колхозника сельхозартели им. Ленина Барскаунского сельсовета, Покровского района Калкабаева Калемалы (рис. 32). Дом из сырцового кирпича, на каменном фундаменте, покрыт четырехскатной тесовой крышей. Он построен в 1947 году и состоит из трех комнат. Две комнаты выходят на улицу, а третья—во двор. Вход с улицы на веранду (шириной 1,5 *м*) по лестнице. Пол в доме деревянный, крашеный, окна широкие, светлые с двойными рамами. На подоконниках—цветы.

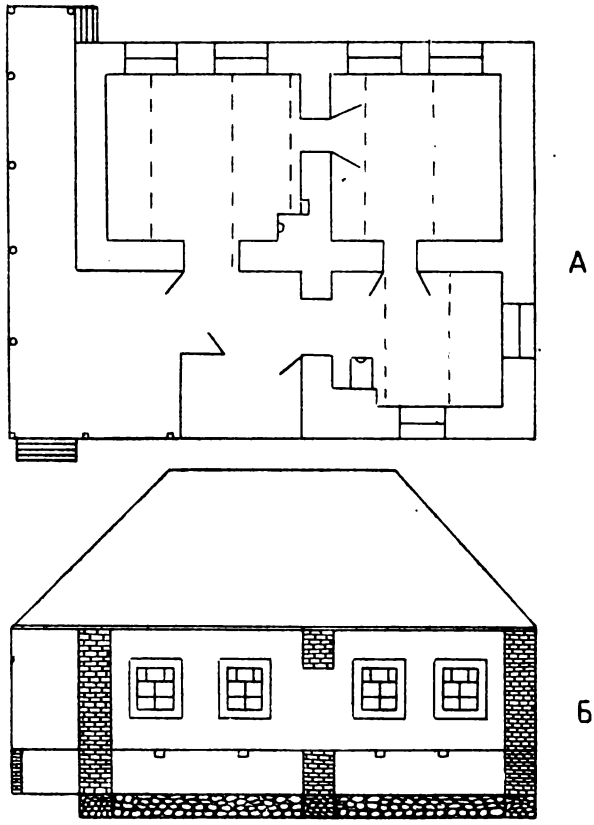


Рис. 32. Дом колхозника Калкабаева К. Колхоз им. Ленина, с. Барскаун, Покровского р-на.

Дом колхозника сельхозартели им. Ленина Байходжаева М. расположен перпендикулярно к улице (рис. 33). В одной из комнат (особенно зимой) протекает вся жизнь семьи. Зимою здесь готовят на плите пищу, едят и выполняют домашнюю работу. Передняя комната, обращенная на улицу, с двумя окнами, является гостиной. Эту комнату убирают тщательно, со вкусом. Крыша дома двухскатная, покрытая

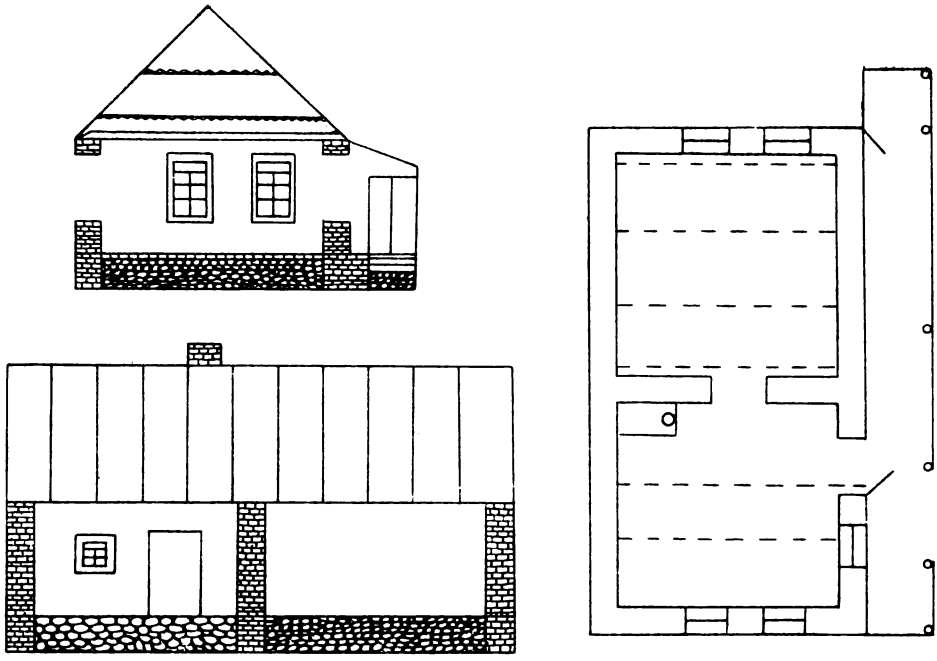


Рис. 33. Дом колхозника Байходжаева М. Колхоз им. Ленина, с. Шалба Джеты-Огузского района.

тесовыми досками. Фасад имеет два ряда резных деревянных украшений. Окна со ставнями. Построен дом из кирпича, на каменном фундаменте. Имеется терраса шириной 1,5 метра, выходящая лестницей на улицу.

У колхозника сельхозартели им. Сталина, Ново-Вознесеновского района Шамырбекова Жумалы (рис. 34) дом расположен фасадом с двумя окнами на улицу. Дом покрыт плоской двухскатной крышей, состоящей из размешанной с соломой глины. Вход во двор—с запада. Имеется терраса. Вышеописанные дома являются довольно типичными для колхозников Иссык-Кульской области.

Высота комнат варьирует примерно от 2 до 2,4 метра. В жилище проникает много света, так как окна делаются не только по фасаду, но и с других сторон. Размер окна примерно 130×70 *см*.В домах новой постройки чаще окна делают с двойными (зимними) рамами, как правило, с форточкой. Построенные за последние годы дома отличаются устройством крыльца, иногда превращенного в застекленную террасу. К основному дому теперь стараются пристраивать веранду или террасу. Она, по существу, у киргизов служит летним помещением, здесь обедают, работают и спят. Высота веранды такая же, как высота комнаты. Часть веранды иногда отделена дверью и используется как кладовая. Эту клетушку киргизы называют по-разному. Например, в Покровском районе—„чөнтөк уй", то есть „карманный домик", в Джеты-Огузском районе—„чылан" от слова „чулан", в остальных районах области называют кладовой.

Во многих домах делают подполье, хотя и не очень глубокое

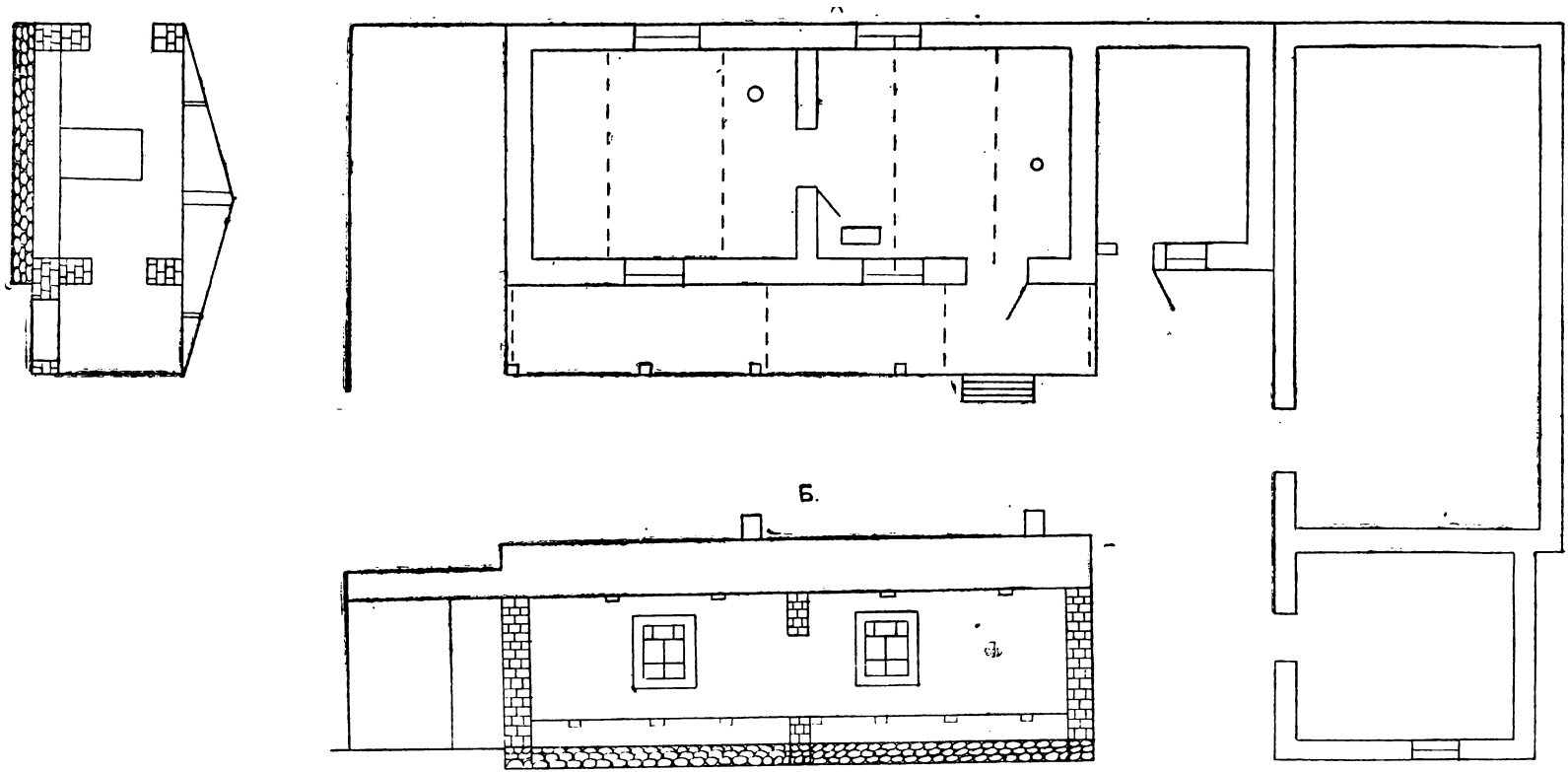


Рис. 34 .План жилого дома из сырцового кирпича и с подворными постройками колхозника Шамирбекова. Колхоз им. Сталина, с. Ак-Булун, Ново-Вознесенского района. А—план дома, Б—фасад дома.

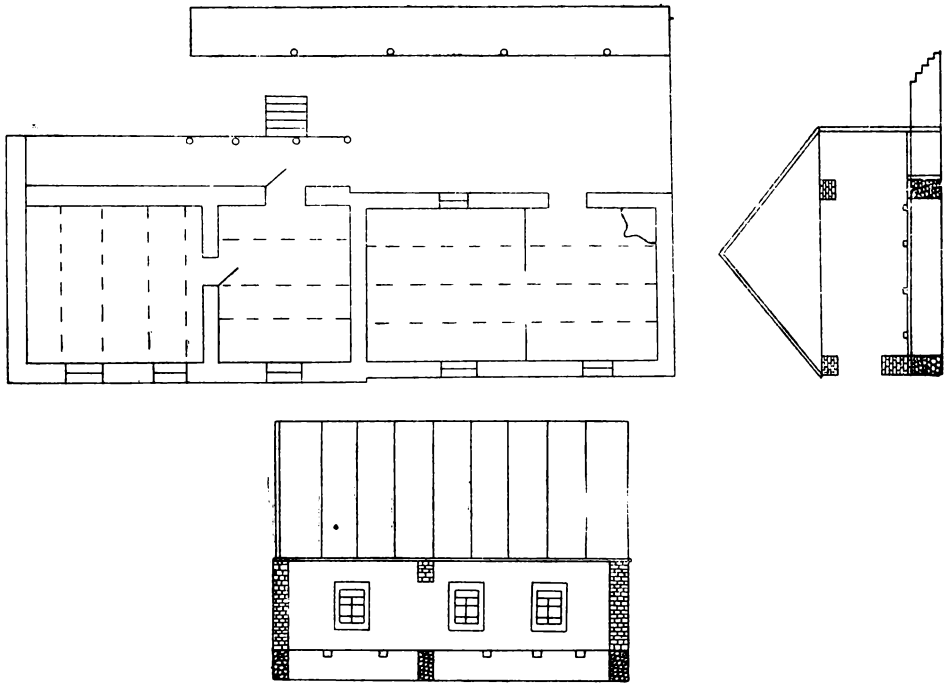


Рис. 35. Дом с двухскатной крышей колхозника Иманалиева С. Колхоз „Ала-Тоо" Дарханского сельсовета, Покровского района.

(1 или 1,5 *м*). Подполье служит для того, чтобы хранить, главным образом, фрукты, овощи.

С ростом благосостояния колхозники в настоящее время стараются для покрытия домов применять шифер, железо, черепицу, которые постепенно вытесняют другие материалы.

Иногда для покрытия хозяйственных построек—овчарен, курятников и других—применяется солома или камыш.

Киргизы по примеру русских красят полы, двери, окна, подоконники, карнизы, наличники, железную крышу. Лучшей краской у колхозников считается масляная. Красят в синий, голубой, красный, зеленый и другие цвета. Крыши домов, если они железные, покрывают красной краской, дверные и оконные косяки—голубой и зеленой.

Резные деревянные украшения не получили широкого распространения на Иссык-Куле. Встречаются такие украшения на калитках, карнизах и воротах дома; они сделаны путем пропиловки и включают в себя в большинстве случаев пятиконечную звезду, серп и молот.

В домах основным видом отопления является плита (с духовым шкафом). В настоящее время каждый колхозник старается жить в многокомнатных домах, поэтому дополнительно строят, кроме плиты, печь-голландку или ставят железную печь. Голландская печь и плита складываются из жженого кирпича, на прочном фундаменте. Для приготовления пищи местами пользуются электроплиткой.

Большое значение придается внутреннему убранству и внутренней отделке дома. Внутреннее убранство и отделка дома у колхоз-

ников-киргизов отличается от убранства и отделки домов, жилища дореволюционного периода. Зажиточная жизнь колхозников дала возможность сделать дома уютными, чистыми. Пол нередко красят масляной краской, застилают орнаментированными кошмами и шырдаками.

В комнатах обычно стоят две—три железные, нередко и никелированные, кровати. Они помещаются в спальне и в других комнатах. Убранству кровати уделяют много внимания, ее украшают кружевным подзором, покрывают тюлевым или бархатным покрывалом. На кровати аккуратно лежат горой пуховые подушки (жаздык) в цветных или белых наволочках с ажурными накидками или покрытые тюлевым покрывалом. Входят в обиход диваны. Над ними, на стенах вешают киргизского изготовления или фабричные стенные ковры, иногда висит занавес (кошого). На окнах—тюлевые шторы, занавески. На подоконниках стоят цветы в горшках. Над дверями в прихожей вешают портьеры из хлопчатобумажной материи, а над другими дверями комнат - из более качественной и дорогой материи.

В каждой комнате имеется для платья вешалка (кийим илгич,) которая завешивается белым покрывалом (кийим жапкыч), украшенным внизу вышивкой крестом и кружевами. Дома обставлены столами, стульями и креслами. Стол в комнате в большинстве случаев ставят в углу от входа или у стены между двумя окнами. Еще и сейчас некоторые стараются принимать гостей и работать на полу, для этой цели специально оставляют на полу свободное пространство. Стены передней комнаты украшают фотографиями в рамках, с красиво вышитыми полотенцами (суу жолук). На видном месте висят портреты руководителей партии и правительства. В комнате между окнами иногда стоит шкаф для хранения праздничной одежды. Во многих домах имеются этажерки или полочки с политической, сельскохозяйственной и художественной литературой.

Прочно вошли в быт электричество и радио. Электричеством освещается прихожая, кухня, передняя, сени, двор и др., т. к. 90% колхозов Иссык-Кульской области электрифицированы. Стали обычными настольные и стенные часы, зеркала и патефоны. Широко используются кружевные изделия, ковры, встречаются расписные металлические подносы. В настоящее время в селениях окончательно вытеснена самодельная кожаная и деревянная посуда более гигиеничной посудой заводского изготовления.

Хозяйственные постройки колхозников занимают довольно большую площадь. Дворы строятся рядом с домом, так как при всех своих недостатках такая застройка имеет преимущество в ненастное время года. Размеры двора различны. В каждом дворе имеются помещения для скота, в большинстве случаев теплые хлевы для коров и конюшни для лошадей. Во дворе—сарай, курятник (тоок кана). На сарае (наверху) хранится скошенное сено или солома, чтобы обеспечить скот кормом в зимние месяцы. Во дворе каждого жилого дома есть очаг, на котором в весеннее и летнее время готовят пищу. Рядом с очагом находится печь—дандыр, в которой пекут хлеб. Около дома иногда пристраивается ашкана—кухня, которая используется также для хранения хозяйственного инвентаря и продуктов питания.

Ограждают двор глинобитной стеной. В заборе имеются двухстворчатые ворота с крышей. На приусадебном участке расположены огороды,

где выращивают зерновые культуры и овощи, садики, в которых растут яблони, груши, вишни и другие фруктовые деревья.

Таким образом, современное социалистическое селение киргизов — айыл резко отличается от старого селения и отражает новые, гораздо лучшие материальные условия жизни трудящихся киргизов.

Оседлый образ жизни позволил создать сеть культурных учреждений, которые способствуют изменению психологии бывшего кочевника. Изменение быта киргизов после Октябрьской революции нашло отражение и в одежде, причем эти изменения также связаны с продолжающимся влиянием русской культуры. Старые виды одежды, приспособленные к кочевому образу жизни, перестали удовлетворять запросы и вкусы трудящихся киргизов. Переходу к новым и разнообразным видам костюма весьма способствовали новые материальные условия быта, рост культуры в деревне и возможность приобретения промышленных товаров.

Старинная национальная одежда сохранилась в настоящее время в большей степени у стариков и старух. Молодежь же, как правило, носит одежду городского покроя. Юноши и мужчины носят брюки галифе, гимнастерки, подпоясанные ремнем, кители защитного цвета. Головными уборами служат фуражка, кепи, войлочная шляпа—колпак или фетровая шляпа. Сапоги теперь фабричного изделия, в сырую погоду их обувают с резиновыми галошами.

Широко распространены костюмы городского покроя—брюки навыпуск и пиджаки, а также рубашки с отложным воротничком, светлые шелковые сорочки с манжетами на рукавах, которые застегиваются запонками. Летом, наряду с сорочкой, носят белые шелковые и хлопчатобумажные кители, фабричные ботинки и полуботинки (зимою—с галошами), спортивные туфли и сандалии.

Если носят одежду военного покроя, то весною и осенью поверх гимнастерки или кителя надевают телогрейку без рукавов.

Зимой верхней одеждой мужчин является пальто городского покроя. Зимние шубы—ичик—собственного производства шьют из лисьих, бараньих, сурковых шкур, шерстью внутрь, а покрывают их сукном или вельветом. Мужская шуба из меха называется бүйүмө тон; она крыта сукном, у талии собрана в сборки и имеет широкие расходящиеся полы. Этот вид шубы имеет большое сходство с русской поддевкой. Из выделанной овечьей шкуры шьют шубу на меху. Зимою мужчины носят теплые и меховые шапки-ушанки, обычно покупные.

Молодежь в настоящее время не бреет голову, а носит распространенные прически городского типа. Летом часто ходят с непокрытой головой, что раньше было тяжелым отступлением от предписаний корана.

Наибольшие изменения произошли в костюме женщин-киргизок, в первую очередь в головных уборах. Старинный головной убор—элечек—заменен фабричным платком. Элечек сохраняется только у пожилых женщин. В способе завязывания платка сохранились локальные и возрастные традиции. Кроме платка, носят береты, шляпы, шелковые шали. Волосы женщины и девушки заплетают в две косы, часто подбирая и связывая их сзади. Многие молодые женщины носят городскую прическу, но без завивки. Летом они, как и мужчины, ходят с непокрытой головой.

Старинная женская обувь маасы—сохраняется лишь у пожилых

киргизок, но вместо кожаных калош они надевают резиновые. Молодежь окончательно оставила старую обувь, заменив ее туфлями, ботинками, сандалиями, спортсменками и русскими сапожками. В их быт прочно вошло ношение чулок, носков. Появление покупного, особенно трикотажного белья, совершенно преобразило одежду киргизской женщины, у которой одна и та же рубашка в прошлом одновременно являлась и нательной и верхней одеждой. Многие девушки и молодые женщины носят покупные платья городских фасонов с короткими рукавами. Однако большинство женщин выбирает фасоны, близкие к национальным традициям: с длинными рукавами, с разрезом спереди и другими характерными чертами. Наиболее распространенным в сельских местностях является платье, называемое „киргизским", в котором наряду с элементами, заимствованными от фасонов русского платья, сохраняются многие черты национальной женской одежды. „Киргизское" платье очень удобно при выполнении сельскохозяйственных работ.

Киргизки носят также юбки и блузки, покупая их в магазине или делая у местных мастериц. Белые шелковые блузки девушки-киргизки вышивают крестом на груди и рукавах. Кроме национальных узоров, для вышивания заимствуют рисунки от русских, проживающих по соседству. Цветовая гамма киргизской вышивки такая же, как и у русских. Для вышивки употребляются цветной шелк-сырец и мулине. Летом некоторые девушки носят также сарафаны.

На платье одевают безрукавку (кармама) с узкими, сильно скошенными плечами и большим вырезом спереди на шее. Кармама застегивается на 2—3 пуговицы. Поверх него надевают женские костюмы городского покроя, трикотажные или суконные жакеты. Зимою многие киргизки носят покупные пальто. Особенно распространены меховые пальто, сделанные местными мастерицами из меха сурков, а также плюшевые[1].

Фасоны и выкройки местные мастерицы берут от русских портних в районных центрах или в г. Пржевальске. Сохранение национальных особенностей в одежде киргизов отчетливее прослеживается также у колхозников, занятых обслуживанием скота на высокогорных выпасах. Одежда их в большинстве случаев состоит из овчины и меха, так как климатические условия Тянь-Шаня требуют более теплой и непромокаемой одежды.

Начали распространяться в настоящее время новые формы различной спецодежды. В спецовках работают трактористы, комбайнеры, механики, колхозные кузнецы, мельники, монтеры и т. д. Специальные резиновые сапоги употребляют поливальщики полей. К ношению спецодежды постепенно переходят и некоторые колхозники.

Изменение одежды киргизов коренным образом улучшило личную гигиену киргизов вообще.

Таким образом, киргизы приняли современный русский городской костюм, его моды и покрои.

Скажем несколько слов о пище киргизов. С изменением материальных условий жизни она обогатилась. Киргизы переняли все лучшее

---

[1] А б р а м з о н С. М. Опыт монографического изучения киргизского колхоза. Журн. „Советская этнография", № 3, 1953 г.

из кухни народов братских республик, особенно из богатой и разнообразной пищи русского народа.

Если до революции у киргизов главное место в питании занимала молочно-мясная пища, то в настоящее время в меню вошло большое количество мучных, мясных, овощных и молочных блюд, которые широко бытуют у русского населения.

Теперь мясо употребляется в меньшем количестве и с приправой. Совершенно новыми в кухне киргизов являются продукты питания, приготовленные из свиного сала и мяса. Молодежь употребляет свинину в пищу, хотя раньше это было запрещено. Сохранение старых национальных особенностей в пище киргизов отчетливее прослеживается у колхозников-животноводов, занятых обслуживанием скота на сыртах.

Благодаря советскому государственному строю киргизам стали доступны и современные средства транспорта, над развитием которого так много трудился русский народ.

В настоящее время развитым видом транспорта является автомобиль. Отдельные колхозники Иссык-Куля имеют собственные легковые автомобили марки „Москвич" и „Победа". Киргизские колхозы имеют как грузовые, так и легковые автомобили, находящиеся в колхозной собственности. Для поездок на дальние расстояния внутри области население обычно пользуется услугами рейсовых пассажирских и попутных автомобилей. По озеру Иссык-Куль регулярно курсируют пассажирские и грузовые пароходы.

Проникли в быт киргизов и такие средства передвижения, как велосипед, мотоцикл. С 1948 года построена железная дорога Фрунзе—Рыбачье, по которой регулярно курсируют пассажирские поезда.

Распространенным видом транспорта на ближнее расстояние по ровной дороге является лошадь в упряжке (телега и сани). Большое развитие современного машинного транспорта не уничтожило значения местного гужевого и верхового транспорта. У колхозников-скотоводов (во время перекочевок и пастьбы скота) верховое и вьючное передвижение играет большую роль. Лошадь у них остается основным видом транспорта.

Все колхозы Иссык-Кульской области телефонизированы, большая часть их радиофицирована, во всех сельсоветах имеются отделения связи.

После Великой Октябрьской социалистической революции особенно усилилось благотворное влияние русского народа на семейные отношения киргизов.

Со дня установления Советской власти в Киргизии местные партийные и советские организации проводят активную работу среди женщин по вовлечению их в социалистическое строительство. Советская власть уничтожила патриархально-феодальные и капиталистические отношения и раскрепостила женщину-киргизку. Женщина получила право на свободный выбор супруга независимо от воли родственников, от их расчета.

В настоящее время главным фактором в заключении брака является взаимная склонность.

Победа советского строя сделала киргизскую женщину равноправной с мужчиной и открыла ей путь к образованию. В настоящее время в средних и семилетних школах Киргизии учится свыше 30 ты-

сяч девушек.[1] В 1952 году на базе бывшего Киргизского женского педагогического училища был открыт Киргизский женский педагогический институт, где студентки находятся на полном обеспечении государства. Здесь, впервые в истории, киргизки не только учатся, но участвуют в различных кружках и физкультурных секциях. Во внеурочные часы они занимаются в кружках кройки и шитья, вышивания. Около трех тысяч девушек учатся теперь в высших учебных заведениях, свыше трех тысяч девушек занимаются в специальных средних технических учебных заведениях.

Если в старом киргизском обществе, как уже говорилось, молодые люди, вступающие в брак, были совершенно незнакомы, то теперь молодежь получила возможность общаться со своими сверстниками и хорошо узнавать друг друга благодаря совместной работе в колхозах, совхозах, на заводах и фабриках, совместной учебе в школе и высших учебных заведениях.

Большое значение для киргизской молодежи имеет и то, что она получила возможность заниматься в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Киева, Чкалова и других крупнейших городов нашей страны. Обучаясь в этих городах, они с первого же курса входят в дружную семью института, сближаются с русскими юношами и девушками, которые помогают студентам-киргизам в овладении русским языком, подготовке к занятиям и экзаменам.

Дружба между киргизской и русской молодежью, как и с молодежью других национальностей, возникшая в совместной учебе, не прекращается и после окончания института.

В результате тесного общения русского и киргизского народов увеличилось количество браков, заключенных между киргизами и русскими. Благотворное влияние русских девушек на киргизских огромно в смысле повышения культурного уровня, улучшения домашнего быта.

Нет такой хозяйственной, культурной и государственной области жизни в Киргизии, где бы женщина не работала. Она трудится наравне с мужчинами на колхозных полях, у станка на заводах и фабриках, на шахтах и рудниках, в культурных учреждениях и т. д.

С первых же дней коллективизации вступило в колхозы большинство женщин-киргизок. В настоящее время на социалистических полях республики работает свыше 200 тысяч женщин, то есть более 50% общего количества колхозников[2].

Большие изменения претерпели свадебные обычаи. Теперь не требуются калым и непосильные расходы на свадьбы, которые были бичом для бедняков. Заработки молодых людей вполне достаточны, чтобы отметить свадьбу, устроить свой семейный быт. Молодые супруги на совместные сбережения нередко приобретают городскую мебель—столы, стулья, шкафы, зеркала, тумбочки, ковры, кровати, предварительно посоветовавшись с товарищами, побывавшими в городах, как лучше обставить квартиру.

Рождение ребенка празднуют дома, куда приглашают родственников, знакомых, друзей. Родители стараются дать ребенку хорошее имя. Дети, рождающиеся в настоящее время, когда во всем мире идет борьба за мир, получают иногда имена, отражающие эту борь-

[1] Журнал „Кыргызстан аялдары", № 2, 1953, стр. 23.
[2] Там же № 1, 1952, стр. 19.

бу, например, Дамир, Замир, Эльмир. Дети, которые родились после Великой Отечественной войны, в ряде случаев получили такие имена: Жениш (Победа), Данк (Слава), Чындык (Правда), Эркин (Свобода).

Ребенка теперь, наряду с детской колыбелью „бешик", кладут в некоторых домах в детские кроватки.

Дети у киргизов пользуются исключительной любовью, заботой и вниманием со стороны родителей. В настоящее время наблюдается довольно распространившееся явление—взятие на воспитание детей-сирот. Усыновление или удочерение детей производится теперь через местные Советы депутатов трудящихся и органы Загса.

В 1929 году Устемова Токтакан усыновила русского мальчика-сироту, когда ему было полтора года, назвав его Рамазаном, а фамилию дав по фамилии своего мужа—Ахматов. Рамазан учился в киргизской школе, окончил 7 классов, затем окончил трехмесячные курсы дорожных мастеров в городе Пржевальске. В 1952 году он женился на киргизке, и сейчас у них имеется дочь по имени Жибек.

Случаи усыновления русских детей киргизами особенно часто наблюдались во время Великой Отечественной войны и после нее. Родители этих детей в большинстве своем погибли на фронте или от гитлеровских бомбежек. Как пример может быть приведен рассказ К. Баялинова „Она не сирота" о девочке Лёле. Лёля родилась в Ленинграде и жила в 6-этажном доме на улице Стачек. Когда началась война, ее отец ушел на фронт, а мать вскоре умерла. Лёля вместе с другими детьми была эвакуирована в детский дом—в село Сару Покровского района Иссык-Кульской области. В один из весенних дней в кабинет директора вошла молодая женщина и сказала, что пришла взять на воспитание ребенка. Это была Маани, жена бухгалтера Амантура из колхоза им. Куйбышева. Директор провел ее во двор, где играли дети. Она показала на беленькую, русоволосую девочку и сказала, что хочет взять ее. Это была Лёля. Амантур и Маани очень привязались к приемной дочери и полюбили ее. Они съездили в Пржевальск, купили ей новое платье и игрушки. Так Лёля перестала быть сиротой и нашла новых родителей[1].

Большую роль в развитии новой семьи киргизов сыграло участие женщины в производительном труде. Бывает, что жена теперь зарабатывает больше, чем ее муж. Но женщина-киргизка играет положительную роль не только в семье. Велика ее роль в развитии экономики и культуры киргизов.

Участие женщины-киргизки в строительстве новой жизни иллюстрируется следующими цифрами. Кроме сельского хозяйства Киргизии, в котором работает свыше 200 тысяч женщин, в промышленности занято свыше 34 тысяч женщин. Несколько сот женщин являются деятелями искусства, из них 20 имеют звания заслуженных и народных артисток республики. В сети здравоохранения работает более 1500 женщин-врачей, 20 из них присвоено звание заслуженного врача республики; 8 женщин являются депутатами Верховного Совета СССР; 194 женщины—депутатами Верховного Совета Киргизской ССР и 5303 избраны депутатами областных, сельских, поселковых, кишлачных и аильных местных Советов; более 30 женщин стали Героями Социалистического Труда и более чем 300 женщинам присвое-

---

[1] К. Баялинов. Повести и рассказы, стр. 408—411.

но почетное звание матери-героини. Киргизские женщины работают в научных институтах, занимаются в аспирантуре.[1]

Многие сельсоветы и некоторые колхозы республики возглавляются женщинами. Женщины руководят десятками животноводческих ферм, они составляют значительную часть трактористов. Среди киргизок имеются и комбайнеры, шоферы, водители паровозов. Сотни и тысячи женщин-киргизок работают в партийных, советских организациях и в органах просвещения, здравоохранения, культуры и науки.

За годы пятилеток на Иссык-Куле произошла подлинно культурная революция, она охватила самые отдаленные аилы. Особенно больших успехов добились киргизы в развитии народного просвещения. В республике осуществлено всеобщее семилетнее обучение в сельской местности и десятилетнее обучение—в городах. В 1945 начальных, семилетних и средних школах обучается более 300 тысяч детей. В прошлом высшее образование для киргизской молодежи было неосуществимой мечтой. В настоящее время в Прииссыккулье имеется высшее учебное заведение Пржевальский государственный педагогический институт, а также медицинский, сельскохозяйственный и педагогический техникумы.

Широкой сетью культурно-просветительных учреждений охвачено население Иссык-Кульской области. Свыше 200 массовых библиотек, в которых насчитывается сотни тысяч книг, свыше 200 клубных учреждений, более 30 звуковых киноустановок, краеведческий музей имени Н. М. Пржевальского и т. д. являются важными очагами распространения культуры. В сельских и районных домах культуры ведутся работы по дальнейшему развитию художественной самодеятельности киргизов. На полевых станах, на дальних отгонных пастбищах—всюду проводятся культурные мероприятия, работает художественная самодеятельность, организованная силами молодежи.

Создание национальной письменности киргизов, разработанной русскими учеными, было одним из ярких примеров огромной помощи со стороны русского народа. Введение киргизского языка в делопроизводство государственных органов, развитие прессы, обучение в школах на родном языке—все эти факты ускорили развитие киргизского литературного языка. Киргизский язык обогащается, пополняет свой словарный фонд за счет тесной связи с русским языком.

Буржуазные националисты пытались выступать против терминологического обогащения киргизского языка через русский язык. Но попытки националистов воспрепятствовать проникновению русской терминологии в киргизский язык полностью провалились. Киргизский язык стал богаче и развитее в результате влияния русского языка, не лишившись, разумеется, своих национальных черт.

В 1940 году киргизская письменность была переведена на русскую графику. На развитие киргизского языка повлиял перевод с русского языка художественной, научной, общественно-политической и технической литературы. Создание киргизского литературного языка позволило киргизам развить национальную печать, которая играет огромную роль в их духовной жизни. В области в настоящее время издаются две областные и 18 городских и районных газет, большинство которых выходит на киргизском языке. Нельзя, конечно, недооценивать и огромную роль в культурной жизни русских газет и жур-

[1] Журнал „Кыргызстан аялдяры" 19..2 г., № 1.

налов и русской литературы, ибо среди киргизов знание русского языка широко распространено. Киргизы считают русский язык мощным средством повышения своего культурного уровня, языком общения киргизского народа не только с русским народом, но и со многими другими народностями и нациями многонациональной Родины.

На основе общего подъема культуры киргизского народа значительного роста достигло искусство киргизов. Театральная студия, созданная в 1925 году в г. Фрунзе, положила начало развитию профессионального театрального искусства в Иссык-Кульской области. В 1928 году студия была преобразована в первый профессиональный национальный театр. Декада киргизской литературы и искусства, состоявшаяся в 1939 году в Москве, продемонстрировала достижения киргизского искусства—национального по форме, социалистического по содержанию. Правительство высоко оценило достижения киргизского советского искусства, наградив музыкально-драматический театр орденом Ленина, а киргизскую филармонию—орденом Трудового Красного Знамени.

Киргизское советское национальное искусство в области театра формировалось из двух следующих основных источников: устного народного творчества, которое в течение нескольких веков из уст в уста, из поколения в поколение передается в виде легенд, песен, сказок и др., и русской советской театральной культуры с ее реалистическими традициями. При непосредственном влиянии русского сценического искусства молодой киргизский театр развивается по пути социалистического реализма. Передовые деятели русского советского искусства оказывали и оказывают помощь в развитии искусства киргизов.

На развитие киргизской советской литературы огромное влияние оказали переводы русской классической и советской литературы. Русские писатели благотворно повлияли на творчество киргизских писателей. В утверждении метода социалистического реализма в киргизской литературе сыграли громадную роль Горький и Маяковский. По этому поводу народный поэт,академик АН Киргизской ССР Аалы Токомбаев говорит: „К нам, в киргизскую литературу, пришел Маяковский... Поэзия Маяковского сразу дала нам направление. Она определила наши идейно-творческие позиции и указала пути дальнейшего развития тогда еще молодой киргизской советской поэзии. Маяковский открыл нам наши собственные возможности, помог их осознать и реализовать в творчестве. Формирование молодого поколения писателей в годы победоносного строительства социализма в Киргизской республике тесно связано с именем Маяковского. С Маяковским пришли в нашу поэзию совершенно новые литературные жанры"[1].

Общему уровню роста культуры Советской Киргизии полностью соответствуют успехи и в деле охраны здоровья народа. За годы Советской власти была создана принципиально новая, социалистическая система здравоохранения в Иссык-Кульской области, полностью отвечающая задачам оказания широкой медицинской помощи киргизам. В настоящее время на Иссык-Куле действует 20 врачебных учреждений с большим количеством больничных коек, 14 учреждений врачебной, амбулаторной, поликлинической помощи, 56 учреждений фельдшерско-акушерской помощи, 12 женских и детских консультаций,

[1] Цитир. по альманаху „Дружба народов", 1950 г, № 2, стр. 157—161.

5 курортов, 4 санитарно-эпидемических и малярийных станции. Во всех этих учреждениях работают сотни врачей. Организована широкая сеть детских яслей и садов.

Территория Иссык-Кульской области покрыта большой сетью медицинских учреждений. Все население области имеет возможность получить своевременную квалифицированную и бесплатную медицинскую помощь. Даже в самых отдаленных районах области открыты медицинские учреждения, оборудованные в соответствии с новейшими достижениями медицинской науки, обслуживаемые квалифицированными медицинскими работниками.

Обобщая сказанное, мы вправе заявить, что национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства успешно приобщила киргизский народ к делу социалистического строительства, открыла перед ним путь расцвета духовной и материальной культуры. Русский рабочий класс протянул руку помощи трудящимся массам киргизского народа и своим руководством обеспечил для них построение новой социалистической жизни.

Под руководством Коммунистической партии, при постоянной помощи русского народа киргизский народ добился большого роста материальных и духовных сил и сложился в сплоченную социалистическую нацию.

Киргизская социалистическая нация при братской помощи великого русского народа создала свою единую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Классики марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Энгельс Ф. Коммунистический манифест. Госполитиздат, 1948.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Восточный вопрос. Соч., т. IX.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, 1948, ч. II.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937.
5. Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. II, ч. 1. Партиздат, 1933.
6. Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. 1.
7. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч., т. XVI, ч. II.
8. Энгельс Ф. Англия и Россия в Афганистане. Соч., т. XI, ч. 1.
9. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. III.
10. Ленин В. И. К деревенской бедноте. Соч., т. V.
11. Ленин В. И. Речь по национальному вопросу 12 мая 1917 г. Соч., т. XX.
12. Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920. Соч., т. XXV.
13. Ленин В. И. Еще о переселенческом деле. Соч., т. XIX.
14. Ленин В. И. Землевладение в Европейской России. Соч., т. XVIII.
15. Ленин В. И. Аграрный вопрос и силы революции. Соч., т. XII.
16. Ленин В. И. Значение переселенческого дела. Соч., т. XII.
17. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. XXII.
18. Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч., т. XIX.
19. Ленин В. И. Крепостное хозяйство в деревне. Соч., т. XX.
20. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. XX.
21. Ленин В. И. Некоторые итоги «Землеустройства». Соч., т. XVIII.
22. Ленин В. И. Новые меры земельной «реформы». Соч., т. XIX.
23. Ленин В. И. Переселенческий вопрос. Соч., т. XVIII.
24. Ленин В. И. Как организовать соревнование. Соч., т. XXVI.
25. Ленин В. И. Помещичье землеустройство. Соч., т. XIX.
26. Ленин В. И. Пробуждение Азии. Соч., т. XIX.

27. Ленин В. И. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы. Соч., т. XVIII.
28. Ленин В. И. Что делается в деревне? Соч., т. XVI.
29. Ленин В. И. Сущность «аграрного вопроса в России». Соч., т. XVIII.
30. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Соч., т. XXXI.
31. Ленин В. И., Сталин И. В. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, Партиздат Узбекистана, 1940.
32. Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. Соч., т. 1.
33. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. II.
34. Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии. Соч., т. V.
35. Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. IV.
36. Сталин И. В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Соч., т. V.
37. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. II-е, М., 1936.
38. Сталин И. В. Телеграмма к 1 областной партийной конференции. В сборнике документов «ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии», Фрунзе, 1937.
39. Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Большевик, № 9, 1941.
40. Сталин И. В. Об объединении советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов. Соч., т. V.
41. Сталин И. В. Об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на I съезде Советов СССР. Соч., т. V.
42. Сталин И. В. Наши задачи на Востоке. Соч., т. IV.
43. Сталин И. В. О политических задачах университета народов Востока. Соч., т. VII.
44. Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. XI.
45. Сталин И. В. Речь на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства 10 ноября 1935 г.
46. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. XII.
47. Сталин И. В. Отчетный доклад XVIII съезду ВКП(б). Вопросы ленинизма, изд. II.
48. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1951.
49. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Госполитиздат, 1950.
50. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952.
51. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
52. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Госполитиздат, 1946.
53. Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР, 1918). Сборник документов под редакцией А. Я. Вышинского. Юриздат Наркомюст СССР, М., 1939.
54. Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы. Госполитиздат, 1951.
55. Сентябрьский, февральско-мартовский и июньский постановления Пленума ЦК КПСС о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР.
56. ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии. Фрунзе, Киргосиздат, 1937.
57. Резолюция 5 облпартконференции Киргизии. Изд. Киробкома.
58. Отчетные доклады 4, 5, 6 съездов ЦК КП Киргизии и постановление Совета Министров Киргизской ССР.

II. Труды общего характера

1. Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.
2. Он же. Этнографическое изучение Киргизии за 30 лет в книге «Наука Киргизии за 20 лет (1926—1946 гг.)». Фрунзе, Изд. КиргФАН СССР, 1946.
3. Он же. Современное манапство в Киргизии. «Советская этнография», 1931, 3—4.
4. Он же. Манапство и религия. «Советская этнография», 1932, № 2.
5. Он же. Творчество киргизского народа. «Советская этнография», 1940, № 3.
6. Он же. Опыт монографического изучения киргизского колхоза. «Советская этнография», 1953, № 3.
7. Абулгази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абулгази, хивинского хана.

Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. С предисловием и примечаниями Н. Ф. Катанова. Казань, 1906, XVI.

8. Алекторов А. Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. Вып. 2, Оренбург, 1892.

9. Алибий Кызыл-кулак. Турк. вед., 1904, № 38.

10. Альманах «20 лет Киргизской ССР» (изд. Союза советских писателей Киргизии), 1946.

11. Альманах «Дружба народов», 1950, № 2.

12. Антар. По казенной надобности. Турк. ведомости, 1912, №№ 57, 60.

13. Аристов Н. А. Землетрясение 30 июня 1889 г. в Семиреченской области. Турк. вед., 1889, № 30.

14. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. Журнал «Живая старина», 1894, вып. III—IV.

15. Он же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Журнал «Живая старина», 1896, вып. III—IV.

16. Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края за 1874 г. т. III.

17. Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Турк. вед., 1894, №№ 5—7.

18. Он же. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Верный, 1898.

19. Он же. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1943.

20. Он же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

21. Берг Л. Озеро Иссык-Куль. «Землеведение», 1904, кн. I—II, с картой, рис. и чертежами.

22. Он же. Поездка на озеро Иссык-Куль. Турк. вед., 1904, №№ 41, 47, 52, 57.

23. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

24. Он же. Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942.

25. Он же. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942.

26. Он же. Материалы по истории Отечественной войны. Фрунзе, 1943.

27. Бичурин Иакинф. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, в трех частях, ч. III. СПб, 1851, с картой.

28. Бруй Г. В. Переселенческое дело в Семиречье в 1910 г. Семир. обл. вед., 1911, №№ 71, 75.

29. Булгаковский Д. Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. СПб., 1896, с картой.

30. Быкадоров. Поездка главного начальника края в Семиречье и по части Сыр-Дарьинской и Ферганской областей. Турк. вед., 1910, №№ 138, 139.

31. Боголюбов Н. С. 20 лет Советского Киргизстана. «Сов. Киргизия», 1946.

32. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Зап. русского географического общества по отд. этнографии, 1904, XXIX.

33. Вамбери Армин Герман. Очерки Средней Азии. (Дополнение к «Путешествию по Средней Азии». М., 1868.

34. Он же. Очерки жизни и нравов Востока, 1877.

35. Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. П., 1915.

36. Вега В. Иссык-Кульский монастырь. Турк. вед., 1901, № 74.

37. Велецкий С. О. Отчетные данные по Семиреченскому переселенческому району за 1907 г. Составлено на основании отчета заведующего переселенческим делом в Семиреченском районе колл. асс. Велецкого, СПб, 1908.

38. Он же. О колонизационном значении Семиречья. Вопр. колон., № 4, 1909.

39. Венюков М. П. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. Зап. русск. геогр. об-ва, 1856, XVIII, отд. 2.

40. Он же. Замечания об озере Иссык-Куль и реке Кашгаре. Вестн. Русск. геогр. об-ва, ч. XXX, отд. 1, 1860.

41. Он же. Замечания об озере Иссык-Куль. «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них». СПб., 1868.

42. Он же. Заметки о населении Чжунгарского пограничного пространства. Изв. русск. геогр. общ., т. VIII, 1871, № 133.

43. Он же. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб, 1876.

44. Он же. Очерк географических исследований в Азиатской России. Военн. сборн., 1877, № 7, (Турк. сб., т. 185).

45. Виноградов В. В. Музыка Советской Киргизии. М., 1939.

46. Виткевич. Киргизия. Изд. ЦК ВЛКСМ, 1938.

47. Волков. Рыбоводство в пос. Рыбачье на озере Иссык-Куль. Семиречье. Верный, 1916, № 5.
48. Вольценштейн С. Ак-Суйские горячие ключи. Семир. обл. вед., 1899, №№ 47, 49, 50.
49. Воробчук А. Киргизское скотоводство. Турк. вед., 1910, № 280.
50. Он же. Ущерб, наносимый ворами и хищными животными киргизскому скотоводству. Семиреченские областные ведомости, 1910, № 135.
51. Воронков В. По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. Семир. обл. вед., 1908, №№ 12, 14, 16, 22, 24, 27, 34, 35, 37, 38, 40, 42, 43.
52. Восторгов. Положение переселенческого дела в Семиречье. Турк. вед., 1910, № 153.
53. Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского (Пржевальского) уезда Семиреченской области с описанием преобладающих болезней в зависимости от почвы, климата и бытовых условий среди населения уезда за время с 1870—1890 гг. в гражд. населении и с 1884—1894—в военном. Военно-медицинск. журнал., 1895, кн. 10.
54. Выставка изобразительного искусства Киргизской ССР. М.—Л., 1939.
55. Гаврилов М. Ф. Киргизские скороговорки. Ташкент, 1927.
56. Галкин А. К. К вопросу об Иссык-Кульских древностях. Турк. вед., 1891, вып. 3.
57. Гасфорд. Извлечение из донесения генерала Гасфорда от 10 ноября 1860 г. за № 1719. Русский Туркестан, 1872, вып. 3.
58. Гейер И. И. Переселенцы в Средней Азии. Турк. вед., 1899, № 46.
59. Он же. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909.
60. Гейнс А. К. Каталог картин, этюдов и рисунков В. В. Верещагина. СПб., 1874 (Турк. сб., т. 85).
61. Он же. Джеты-Огузские минеральные воды. Турк. вед., 1910, № 111.
62. Он же. Джеты-Огузские минеральные источники. Семиреч. обл. вед., 1910, № 6.
63. Голубев А. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. Вестн. русск. геогр. общ., ч. XXVIII, 1860.
64. Город Пржевальск. Журнал «Русский инвалид», 1889, № 59 (Турк. сб., т. 426).
65. Гинс Г. К. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью), исторический вестник, 1913, № 10.
66. Граменицкий С. М. Очерки развития народного образования в Туркестане. Ташкент, 1896.
67. Григорьев С. Семиреченское землетрясение 22 декабря 1910 г. Землевед. кн. I—II, 1911.
68. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
69. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай, т. II; поперек Бей-Шаня и Нань-Шаня в долину Желтой реки. СПб., 1899.
70. Двадцать пять лет Киргизской ССР. Фрунзе, 1951.
71. Джамгырчинов Б. К вопросу о присоединении Киргизии к России. Известия КиргФАН СССР, вып. 7, 1947.
72. Диваев А. А. Легенды о происхождении кара-киргизов. «Этнографическое обозрение» за 1910, № 84—85.
73. Дискуссия об азиатском способе производства. М.—Л., 1931.
74. Дмитриев-Мамонов А. И. Путеводитель по Туркестану и среднеазиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации закаспийской военной дороги и очерком сооружения Оренбург—Ташкентской жел. дороги под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, СПб., 1903.
75. Дублицкий В. Н. Родословная таблица (кара) кыргыз, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1928.
76. Дубровин Н. Ф., Н. М. Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890.
77. Дылевский А. А. Сведения о состоянии пчеловодства по Пржевальскому уезду. Турк. вед., № 166.
78. Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сб. этнографических материалов, Л., 1928.
79. Дьячков П. А. Урочище Койсара. Туркестанский кружок любителей археологии за второй год его деятельности. Ташкент, 1897.
80. Он же. Озеро Иссык-Куль и его северный берег. Изв. Турк. отд. русск. геогр. общ., т. 1, вып. 1, Ташкент, 1898.
81. Ежегодник матер. для статистики Турк. края, 1872, вып. 1.
82. Журнал «Кыргызстан аялдары», №№ 1, 2, 4 за 1951 г., №№ 1, 2, 3, 4 за 1952 г., № 1, 3, 4 за 1953 г.

83. Журнал «Советская музыка», № 6, 1939, № 2 за 1954 г.
84. Загорский Г. Перекочевки наших переселенцев. Семир. обл. вед., 1914, № 64.
85. Загряжский Г. С. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргизов. Матер. для статистики Туркестанского края, СПб., 1873.
86. Он же. Кара-киргизы (Этнографический очерк), Турк. вед., 1874, №№ 41, 42, 44, 45.
87. Он же. Киргизские очерки аш или тризна по умершим. Турк. вед., 1873, № 1.
88. Он же. Юридический обычай киргиз. О различных годах состояния и о правах им присвоенных. Матер. для статист. Турк. края. Ежегодник, 1876, вып. IV.
89. Зайцев. Покровский поселок. Турк. вед., 1898, № 11.
90. Заорская В. В. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи. П., 1915.
91. Зеланд Н. Л. Сообщение о работах по Киргизии. Изв. общ. любит. естеств. антропол. и этн., тт. IX, X, вып. 1, М., 1890.
92. Он же. С берегов Иссык-Куля. Турк. вед., 1891, № 35—36.
93. Он же. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня (Путевые записи. Записки Зап.-сиб. отдела русск. геогр. об-ва, 1887).
94. Он же. Киргизы. Этнологический очерк. Записки Зап.-сиб. отд. русского географ. об-ва, 1885.
95. Зенков П. Русские поселения в Токмакском и Иссык-Кульском уездах. Турк. вед., 1874, № 35—38.
96. Он же. Экономические заметки по Киргизской степи от Иртыша до Иссык-Куля. Там же, № 46.
97. Он же. Из Семиречья. Труды военного экономического общества, т. 1, 1877.
98. Записки Москвича. Моск. ведом., № 52 за 1867 г. Сообщения о Туркестанской депутации, в состав которой вошел кыргыз Байтык.
99. Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.
100. Зима А. Г. Земельная политика царизма в Киргизии. Труды Киргосединститута, вып. II, Фрунзе, 1948.
101. Зорин А. Н. Современное манапство в Киргизии (северная часть), Фрунзе, 1931.
102. Иванов. О садоводстве на Иссык-Куле. Памятн. книжка Семир. обл. стат. комитета на 1898 г. Верный, 1898.
103. Иванов А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев. Ежегодник мат. для стат. Турк. края, вып. II, 1873.
104. Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии, Алма-Ата, 1932.
105. Игнатьев И. В. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. Изв. Русск. геогр. общ., т. XXIII.
106. Инфантьев П. На родине первых людей. Приключение двух гимназистов в Средней Азии. СПб., 1911 (Турк. сб., т. 581).
107. Искусство Советской Киргизии. М.—Л., 1938.
108. Иссык-Куль. В кн. Семенова П. Геогр. стат. словарь Росс. импер., т. II, 1865.
109. Иссык-Кульский конный завод Пяновского, Турк. вед., 1910, № 177.
110. Иакинф (Бичурин). Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского, ч. I, т. II, СПб., 1829.
111. Из Иссык-Кульского уезда. Матер. для статист. Турк. края, вып. II, СПб., 1873.
112. Каразин Н. Н. Новые русские владения: берега озера Иссык-Куль. «Нива», 1878 (Турк. сб., т. 235).
113. Катанаев Г. Е.—Н. И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии. Зап. СПб., отд. русск. геогр. общ., т. XXXVIII. Омск, 1916.
114. Карутс Р. О способах врачевания у туземцев Туркестанского края. Матер. для статистики Турк. края, вып. II, СПб., 1873.
115. Каульбарс А. В. Колесный путь через Тянь-Шань. Турк. сб. № 45.
116. Он же. Матер. по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. Зап. русск. геогр. общ. по общ. географ., т. V, 1875.
117. Ким П. Об ошибках в научных работах по истории Киргизии. Вестник Академии наук СССР, 1953, № 15.
118. Киргизия к Всесоюзной выставке, Фрунзе, Киргосиздат, 1939.
119. Киргизский музыкальный фольклор, М.—Л., 1939.
120. Ковалев Е. П. Очерки быта кара-киргизов. Турк. вед., 1895, №№ 20, 21.
121. Козлов П. К. По дороге на Иссык-Куль. Семир. обл., вед., 1914, № 1.
122. Он же. Н. М. Пржевальский. Изв. русск. геогр. общ., т. XXII, П., 1915.

123. Колбасенко И. С. Киргизская колыбель. несколько слов об уходе за детьми у киргизов. Протоколы Киевского акушерско-гинекологического общества, 1890, VI.
124. Колобов М. Свято-троицкий иссык-кульский миссионерский монастырь и его окрестности. Семир. обл. вед. №№ 16—18, 20, 25, 27, 29—30, 36, 40, 43, 46, 54, 60, 62, 64, 65, 68, 70, 72, 80, 84, 90, 91, 93—94.
125. Колосов Г. А. О народном врачевании у сартов и киргизов Туркестана. Труды Антропологич. об-ва при Импер. военно-медицинск. академии, т. VI, СПб., 1903.
126. Конопка С. Р. Туркестанский край, Ташкент, 1910.
127. Он же. Туркестанский край, 2 изд., Ташкент, 1912.
128. Он же. Туркестанский край, Ташкент, 1913.
129. Корреспонденция из гор. Пржевальска. Турк. вед., 1900, № 7.
130. Корженевский Н. Д. Киргизская свадьба, Турк. вед., 1913, № 41.
131. Костенко Л. Ф. Очерки Семиреченского края. Военн. сб., т. 88, 1872.
132. Он же. Туркестанский край. Материалы для географии и статистики России, т. I—II, СПб., 1880.
133. Он же. Чжунгария. Военно-статистический очерк. Сборник «Мат. по Азии», вып. XXVIII, СПб., 1887.
134. Он же. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1870.
135. Он же. Краткая характеристика Великого Тянь-Шаньского нагорья, Военн. сб. 1878, № 6.
136. Краснов А. Н. В снегах и льдах Восточного Тянь-Шаня (из записной книжки путешественника). «Книжка недели», 1887, № 8.
137. Он же. Очерк быта семиреченских киргиз. Изв. Русск. геогр. общ., т. XXIII, 1887.
138. Он же. Долина Иссык-Куль. В кн. Азиатская Россия, иллюстр. геогр. сборник, М., 1903.
139. Кривцов Г. Из Ташкента. Всемирн. иллюстр., 1876, № 133 (Турк. сб., т. 89).
140. Культура и искусство киргизского народа, Фрунзе, 1939.
141. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, СПб., 1879.
142. Кушакевич А. Д. Угор-гасын или иссык-кульский корешок. Турк. вед., 1873. № 19.
143. Левшин А. Об имени киргиз-казахского народа и отличие его от подлинных или диких киргизов. Московский вестник, 1827, № 16.
144. Он же. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казацких орд и степей, ч. II, СПб., 1832.
145. Липский В. И. По горным областям русского Туркестана (Тянь-Шаня). Изв. Русск. геогр. общ., т. XIII.
146. Лунин Б. А. Киргизская ССР, Фрунзе—Казань, 1940.
147. Ляшенко. История киргизского народного хозяйства, Фрунзе, 1945.
148. Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края. Русск. Турк., сб., вып. 1, 1872.
149. Он же. Китайские владычества в Средней Азии. Турк. вед., 1876, № 1.
150. «Манас», киргизский народных эпос, М., 1941.
151. Макшеев А. М. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. Записки Русск. геогр. общ. по отд. статист., т. II, 1871.
152. Марков. Из поверий ташкентских сартов. Турк. вед., 1902, № 14.
153. Масальский В. И. Туркестанский край, СПб., 1913.
154. Массон М. Е. К истории добычи ртути в Средней Азии. Народное хозяйство Средней Азии. 1930.
155. Менский К. Путевые заметки по Семиречью. Военн. сб., 1905, № 8.
156. Михайлов М. Киргизы. Литер. биб-ка, 1867 (Турк. сб., т. 16).
157. Михельсон А. И. Очерк растительности части Пржевальского и Джаркентского уездов (Семиреченской области) СПб., 1913.
158. Мушкетов И. В. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1873 г. Собр. сочин., вып. 1, СПб., 1910.
159. Наблюдатель. Закон и практика жизни. Турк. вед., 1902, № 67.
160. » Пржевальск, Турк. вед., 1902, № 41.
161. Нам пишут из Пржевальска, Турк. вед., 1900, № 7.
162. Надзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (по сведениям на 1 января 1913 г.), Верный, 1913.
163. Нездешний. Отцы нашего города. Семир. обл. вед., 1911, № 186, 187.
164. Не семиреченец. Семиреченские сельскохозяйственные школы. Турк. вед., 1914, №№ 131, 132.
165. Никитин. Кара-киргизы (исторический очерк). Памятная книжка Семипалатинской области, 1897.
166. Новая русско-туземная школа, Турк., вед., 1898, № 95.

167. Новое селение в Семиречье, Турк. вед., 1910, № 252.
168. Обзор Семиреченской выставки. Семир. обл. вед., 1913, №№ 202—204.
169. Обзоры Семиреченской области с 1883 по 1912 гг., Верный.
170. О посевах в Семиреченской области (за 1869 г.). Матер. для статист. Турк. края, ежегодник, 1872, вып. 1.
171. О переселенцах в Пржевальском уезде. Турк. вед., 1912, № 59.
172. О садоводстве в Семиреченской области. Семир. обл. вед., 1898, № 3.
173. О скотоводстве в Семиреченской области, Русский Туркестан, 1872, вып. II.
174. Остен-Сакен. Поездка в Занарынский край летом 1867 г. Известия РГО, т. V, 1869.
175. Остроумов Н. О. Положение инспекции народных училищ в Семиреченской области. Турк. вед., 1912, № 7.
176. Ошанин Л. В. Материалы по антропологии Средней Азии. Киргизы южного побережья Иссык-Куля. Сб. «В. Бартольду», Ташкент, 1927.
177. О числе учебных заведений, учителей и учащихся в Семиреченской области (Сведения собраны в 1869 г.).
178. Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором-гофмейстером графом К. К. Паленом. Орошение в Туркестане, СПб., 1910.
179. Певцов М. Путешествие по Восточному Туркестану. Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах, СПб., 1895.
180. Петровский Н. Ф. Материалы для торговой статистики Туркестанского края. Ташкент, 1873, вып. 1, 12.
181. Половцев А. А. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел А. А. Половцева, командированного в 1896—1897 гг. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае, СПб., 1898.
182. Пономарев Н. Оседлые поселения киргизов в Семиреченской области. Турк. вед., 1900, № 16.
183. Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930.
184. Поездка в долину озера Иссык-Куль, Семиреч. обл. вед., 1890, №№ 31, 33.
185. Посевы льна и конопли в Пржевальском уезде. Турк. вед., 1902, № 32.
186. Постройка памятника Н. М. Пржевальскому. Турк. вед., 1893, № 33.
187. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1952.
188. Он же. Общественный строй алтайцев. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников-алтайцев «Историк-марксист», 1940, № 11.
189. Он же. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Вопросы истории, 1954, № 6.
190. Поярков Ф. В. Памяти незаметного труженика, Турк. вед., 1900, №№ 63, 64.
191. Он же. Джинны. Из области киргизских верований, «Этнографическое обозрение», 1891, № 5—4.
192. Он же. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4.
193. Он же. Кара-киргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка Семиреченской области, 1900.
194. Пржевалец. Пржевальск. Турк. вед., 1902, № 27.
195. Пржевальск. Открытие в Пржевальске бесплатной библиотеки-читальни. Турк. вед., 1902, № 45.
196. Пчеловодство в Пржевальском уезде. Турк. вед., 1902, № 33.
197. Пьянков В. Туркестанский календарь на 1880 год. Справочная книжка. Ташкент, 1879.
198. Пянковский В. А. Коневодство в Семиречье. Турк. вед., №№ 31—34.
199. Пятницкий Вл. О коневодстве. Семир. обл. вед., 1911, № 254—258. Киргизы. «Землеведение», 1932, т. XXXIV, вып. 3—4.
200. Путевые записки лекаря Зиберштейна. Журнал «Исторический архив», т. 1, Москва, 1936.
201. Работа Пржевальской библиотеки-читальни. Турк. вед., 1902, № 78.
202. Радлов В. В. Краткий очерк о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. Изв. Русск. геогр. общ., т. VI, 1870.
203. Он же. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие дикокаменных киргизов, СПб., 1885.
204. Развитие транспорта на Иссык-Куле, Турк. вед., 1902, № 42.
205. Ракитников А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина, М.—Л., 1934.
206. Ремесленное образование в Семиреченской области. Турк. вед., 1914, № 148.
207. Риттер К. Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредствен-

ных сношениях с Россией, т. е. Китайской империей, независимой Татарии, Персии и Сибири. Перевод и дополнения П. Семенова, т. II, СПб., 1859.
208. Риттих П. А. Туркестано-сибирская железная дорога. Протоколы трех заседаний под редакцией секретаря Среднеазиатского отдела П. А. Риттих, СПб., 1906.
209. Роборовский В. Последние часы жизни Н. М. Пржевальского. В кн. «Памяти Н. М. Пржевальского», СПб., 1889.
210. Рожанович И. Пчеловодство в Пржевальском уезде. Турк. вед., 1901, №№ 31, 33.
211. Он же. Село Преображенское (Пржевальского уезда) Турк. вед., 1901, № 101.
212. Он же. Плодоводство в Пржевальском уезде. Турк. вед., 1902, № 45.
213. Рождественский Д. Пчеловодство в Пржевальском уезде, Семиреченской области. Турк. сельск. хоз., 1906, № 9.
214. Он же. К вопросу о пчеловодстве в Семиреченской области, мерах его поднятия и развития. Семир. обл. вед., 1910, №№ 5—6.
215. Розеншильд. Паулин. Тянь-Шаньские сырты к югу от Пржевальска. Военн. сб., 1896, № 8 (Турк. сб., т. 480).
216. Румянцев П. П. (ред.) Материалы по обследованию туземного[9] и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. VI. Русские старожильческие селения Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. П., 1915.
217. Он же. Условия колонизации Семиречья. Вопр. колон. № 9, 1911.
218. Самарин Г. А. Песни киргизского народа о Великой Отечественной войне. Сб. в честь 40-летия научной и общественной деятельности акад. К. И. Скрябина. Изд. КиргФАН СССР, Фрунзе, 1945.
219. Сборник «15 лет Киргизской ССР», Фрунзе, 1941.
220. Свирловский Э. Культура опийного мака и добывание опия в Семиречье. Турк. сельск. хоз., 1917, №№ 4, 5, 6, 7, 8.
221. Сведения о дикокаменных киргизах, доставленных от генерал-губернатора Западной Сибири. Зап. РГО, кн. 5, 1861.
222. Он же. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению русского географического общества, СПб., 1873.
223. Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области, 1913—1915 гг. Верный, 1914—1918.
224. Семенов П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал Усуок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности оз. Иссык-Куль в 1856 г. Зап. Русск. геогр. общ., по общ. геогр., т. 1, 1867.
225. Он же. История полувековой деятельности русского географического общества, 1845—1895 гг., часть 1, СПб., 1896.
226. Семёнов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг., М., 1946.
227. Серебрянников А. Г. Туркестанский край. Сб. материалов для истории его завоевания, 1866, часть первая, вып. 22, Ташкент, 1915.
228. Сибирский торгово-промышленный ежегодник, СПб., 1914—1915.
229. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 г. Томск, 1898.
230. Силин Я. Б. Ответ на вопрос № 15 об условиях пчеловодства в Семиречье. Турк. сельск. хоз., 1912, № 8.
231. Он же. Показательная пасека в гор. Пржевальске Семиреченской области. Турк. сельск. хоз., 1913, № 6.
232. Он же. Пчеловодство в Пржевальском уезде. Турк. сельск. хоз., 1913, № 12.
233. Он же. Агрономическая помощь населению Пржевальского уезда по пчеловодству (по борьбе с гнильцом). Труды III съезда деят. по сельск. хоз. Турк. края, Ташкент, 1914.
234. Он же. Пчеловодство в Пржевальском уезде. Турк. сельск. хоз., 1916, №№ 1, 2.
235. Скрин А. Китайский Туркестан, М.—Л., 1930.
236. Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. X. Загорная волость (Каракол-Нарынского округа Киргизской АССР), Ташкент, 1927.
237. Сообщения с Иссык-Куля. Турк. вед., 1892, № 1.
238. Скорняков Е. Е. Семиреченская область и положение ирригационного дела в ней. Ежегодник отд. земельн. улучш., год 3, СПб., 1913.
239. Соколов А. О кара-киргизах. Семир. обл. вед., 1910, № 53—58.
240. Соколов Н. П. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции. Часть первая. САОГИЗ. Москва, Ташкент, 1933.
241. Сыдыков А. С. Родовое деление киргиз. Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.
242. Судоходство на озере Иссык-Куль. Семир. обл. вед., 1914, № 149.
243. Сунаргулов А. Маршрут пути от гор. Аксу через крепость Уч-Турфан на гор. Каракол. В кн. А. Н. Куропаткин. Кашгария, СПб., 1879.

244. Татищев А. Общие итоги переселенческой кампании 1907 года. Вопросы колоний, № 2 (1908).
245. Тейх Н. Б. Анализ туркестанских минеральных источников. Турк. вед., 1880, № 4.
250. Толстов С. П. Сборник. Религиозные верования народов СССР, т. 1, М.—Л., 1931.
251. Токтогул Сатылганов. Избранные сочинения, Москва, 1940.
252. Трегубов А. Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. Впечатления и заметки о поездке летом 1909 г. Вопр. колон., № 6, 1916.
253. Федоров Д. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район, ч. 1—2, Ташкент, 1910.
254. Фетисов А. Экскурсия в горы Заилийского, Терскей и Кунгей Алатау. Турк. вед., 1878, №№ 3, 4.
255. Фиельструп Ф. А. Исследования среди кара-киргиз. Этнографические экспедиции 1924—1925 гг., Л., 1926.
256. Он же. Свадебные жилища турецких народностей. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926.
257. Филиппов И. Население, культура и колонизация района Туркестано-Сибирской железной дороги. Турк. вед., 1908, № 216—218.
258. Фридерикс Н. Несколько заметок о Семиреченской области. Турк. вед., 1874, № 24.
259. Хасанов А. Завоевание Киргизии русским царизмом. «Сов. Киргизия», 11 апреля 1941, «Кызыл Кыргызстан», 13 апреля 1941.
260. Ходосов А. О жизни переселенцев. Семир. обл. вед., 1912, № 125.
261. Он же. Торжество в г. Пржевальске. Семир. обл. вед., №№ 234—236.
262. Хомутов П. И. Проект всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон-Кауфмана по Гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 г. 25 марта 1881, СПб., 1885.
263. Хорошхин А. П. Заметки о Кокане. Русск. инвалид, 1869, №№ 75—76.
264. Циммерман. Извлечение из донесения полковника Циммермана от 28 августа 1860 г. Русский Туркестан, 1872, вып. 3.
265. Чайковский А. П. Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 гг. Турк. вед., 1872, №№ 42, 44, 45.
266. Чепелев В. Н. Киргизское народное изобразительное искусство. «Искусство», 1939, № 5.
267. Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России в Средней Азии. Ташкент, 1879.
268. Шкапский С. А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Отчет чиновника по сельскохозяйственной и оброчной части при Сыр-Дарьинском областном правлении О. А. Шпакского по командировке осенью 1904 г. в Семиреченскую область. СПб., 1906.
269. Он же. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Вопросы колон., 1907.
270. Он же. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. об-ва, 1905, вып. IV.
271. Щербин-Крамаренко Н По мусульманским святыням Средней Азии. Справочн. книжка Самаркандской обл. на 1896 г. Самарканд, 1896.
272. Шрейдер И. И. По окраине. Путевые очерки. СПб., 1893.
273. Штернберг Л. Ч. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1935.
274. Эйдригавич Е. В. Козоводство и коза в Киргизии. Фрунзе—Казань, 1939.
275. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, М., 1940.
276. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Ленинград, 1940.

Архивные материалы

1. Центральный государственный архив ЦГА Киргизской ССР, фонд №№ 11, 12, 13, 14, 53, 76, 77. Пржевальского переселенческого подрайона.
2. Рукописные материалы, хранящиеся в фонде Института языка, литературы и истории КиргизФАН СССР.
3. Бежкович. Киргизское бытовое земледелие, инв. № 733.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

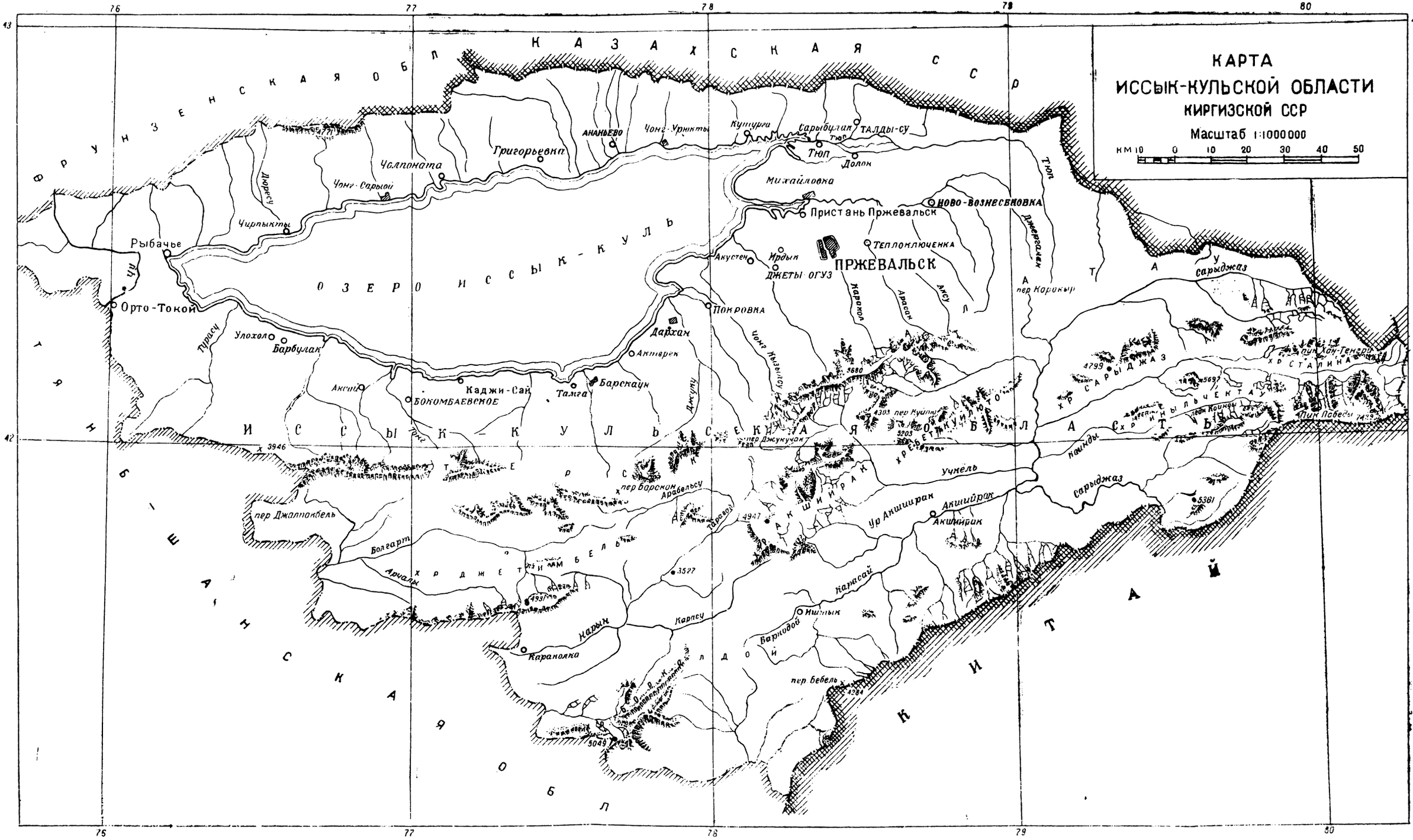
1. Введение 3

2. *Глава I.* Зарождение культурных связей иссык-кульских киргизов с русским народом и влияние их на киргизское хозяйство 13
Вхождение иссык-кульских киргизов в состав Русского государства . . 13
Природные условия Иссык-Кульской области и расселение киргизских племен, родов и другого населения на её территории 20
Влияние русского народа на развитие киргизского хозяйства 29
Земледелие 29
Скотоводство 51
Садоводство 69
Огородничество 70
Пчеловодство 71
Охота 74
Рыболовство 77
Ремесло 82
Транспорт и связь 90

3. *Глава II* Домашний быт киргизов в связи с влиянием русской народной культуры 94
Поселение 94
Жилище 99
Одежда 110
Пища 113
Семейные отношения 117

4. *Глава III* Общая характеристика дореволюционной культуры киргизов в связи с прогрессивным влиянием русской культуры 127
Народное просвещение 127
Народные знания 132
Народная медицина 136

5. Заключение 140


КАРТА
ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
КИРГИЗСКОЙ ССР
Масштаб 1:1000000
КМ 10 0 10 20 30 40 50
ВРУННЗЕНСКАЯ ОБЛ
КАЗАХСКАЯ ССР
ОЗЕРО ИССЫК-КУЛЬ
ПРЖЕВАЛЬСК
Пристань Пржевальск
Ново-Вознесеновка
Теплоключенка
Рыбачье
Орто-Токой
Чолпоната
Григорьевка
Ананьево
Чонг-Урюкты
Кутурга
Сарыбулак
Тюп
Талды-су
Долон
Михайловка
Чирпыкты
Чонг-Сарыой
Дюрсу
Акустен
Ирдык
Джеты Огуз
Покровка
Дархан
Актерек
Каджи-Сай
Бокомбаевское
Барскаун
Талга
Акший
Барбулак
Улохоло
Турасу
Чу
Чонг-Кызылсу
Джуку
Каракол
Арасан
Аксу
Джергалан
пер Каракыр
Сарыджаз
Хр Сарыджаз
Пик Хан-Тенгри
Хр Кокшаал-Тау
Пик Победы
Хр Терскей-Ала-Тоо
Пик Ленина
Пик Свердлова
Пик Семенова
Пик Чапаева
Пик Фрунзе
Пик Коммунизма
Пик Корженевской
Пик Абалакова
Пик Хаджи-Тау
Пик Ак-Ширак
Ак-Ширак хребет
Ак-Ширак
Ур Акширан
Акширак
Учкель
Нарынды
Сарыджаз
Ишимбель
Хр Джетымбель
Болгарт
Арчалы
Карыкол
Карасай
Ныныкол
Барскоон
Арабельсу
пер Барскоон
пер Джалпакбель
пер Джукучак
пер Бебель
Каракол
Карыкол
Карасу
Варкиевой
Ысык-Ата
Б. Ю. В. К.
Ысык-Ата
Ысык-Ата
Ысык-Ата